

Симона Вилар
Леди-послушница
Серия «Далёкий свет», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8223268

*Симона Вилар. Леди-послушница.: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2012
ISBN 978-966-14-3795-0*

Аннотация

Во времена гражданских войн XII в. высокородные невесты являлись ценным трофеем, и с их чувствами никто не считался. Самая красивая и знатная девица в Англии Милдрэд Гронвудская рискует на себе ощутить все ужасы своеволия принцев крови! Лишь замужняя женщина может избежать интриг и опасностей, но гордая красавица видит защитника в безвестном бродяге, который завоевал ее сердце, не смея претендовать на ее руку.

Содержание

Предисловие	5
Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	46
Глава 6	59
Глава 7	68
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Симона Вилар Леди-послушница

© Гавриленко Н. Г., 2010

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2010

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Предисловие

Двенадцатый век – высокое Средневековье, век зарождения идеалов рыцарства, галантности и изысканной моды, а еще время неприступных замков и жестоких, беспощадных войн, грозящих гибелью и сильному, и слабому. В новом романе Симоны Вилар оживает яркая, захватывающая эпоха одной из гражданских войн, которыми так богата история Англии: многолетняя борьба за корону между наследниками Генриха I Боклерка – Стефаном и Матильдой. И как всегда у этого автора, далекие события предстают перед читателями как объемное полотно, становятся увлекательными и понятными, а герои повествования запоминаются надолго.

Приключенческий роман, тем не менее, поднимает тему, актуальную для Средневековья: насколько политика и интересы государства влияли на такую, казалось бы, личную сферу, как любовь и замужество девушек знатного рода.

Главная героиня повествования – Милдрэд Гронвудская, – спасаясь от нежеланного претендента на ее руку, покидает надежный отцовский замок с намерением немного пожить в монастыре у своей родственницы, аббатисы Бенедикты, – и впервые в жизни выходит в огромный, сложный, опасный мир. Веселая, озорная девушка, легкомысленная, но решительная, добрая, но избалованная любящими родителями и домочадцами, выросшая в атмосфере заботы и всеобщего преклонения, она даже не подозревает о том, какие опасности могут подстерегать ее и какие чудовища таятся в душах людей, на первый взгляд достойных и любезных. На собственном тяжелом опыте ей придется учиться и разбираться в людях, и принимать решения, и нести ответственность за свои поступки. Но главное – Милдрэд, привыкшая лишь покорять мужчин, смотревшая на любовь как на забаву, научится любить и жертвовать собой ради своей любви.

Симона, что привлекает вас в эпохе европейского Средневековья?

– Эта эпоха дает фантазии романиста большой простор, а образы реально живших людей зачастую колоритнее и глубже любых выдуманных. Погружаясь в далекое прошлое, мы можем проследить, как зарождались обычаи или взгляды, которые обыденны для наших современников. К тому же яркое, полное событий время всегда драматично, и оно становится огромным полем деятельности, если добавить к нему толику вымысла!..

Ваш новый роман имеет определенную связь с вышедшей недавно книгой «Поединок соперниц». Что заставило вас вернуться к эпохе войн за наследство Генриха Боклерка? Возможно, нежелание расставаться с полюбившимися героями?

– По сути толчком послужил мой собственный интерес к этому периоду. Он мало освещен в нашей литературе, хотя и заслуживает внимания. К тому же роман о гражданской смуте в Англии XII века был задуман как единое произведение, и в «Поединке соперниц» я только подошла к основным событиям дилогии «Далекий свет», началом которой является роман «Леди-послушница».

В связи с этим что вы можете сказать об ожидаемом продолжении романа?

– Скажу, что работаю над ним и получаю огромное удовольствие от своей работы, чего желаю и всем читателям Книжного Клуба. Ведь любимая работа – это такое счастье!

Пролог 1128 год. Март

– Мальчик! О, святые угодники!.. Миледи, только взгляните, какого чудесного малыша вы произвели на свет божий!

Однако роженица в ответ лишь отвернулась и резко закрыла лицо руками.

– Не показывай мне его, Дуода! Ради всего святого, убери поскорей! И сделай что-нибудь, чтобы он не так орал.

Последнее было очень важно: тайные роды происходили в женском монастыре, и если плач младенца привлечет внимание...

Две помогавшие женщины – пожилая матрона и молоденькая девушка – растерянно переглянулись, однако, не смея перечить госпоже, унесли младенца в угол и там принялись обмывать.

Роженица не смотрела на них – лежала, отвернувшись к стене. Ее лицо выглядело усталым, осунувшимся после долгих страданий, губы искусаны в кровь. И все же во время родовых мук она не издала ни единого стоны, ни единого крика, какой бы мог потревожить покой уединенной женской обители Святой Моники, укрывшейся среди дюн на берегу Бристольского залива. Более укромного места эта женщина – дочь короля Англии, вдова императора Германии, а ныне жена графа Джеффри Анжуйского – не могла подыскать, чтобы втайне от всех родить своего бастарда. Три месяца назад, когда последствия ее безрассудной любви к простому рыцарю уже нельзя было скрывать, она, под предлогом замаливания грехов, в обществе двух преданных женщин прибыла в этот отдаленный монастырь и поселилась в небольшом флигеле. И в своем добровольном затворничестве, прикрытом религиозным пылом, этой весенней ночью, когда шумел дождь, а рокот волн казался особенно близким, она наконец произвела на свет сына.

«В хорошее время я умудрилась родить, – подумала графиня Анжуйская, которую, впрочем, большинство подданных продолжали величать прежним титулом – императрица. – Шум дождя, ветер, ненастье, громкий рокот прибоя. Даст Бог, никто не различил плача младенца».

Она прислушалась – ребенок уже не кричал, лишь порой попискивал. Императрица даже расслышала, как обмываемый прислужницами малыш чихнул – коротко и тихо, словно котенок. По ее устам невольно скользнула нежная улыбка. Однако она не позволила себе расслабиться.

Старшая из женщин подошла, стала обхаживать госпожу, и той пришлось напрячься, извергая послед. Теперь, кажется, все. Ей стало легче и безумно захотелось спать, но она не могла позволить себе отдыха.

– Дуода, сколько времени осталось до заутрени? Успею ли я хоть немного вздремнуть? О небо, как я устала! А ведь надо еще выстоять службу.

– Христос с вами, госпожа! – Дуода всплеснула руками. – Слыханное ли дело, чтобы сразу после родов...

– Вам не хватит сил, миледи, – поддержала старшую молоденькая прислужница.

– Помолчи, Ивета! Я должна явиться в церковь как ни в чем не бывало, иначе эта крыса-настоятельница что-нибудь заподозрит. Она и так в последнее время глаз с меня не сводит, все твердит, как я пополнела. А вы... Почему затих ребенок?

Она приподнялась на локтях, но когда улыбающаяся Дуода протянула ей туго спеленатого уснувшего младенца, сразу отпрянула.

– Я ведь велела – не показывай! Я не должна... Не смею...

Прислужницы переглянулись. Конечно, их госпожа – сильная женщина, но чтоб даже не поглядеть на свое дитя... своего первенца... пусть и незаконнорожденного.

– Вот что, Дуода, – некоторое время спустя сказала императрица, глядя в низкий свод кельи. Ее бледное лицо выражало решимость, влажные рыжеватые пряди прилипли к вискам. – Вот что, сейчас ты уложишь младенца в корзину и вынесешь через боковую калитку. До порта рукой подать, ты отправишься туда и зафрахтуешь самое быстроходное судно. Заплатишь щедро, не скупись. Велишь доставить тебя в устье Северна и далее по реке поплывешь на север, в графство Шропшир. Там, недалеко от Шрусбери, наймешь проводника, чтобы помог отыскать тебе манор¹ Орнейль. Это где-то на границе с Уэльсом. Там ты незаметно положишь ребенка у порога дома. Проследишь, чтобы его взяли, и уходи.

Она говорила это быстро и твердо – видимо, продумала все заранее, и прервалась только, чтобы выпить воды из протянутой Иветой чаши – после родов ее мучила жажда. перевела дыхание и продолжила:

– Все это займет у тебя – путь туда и обратно – дней пять, наибольшее – неделю. Ты должна торопиться, так что не скупись, плати не торгуясь, только спеш. В пути ты сможешь покупать молоко для ребенка на фермах. Учти, я не желаю, чтобы с ним что-то случилось, оберегай его! А когда исполнишь поручение и вернешься, я смогу наконец возвратиться к супругу... Будь он трижды проклят!

Она вновь жадно пила воду, а потом, заслышав удары колокола, вздохнула и выругалась сквозь зубы. Пора было отправляться в церковь. О Пречистая Дева, дай ей силы!

Императрица с трудом поднялась. Это была невысокая, ширококостная женщина двадцати шести лет от роду; ее растрепанная каштаново-рыжая коса упала с плеча, лицо казалось бледным, но выразительным, светло-серые глаза смотрели жестко.

– Ивета, помоги мне переодеться в чистое. Все, что в крови, сожги. Пойдешь, девушка, со мной в церковь. Поддержишь, если мне сделается совсем худо.

– Но, миледи, родовая горячка...

– У меня ее не будет! А вот если вызнают, что я родила, тут уж ни наказания, ни позора не избежать. Драгоценный Джеффри Анжу позаботится. Чтoб дьявол живьем сожрал моего супруга!

И столько ненависти было в ее последних словах, что Ивета истово закрестилась, однако под суровым взглядом госпожи взяла себя в руки. Стянув с миледи рубаху, помогла омыться, подала белье, сорочку, теплую монашеского кроя тунику из темной шерсти. Накинула на кое-как заколотые волосы капюшон. Императрица порой морщилась, двигалась неловко и медленно, однако сама же и торопила – не опоздать бы к мессе.

– А ты чего стоишь, как соляной столб?! – зашипела она на Дуоду. – Иди, пока еще не рассвело и есть шанс выйти незамеченной.

Пожилая женщина стояла у порога – уже в дорожном плаще, прижимая к груди корзину с младенцем.

– О, госпожа... неужели вы и не посмотрите на него? Такой ребеночек... Реснички длинные. Поверьте, не часто у младенчиков бывают такие реснички.

– Ступай, тебе говорят! Нет, стой!

Императрица несколько раз вздохнула, словно собираясь с духом, а потом все же приблизилась.

Дуода улыбнулась и осторожным движением приподняла покрывало, показывая маленькое красное личико уснувшего малыша. Жадно и взволнованно императрица глядела на него... Казалось, в этом небольшом свертке из полотна и кружев для нее в этот миг сосредоточилось все мироздание. Она видела выглядывавшие из-под оборки чепчика легкие как

¹ Манор – феодальное землевладение с усадьбой.

пух черные прядки, тугие щеки, крошечный ровный носик и реснички... такие длинные реснички...

– Так похож на своего отца... – пробормотала она, и предательские слезы стали пеленой застилать глаза.

«Мой малыш... В первый и, может, в последний раз вижу тебя. Это все, что я могу себе позволить».

Она смахнула слезы. Потом, поддавшись какому-то безотчетному порыву, сняла с шеи крестик – маленький, сверкающий алмазной крошкой, на тоненькой как нить цепочке – и быстро надела на дитя.

– Храни тебя Бог и все святые, мой сын.

Вот и все. Она выпрямилась.

– Делай, как я велела, Дуода. Спеш!

Колокола все звонили. Монахини попарно двигались в церковь. Аббатиса стояла у входа, смотрела на их вереницу. Последними к шеренге примкнули императрица и ее фрейлина.

Аббатиса с подозрением окинула их взглядом.

– Одну минуту, дочь моя. Что это за звуки долетали из твоего флигеля ночью? Не ребенок ли плакал?

– Ребенок? Бог мой, матушка, у вас, кажется, начались видения, как у Святой Моники. А это либо великая честь, либо безумие. Как считаете?

И императрица прошествовала в церковь, чтобы занять свое место у хоров.

Трудно передать, каких усилий стоило ей выдержать эту службу. Порой она словно впадала в беспамятство, ее покачивало, и Ивета поддерживала госпожу. Наконец раздалось долгожданное: «Идите, месса окончена». Тяжело опираясь на руку фрейлины, императрица покинула церковь. Еле доковыляв до флигеля, она рухнула на постель и тут же провалилась в глубокий сон.

Как она и сказала, послеродовой горячки у нее не случилось: проспав более двенадцати часов, императрица почувствовала себя бодрой и окрепшей.

– Что слышно? – спросила она у фрейлины.

– Все спокойно, миледи. Разве что мать настоятельница куда-то уезжала. Но уже вернулась.

Императрица не придавала этому значения. Под одеялом проводя рукой по своему животу, она ощущала, как этот предательский признак ее измены мужу наконец уменьшился, став почти плоским. Теперь все будет в порядке. А через неделю, когда Дуода вернется и отчитается о выполненном поручении, она уже полностью оправится и сможет тронуться в путь.

Потянулись дни ожидания, серые, холодные, дождливые. Даже не верилось, что уже весна, март месяц. Императрица вела привычный образ жизни, ходила в церковь на мессу, трапезничала в обществе монахинь, читала жития святых, а остальное время проводила в своем флигеле, набиралась сил, спала. Опали набухшие от молока груди, перестало кровоточить лоно – скоро она станет прежней, вернется к супругу, и никто не догадается, что, находясь на богомолье, она родила внебрачного ребенка.

Верная Ивета неотлучно находилась рядом, ухаживая за госпожой. Когда императрица спала, девушка подолгу сидела у окна, глядела на песчаные дюны, на море.

Порой Ивета видела проплывающие мимо корабли, но в основном только шум волн да крики чаек оживляли пустынные берега. Поистине чаек тут было больше, чем людей. Но в последнее время Ивета стала замечать вблизи монастыря каких-то незнакомцев: они появлялись со стороны рыбацкой деревушки, порой подходили к самой обители, исчезая за выступом монастырской стены, где девушка уже не могла их видеть. Вначале это будило в

ней любопытство – хоть какое-то разнообразие в их монотонном существовании. Но потом незнакомцы примелькались, глядеть на них стало скучно. Ах, скорей бы все окончилось! И тогда они вернутся ко двору графа Анжу, где всегда такое оживление, столько рыцарей, столько событий! Императрица наверняка наградит их с Дуодой за службу, и она, Ивета, закажет себе новое платье, будет франтить, принимать ухаживания, кокетничать.

Дуода вернулась, как и предвидела императрица, через неделю – уставшая, забрызганная грязью, в пропахшем морем и солью плаще. Покорно преклонила колени перед госпожой, облобызав ее руку.

– Говори!

– Я спешила, как могла.

– Благодарю. Я щедро награжу тебя, моя Дуода.

Императрица улыбнулась, и усталое лицо служанки так же осветилось улыбкой. Она еле нашла в себе силы подняться. Императрица собственноручно налила ей в кубок вина.

– Подкрепись, не помешает. А теперь я жду сообщений. Что? Разве что-то не так?

Женщина замялась.

– Видите ли, миледи, хозяина манора Орнейль не оказалось в поместье. Там вообще никого нет, только охранники, а сам дом стоит заколоченным.

– Вот как? – нахмурилась императрица. – Я опасалась чего-то подобного. Но ты молодец, что сообразила не привозить ребенка назад. Куда ты его дела?

– Я решила, что будет правильным отнести его в...

Она не договорила, как вдруг с грохотом распахнулась дверь.

– Так где же сейчас этот ублюдок, Дуода? – раздался властный мужской голос.

Испуганно вскрикнула Ивета. Императрица резко встала, глаза ее расширились.

Оглянулась и Дуода. В дверях стоял высокий парень с гневным красивым лицом. Его богатый плащ ниспадал складками с широких плеч, у горла на застежке сверкало золото.

– Не ожидала меня, Матильда?

Его молодой голос дрожал от гнева, он не сводил с императрицы глаз.

Та только коротко вздохнула. Лицо ее сразу стало жестким, решительным. В следующий миг в ее руке появился кинжал, и она стремительным, сильным движением вогнала его в спину верной Дуоды, надавила на рукоять и резко выдернула клинок. Кровь брызнула фонтанчиком, усеивая красными пятнами ее руки и одежду.

Не ожидавший этого юноша отшатнулся, Ивета испуганно взвизгнула и вжалась в стену.

Дуода, с широко раскрытыми глазами, хватала ртом воздух, покачиваясь. Кое-как повернувшись, она с изумлением и ужасом взглянула на госпожу.

– За что, миледи?..

– Прости, Дуода, – невозмутимо ответила Матильда, глядя, как служанка оседает и падает на пол. – Я позабочусь о твоих близких.

Глаза Дуоды были по-прежнему открыты, на губах пузырилась кровавая пена.

Ивета снова завизжала, хватаясь за щеки.

Императрица даже не повернулась в ее сторону. Наклонившись, она спокойно вытерла кинжал об одежду Дуоды, вложила его в ножны и только после этого взглянула на застывшего в дверях юношу.

– Здравствуй, Джеффри, супруг мой.

Какое-то время они глядели друг на друга. Императрица даже нашла в себе силы улыбнуться. И хотя уголки ее рта нервно подрагивали, голос звучал спокойно:

– Признаюсь, не ожидала, что ты приедешь за мной в обитель. И как это тебя впустили в женский монастырь? Ах, и настоятельница здесь? Похоже, ты ей неплохо заплатил, раз она, нарушив устав, ввела сюда мужчину.

Аббатиса испуганно выглядывала из-за плеча графа Анжу. Завидев тело служанки на полу, отступила, сотворяя крестное знамение.

Джефффри быстро шагнул в келью и захлопнул за собой дверь.

– Тебе, Матильда, удалось спрятать от меня своего пашенка, – произнес он, гневно, исподлобья глядя на супругу. – Но ты убила Дуоду и теперь сама никогда не узнаешь, где он.

– Ты тоже, – спокойно ответила его жена. – А значит, моему сыну ничего не угрожает.

– Но ты никогда не найдешь его! Он потерян для тебя!

Матильда судорожно сглотнула. В ее глазах плескалась боль. Но это было лишь мгновение слабости, а потом она сложила руки на груди и надменно вскинула подбородок.

– Пусть! Но я сохранила ему жизнь. Мой сын недосыгаем для тебя, Джефффри Анжуйский! Дуода не успела сказать, где укрыла его. И теперь, даже с помощью твоих пытошников, ты ничего не сможешь добиться от нее. Бедная Дуода. Она была такой преданной... Да пребудет душа ее в мире.

– Ты еще поплачь над ней! – воскликнул молодой граф с издевкой. Его красивое лицо побелело от гнева. – Я знал, что ты фурия, шлюха и обманщица. Но ты еще и убийца!

– Да. Но я еще и твоя жена перед Богом и людьми. Опозорь меня прилюдно – пятно ляжет и на твой род.

Граф подался вперед, словно хотел накинуться на нее, но сдержался.

– Будь проклят тот день и час, когда я взял тебя в жены, Матильда!

– Аминь. Воистину все демоны хохотали в аду, когда мы обменялись обетами перед алтарем. Однако напомним, что не я заставляла тебя бегать по притонам, не я требовала, чтобы ты пренебрегал мной, был груб и жесток, пока я не нашла утешения в объятиях другого.

– И об этом скоро все узнают! – осклабился граф. – Вот эта, – он ткнул пальцем в сторону забывшейся в угол фрейлины, – она моя свидетельница, которая подтвердит, что ты тайно родила ублюдка. И как бы она ни была верна тебе, она быстро заговорит, когда ее начнут рвать раскаленными щипцами. Или ты поспешишь зарезать и ее?

От ужаса Ивета начала икать. Глаза ее стали полубезумными. Матильда наконец удостоила ее взглядом.

– Поди-ка, девочка, вон. Мне надо еще кое-что сказать супругу. И ничего не бойся.

Едва за фрейлиной закрылась дверь, императрица резко повернулась к мужу.

– А теперь выслушай меня, Джефффри Анжуйский! Вы можете ослабить меня на весь свет, можете пойти до самого Папы и потребовать развода, но ничего, кроме бесчестия и провозглашения себя рогоносцем, не добьетесь. И если вы станете кричать, что я родила бастарда, – я буду это отрицать. Вы разгласите мою измену – я поведаю всем, как вы обходились со мной. А ведь вы взяли в жены не просто женщину, чтобы ею помыкать. Я – единственная дочь и наследница короля Генриха Боклерка², моим приданым является богатейшее герцогство Нормандское и королевство Англия. Откажетесь ли вы от них ради сомнительной славы рогоносца? Не лгите самому себе, Джефффри. Я ваша законная жена и таковой останусь – видит Бог! Вы же будете молчать обо всем, что произошло в этой обители. Даже сами проследите, чтобы никто не приставал с расспросами к Ивете.

Юный граф Джефффри с усталым видом опустил на выступ стены, провел по лицу ладонью.

– Как мы сможем дальше жить вместе, Матильда?

– Как и ранее. И теперь, когда вы убедились, что я не бесплодна, надеюсь, мы еще сумеем зачать целую дюжину сыновей. Можете даже передать им в наследство ваше нелепое прозвище – *planta genista*, и пусть они зовутся Плантагенеты в честь веточки дрока, какой вы

² Генрих I Боклерк (1068–1135). Третий король из нормандской династии, правивший с 1100 года. Отец Матильды.

так любите украшать свой шлем на турнирах. А теперь, супруг мой, помогите мне уложить Дуоду на кровать. Она все же хорошего нормандского рода, была предана мне и не заслуживает, чтобы мы оставили ее, как собаку, на полу в луже собственной крови.

Вдвоем они подняли мертвую женщину, устроили на ложе. Матильда сама закрыла ей глаза, сложила руки на груди, поцеловала в лоб. Джеффри какое-то время смотрел на жену, потом словно очнулся.

– Вашей наглости, Матильда, нет предела! Я поймал вас с поличным, вы обещены в моих глазах, а вы еще смеете помыкать мной.

Императрица спокойно поглядела на своего мужа, который был младше ее на десять лет.

– Нормандия, – произнесла она, – и корона Англии в придачу.

Граф усмехнулся.

– Допустим. И вы правы, я должен буду жить с вами. Но прослежу, чтобы вы более не смели тайно куда-то уезжать, вы будете повиноваться мне и отныне не посмеете захлопывать передо мною двери своей опочивальни. Такова цена того, что я скрою ваш позор.

Сочтя это разумным, она согласно кивнула.

– И еще, – его душил гнев, он нервно сжимал и разжимал кулаки. – Я обо всем поведаю вашему отцу, королю Генриху, дабы он узнал, какова его хваленая дочь-императрица. И поставлю условие, чтобы он разыскал вашего любовника и прислал мне его голову.

Матильда отвернулась и негромко ответила пословицей:

– Лови, кто сможет поймать.

Джеффри, расслышав в ее голосе иронию, шумно задышал, но ответил почти спокойно:

– И запомните, Матильда. Никогда, слышите, никогда вы ничего не узнаете о ребенке, которого родили здесь. Вы не станете его разыскивать, ибо за вами будут следить мои люди и доносить обо всем. Так что, как бы ни сложилась судьба этого бастарда – будет ли он в чести, погибнет или попадет в беду, – вам никогда не знать этого!

Матильда была сильной женщиной. Она взглянула прямо в глаза мужа.

– Я готова к этому. К тому же истинное дитя – это то, которое знаешь с рождения и растишь у своих колен.

Джеффри усмехнулся.

– Тогда утешитесь с тем, какое родите от меня. Раз уж вы и впрямь не бесплодны.

Матильда молчала, и только печаль в глазах, горькая складка у губ отчасти выдавала ее истинные чувства. Джеффри не смог подавить довольную улыбку – он все же сумел задеть эту гордыню.

– Идемте, миледи. – Граф властным жестом протянул ей руку. – Мы возвращаемся домой, в Анжу. И да смилятся небеса над нашим браком.

Глава 1

1149 год. Восточная Англия

К вечеру сильно похолодало, морозный воздух обжигал, а земля под копытами коней звенела, как железо. В лесу уже сгустились сумерки, но небо над голыми деревьями пламенело пурпуром заката.

Два всадника крупной рысью скакали через лес: старший, в грубом плаще и войлочном капюшоне, и более молодой, богато одетый, придерживающий на скаку щегольскую, опушенную мехом шапочку.

– Сэр Хорса, долго ли нам еще? – крикнул на ходу молодой. – Моя лошадь уже совсем выдохлась.

Тот, кого звали Хорсой, не удостоил спутника ответом, даже сильнее пришпорил коня. Однако вскоре деревья расступились и всадники осадил коней на опушке. В лицо им светило садящееся солнце – неяркое, морозное, окрашивающее небосклон в багряные тона. И на этом фоне пред ними предстала величественная громада замка.

– Гляди, мой принц, – указал рукой в грубой перчатке Хорса. – Вот он – Гронвуд-Кастл. И если ты пожелаешь – он станет твоим!

В лучах заката замок производил внушительное впечатление. Расположенный на невысоком холме с покатыми склонами, он словно реял над окрестными равнинными землями. Выстроенный из светлого известняка, он являл собой тот тип концентрической³ крепости, какие лишь недавно научились возводить в Европе, переняв это искусство от крестоносцев из Святой земли. С мощными башнями, прочными стенами, зубчатыми парапетами и укрепленным барбаканом⁴ над подъемным мостом, переброшенным через широкий ров, Гронвуд выглядел более чем великолепно. Но вместе с тем это величественное сооружение служило жилищем множеству людей – об этом свидетельствовали многочисленные огни, уходящие ввысь столбцы голубого дыма, отдаленный гул, а порой ветер доносил аромат свежее испеченного хлеба. Гронвуд-Кастл был крепостью и житницей, дающей кров, заработок и защиту. И словно ища его покровительства, вокруг замка раскинулся целый городок – ремесленные слободки, дома, мельница и обширная площадь, где в положенные сроки происходили ярмарки.

– Что скажешь, Эдмунд? – оглянулся к спутнику Хорса.

Юноша машинально сдерживал свою почуствовавшую близкое жилье лошадь и улыбался счастливой, немного глуповатой улыбкой.

Хорса насмешливо хмыкнул, стягивая у горла края войлочного капюшона. Был он мужчиной в летах; выправка и легкость движений говорили о том, что это человек сильный и ловкий, но избороздившие лицо морщины выдавали характер суровый, самоуверенный и решительный. Чисто выбритый подбородок Хорсы надменно выступал вперед, от уголка тонких губ шел небольшой шрам, стягивая их немного вниз и придавая лицу брюзгливое выражение. На замок он поглядывал едва ли не враждебно.

– Отвечайте, Этелинг⁵. Я жду.

Юноша наконец повернулся.

– О, благородный Хорса! Что тут можно сказать? Гронвуд прекрасен. Он достоин быть даже резиденцией королей...

³ Тип крепости с двумя или более рядами оборонительных стен.

⁴ Барбакан – надвратная башня, охраняющая въезд.

⁵ Этелинг – англосаксонское слово, означающее принц крови.

– Потомком коих ты и являешься, Эдмунд, – внушительно заметил Хорса.

С простодушной, доверчивой улыбкой молодой человек обратил к спутнику румяное от мороза, пухлое лицо. Эдмунд был юношей рослым, внушительным на вид, да и меч носил на бедре как заправский воин, однако проступало в нем и нечто детское – кудрявый русский чубчик, топорщившийся из-под шапочки, ямочки на пухлых щеках, широко раскрытые голубые глаза немного навывкате. На первый взгляд он казался обычным увальнем, но тем не менее происходил из благородной семьи, был потомком старой англосаксонской династии, правившей в Англии до того, как ее подчинил себе Вильгельм I Нормандский⁶.

– Мы поедем в Гронвуд прямо сейчас? – радостно спросил Эдмунд.

Хорса чуть прищурился.

– Вижу, ты загорелся мыслью овладеть Гронвудом. И больше не ноешь, чтобы мы ехали в церковь освящать свечи.

Улыбка застыла на губах молодого человека.

– Видит Бог, я и сейчас считаю, что напрасно мы не посетили службу на Сретение⁷. Но... раз уж мы здесь... Ведь в Гронвуде наверняка имеется часовня, где бы мы могли преклонить колени.

Хорса подавил невольный вздох, его искривленный шрамом уголок рта сильнее опустился в презрительной гримасе. Увы, не о таком соратнике он мечтал. Он прочил Эдмунду, ни много ни мало, корону Англии или хотя бы власть над ее восточными областями, а тот вырос святошей, которому бы не меч у пояса носить, а монашеский клобук и четки. Однако что есть, то есть.

– Нет, Эдмунд. Сейчас в Гронвуде слишком много гостей, а нам нужно, чтобы, когда мы явимся сватать баронскую дочь, там не крутилось никого из ее воздыхателей. Но скоро пост, барон Эдгар чтит его, и гости вынуждены будут разъехаться. Вот тогда-то я и явлюсь... Мы то есть.

– Благородный Хорса, – нерешительно начал Эдмунд, который отчасти побаивался своего раздражительного покровителя. – Разве принято приезжать со сватовством во дни поста?

Хорса хотел ответить резко, но закашлялся под порывом морозного ветра, да так, что даже слезы выступили. А отдышавшись, сказал довольно миролюбиво:

– Сначала ты откладывал сватовство из-за Святков, теперь из-за поста! Но пока у нас не было все готово, я соглашался идти у тебя на поводу. Теперь же время настало, мы вошли в силу и не можем упустить свой шанс. Нам нужен Гронвуд и богатство его хозяина! А тебе, мой принц, время жениться. Двадцать четыре года – самый возраст. И леди Милдрэд для тебя как раз то, что надо. В ней, как и в тебе, течет кровь саксонских королей – вы выступите законными претендентами на трон Англии, пока эти наследники Генриха I – Стефан и Матильда – грызутся за корону, как голодные псы за кость. А приданое Милдрэд... Ее отец очень богат. Золота у него столько, что он без труда может нанять целую армию. Ты же будешь доволен невестой. О ней давно идет молва как о самой прекрасной леди в Англии.

Юноша вновь заулыбался – смущенно и радостно.

– Матушка тоже говорила, что мне пора жениться.

– Вот-вот. И уж если мы решили остановить выбор на леди Милдрэд, то должны успеть просватать ее первыми. В начале февраля как раз заканчивается срок ее траура по погибшему в Святой земле жениху, она снимет черные одежды, и ты должен первым просить ее руки.

⁶ Вильгельм I Нормандский, или Завоеватель (1027–1087) – герцог Нормандии; захватил в 1066 году Англию и основал новую династию. Он победил в битве саксонского короля Гарольда, изгнал возможных претендентов на трон, усмирил местное население. Эдмунд, происходивший от одного из изгнанных наследников, имел, по мнению Хорсы, права на корону Англии.

⁷ Сретение – 2 февраля, религиозный праздник в преддверии Великого поста, когда по традиции в церкви происходит освящение свечей.

Но если замешкаешься... Поверь, желающих получить такую выгодную невесту найдется более чем достаточно. Недаром все эти нормандские щеголи так и выются подле нее.

– Но не откажут ли мне? – робко заметил юноша.

– Барон не посмеет! – Хорса засмеялся сухим лающим смехом.

Пока они разговаривали, солнце почти скрылось, небо заволокло лиловой мглой.

– Вот что, Эдмунд, мы не будем возвращаться в мою усадьбу. И стемнело, и мороз жесток. Давай спустимся в городок и переночуем на постоялом дворе.

– Но ведь вы говорили, что нам не стоит открываться до срока?

– Соображаешь, парень. Да, в свое время я был известной личностью здесь, в Норфолке⁸. Однако много зим миновало с тех пор, как я покинул эти края. Кто теперь тут узнает тана⁹ из усадьбы Фелинг? Даже говор у меня стал не здешний... Ха! Некогда я носил бороду и гриву до лопаток, теперь же выбрит, как норманн, а волосы... Где они?

И он сорвал капюшон, обнажая абсолютно лысую, правильной формы голову.

– Едем!

В городок они въехали, когда совсем стемнело. Там, откуда Эдмунд был родом, уже много лет шла война и появление в ночи двоих вооруженных всадников вызвало бы переполох. Не так было здесь: то ли местные жители чувствовали себя в безопасности под защитой замка, то ли война на западе Англии никак не сказалась на ее восточных графствах, однако, кроме двоих-троих запоздалых гуляк, появление незнакомцев никого не заинтересовало.

Эдмунд ехал за Хорсой, глаза по сторонам. Здесь строили добротные дома, со светлой штукатуркой и темными полосами выступающих балок, а не просто крытые мазанки, как в западных графствах, где их в любой момент могут разрушить, сжечь, так что придется возводить новые. Да и в целом городок выглядел чистым, приветливым и спокойным. А запахи!.. Отовсюду доносился аромат сладкого теста – хозяйки пекли традиционные на Средневековье блины. У проголодавшегося в пути Эдмунда даже живот свело, а при одной только мысли о вечерней трапезе рот наполнился слюной.

Постоялый двор, на который указал Хорса, оказался крепким, внушительным строением, не то что какая-то корчма у дороги. К гостям тут же заторопился служка, готовый принять лошадей.

– Я прослежу, как их устроят на конюшне, – спешиваясь, сказал Хорса, – а ты, парень, иди распорядись насчет комнаты и ужина.

Эдмунд повиновался, хотя и подумал, что вот опять тан Хорса обустроивается за его счет. Ибо Хорса, этот борец за права и свободы саксов, столько лет воевавший на стороне шотландцев против англо-нормандских баронов, по сути остался бродягой, а его усадьба здесь, в Норфолке, оказалась одной из самых убогих, какие приходилось видеть Эдмунду. И все же Хорса прочил ему возвышение, власть и почет, обещал просватать одну из первых невест Англии и отдать лучший замок в королевстве. Вспомнив об этом, Эдмунд задержался на пороге и еще раз оглянулся туда, где над крышами домов уходили ввысь мощные башни Гронвуд-Кастла. Стать владельцем подобной цитадели... мечта!

Ему пришло на память, как тихо и мирно он жил в усадьбе Мервелл, разводил овец, свиней, занимался пахотой, торговал оловом из своих рудников. Жизнь была сытая и спокойная, Эдмунд ни в чем не нуждался и ни на что не претендовал. Конечно, его отцом и впрямь был знаменитый Эдгар по прозвищу Этелинг¹⁰, всю жизнь воевавший с английскими королями за свои наследственные права. Однако постепенно отец растерял своих покровителей, и прозябать бы ему изгоем на чужбине, если бы его главный враг, король Генрих Боклерк, не

⁸ Норфолк – одно из графств в Восточной Англии.

⁹ Тан – саксонский землевладелец средней руки.

¹⁰ Эдгар Этелинг (ок. 1051 – ок. 1126) – последний представитель англосаксонской королевской династии.

сжалился над ним и не подарил ему манор Мервелл близ города Эксетера. Эдгару Этелингу тогда было уже под семьдесят, что, однако, не помешало ему жениться и произвести на свет сына Эдмунда. И хотя отец вскоре умер и Эдмунд его по сути не помнил, он продолжал жить в Мервелле с матушкой, стал поместным рыцарем и почти не вспоминал, что и в его жилах течет королевская кровь. Но вот в его жизнь вихрем ворвался неугомонный Хорса, смутил, увлек, обнадежил. Сказал, что Эдмунду надо отправляться в Восточную Англию, где найдутся сильные таны, способные поддержать права сына Этелинга. И еще там есть человек, который сможет своим золотом купить для него войска, – лорд Эдгар Гронвудский, один из могущественнейших вельмож Англии. Он поможет Эдмунду, если тот обручится с его единственной дочерью и наследницей, и Хорса уверял, что у него есть возможность добиться этого брака.

Все эти думы вихрем пронеслись в голове Эдмунда, пока он восхищенно смотрел на высокие башни Гронвуда. О том, что усилия Хорсы грозили втянуть его в жестокую войну, юный тан сейчас не думал. Его мысли не простирались так далеко. А вскоре запахи стряпни из приоткрытой двери гостиницы и вовсе отвлекли его от мечтаний, заставили подумать о более насущном.

Внутри было тепло и уютно. Немногочисленные посетители сидели за длинными столами, беседовали, ели аппетитные блины и иные кушанья, какими принято набивать живот в преддверии Великого поста. К Эдмунду приблизился хозяин. Он уже понял, что этот парень в дорогом плаще и меховой шапке, несмотря на свой небедный вид, птица не высококого полета – настоящий господин перво-наперво поспешил бы предстать пред очи гронвудского барона. Однако деньжата у этого малого должны водиться, и, когда гость выложил щедрый задаток, хозяин взял свечу и проводил его на второй этаж, где размещались комнаты.

Эдмунд огляделся: гостиницу с отдельными покоем в Англии встретишь не часто, обычно постояльцы довольствовались едой в общем зале и охапкой соломы там же в углу. Но здесь, в небольшой узкой комнате, стояли две лежанки под овчинами, а между ними, подле затянутого бычьим пузырем окошка, помещался небольшой стол.

Хозяин, хоть и был приветлив, особого почтения не проявлял, однако его поведение изменилось, едва вошел Хорса. Этот, сразу видно, был истинным господином, хоть на нем латаный плащ и обтрепанные перчатки. Зато манеры... Попробуй такому не угодить! И хозяин засуетился, затараторил, что у него есть свежие яйца, блинчики прямо с пылу, с жару, а кровяная колбаса тут такая острая и ароматная, что даже господа из Гронвуд-Кастла у него прикупают. И это не говоря о темном пенном эле, только-только из бочонка.

После долгой дороги по морозу есть хотелось неимоверно. Хорса тут же принялся за поданные блюда, однако Эдмунд перво-наперво опустился на колени, чтобы помолиться.

– «...et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittibus nostris»¹¹.

Хорса ел так, что казалось странным, куда все вмещается в этого худого жилистого человека, а сам между тем косился на коленопреклоненного юношу. Вот святоша! А ведь потомок саксонских королей, да и его родная тетка была королевой шотландцев. Хорса долго служил на границе ее сыну, шотландскому королю Давиду, выступал против норманнов, пока не проведал, что потомок одного из саксонских принцев живет где-то возле Эксетера под гнетом нормандских королей... Подобного Хорса не мог допустить. Однако и расшевелить такого увальня, как Эдмунд, оказалось непросто. Старый бунтарь потратил немало сил, убеждая парня, что он достоин лучшей доли, что в жизни еще все может перемениться, если он возглавит своих соплеменников и поднимет против ига узурпировавших английскую корону норманнов.

¹¹ «... и отпусти нам долги наши, как и мы отпускаем должникам нашим» (лат).

Об этом думал Хорса, когда, насытившись, откинулся на стену и, ковыряя ногтем в зубах, наблюдал за поедающим остатки обильного ужина Эдмундом.

– А теперь, мой принц, я бы хотел посвятить вас в кое-какие обстоятельства.

Начал он издалека. Вспомнил прежнего короля Англии Генриха Боклерка: жесток и властен был этот монарх, однако мог держать свои земли в кулаке. При нем и законы почитали, и порядок был, что не мешало Генриху оставаться узурпатором, как все потомки проклятого Завоевателя. А что все в этом роду прокляты – нет ни малейшего сомнения. Ведь наследник Завоевателя, тоже Вильгельм, прозванный Рыжим, правил так, что и ныне люди плевались, поминая его имя. И погиб он, как пес, убитый на охоте неизвестно кем. После него к трону прорвался упомянутый Генрих Боклерк, младший из сыновей Завоевателя, причем в обход старшего брата Роберта, с которым воевал, сумел пленить, ослепил и до конца дней держал в темнице. Но гнев небес уже пометил Генриха. У этого короля было немало прижитых на стороне бастардов, но только двое законных детей – сын Вильгельм и дочь Матильда. На Вильгельма Генрих возлагал большие надежды, однако тот трагически погиб: утонул, переправляясь через Ла-Манш. Вот тогда старый Генрих и объявил, что оставит корону и все земли дочери Матильде. Со времен древних кельтов не бывало, чтобы в Англии правила женщина. А Матильда... К тому времени она уже была вдовой германского императора, позже вышла замуж за графа Джеффри Анжу. По сути для англичан она уже стала иноземкой, и они возроптали, хотя король Генрих ничего не желал слушать. Трижды он заставлял знать присягать на верность императрице Матильде, и трижды его вассалы уступали, опасаясь гнева грозного монарха. И что же? Едва Генрих испустил дух, как трон, в обход прав Матильды, захватил племянник старого короля Стефан Блуаский. Кто бы мог подумать – сам тихоня, а дело состряпал так, что и месяца не прошло со смерти Генриха, как он уже короновался в Вестминстере. И многих устроило, что во главе державы будет стоять мужчина, к тому же свой, проводивший большую часть жизни в Англии. Однако Стефан проявил себя негодным монархом: не сумел совладать со знатью и, более того, оказался неспособен организовать отпор, когда в Англии высадилась с войском Матильда. Она прибыла силой вернуть свои права, а Стефан не смог воспрепятствовать вторжению, что привело к междоусобице, длящейся уже тринадцать лет.

Эдмунд слушал излияния Хорсы, не переставая жевать, лишь порой как-то странно поглядывал на спутника. Наконец, отхлебнув добрый глоток эля, заметил:

– Я что-то не совсем понимаю, благородный Хорса. Конечно, я редко выезжал из Мервилл-Холла, но не проспал же я все эти годы. И все рассказанное вами известно мне не хуже, чем любому англичанину.

– Молчи! Не перебивай! – рявкнул Хорса, да так грубо, что Эдмунд даже поперхнулся элем и закашлялся.

Склонившись через стол, Хорса услужливо похлопал его по спине.

– Не торопи меня, мой принц. Я начал издалека, однако теперь подхожу к самому главному.

Он уперся локтями в стол; фитиль, плававший в плошке с маслом, осветил фигуру изможденного, усталого человека в поношенной куртке, но в его глазах полыхало такое пламя, что Эдмунд замер, глядя как замороженный.

– Когда Стефан только пришел к власти, он ссылался на то, что король Генрих в последний момент изменил свою волю в его пользу. Он выставил двоих свидетелей, которые якобы присутствовали при кончине Генриха и слышали его слова. Эти двое всю жизнь были заклятыми врагами, а тут просто пели в унисон. Тогда многих это убедило. Эти двое были граф Эдгар и некто Гуго Бигод, рыцарь из свиты короля. Гуго после этого сильно возвысился, добился от Стефана титула графа Норфолкского. А вот прежний граф Норфолка, Эдгар... К его-то дочери ты и должен посвататься.

- Что? – переспросил Эдмунд. – Хозяин Гронвуда правил Норфолком?
- Да, был графом во времена Генриха Боклерка.
- Но как вышло, что, оказав Стефану такую услугу, он лишился титула?
- А вот как. Стефан опасался могущества Эдгара, и ему не нужен был столь влиятель-

ный граф саксонского происхождения в мятежном Норфолке. Поэтому он лишил Эдгара титула, хотя оставил ему немало земель, льгот и полномочий. И Эдгар сумел воспользоваться своим положением. Он неимоверно разбогател, получая прибыль с рынков графства, он обладал беспопытным правом торговли, построил свой флот. Все его начинания были успешны, он обрел небывалое могущество, и даже сам король вынужден был заискивать перед ним. Говорят, королевская казна до сих пор должна гронвудскому барону. Даже тот самый Гуго Бигод, отнявший у Эдгара графский титул и слышущий его недругом, отступал перед ним. Несколько лет назад Бигод хотел примкнуть к восстанию, какое поднял тут разбойный лорд Мандевиль, однако лорд Эдгар сумел собрать такое войско, что потеснил противников. Мятежный Мандевиль пал, а Гуго отступил. Он оценил силу Эдгара, и с тех пор между ними нечто вроде нейтралитета. Ты понимаешь, к чему я клоню? Понимаешь, что сможет сделать для тебя будущий тесть?

Однако Эдмунд не ответил, отвлеченный какими-то сторонними звуками, и даже схватил Хорсу за руку.

- Слышите?

С улицы доносился конский топот, крики, визг, подвывание. Для Эдмунда, выросшего в краю непрерывных войн и набегов, эти звуки служили сигналом тревоги, и он положил руку на рукоять меча. Однако Хорса остался спокоен.

– Пустое. Барон Эдгар не позволил бы твориться беззакониям в своих владениях. Это просто...

Тут внизу, прямо в гостинице, послышался шум, раздались голоса, потом долетело пение. Эдмунд поднялся с места, осторожно приоткрыл створку двери и прислушался.

- Ха! Да это просто ряженые!

В зале гостиницы действительно толпились ряженые: в самых замысловатых масках, в козьих, бычьих, кабаньих личинах, они плясали, водили хороводы между столов, увлекая с собой находившихся внизу постояльцев, пели о Сретении, о блинах, причем требовали у хозяев угощения за свое представление.

В центре образовавшегося хоровода выделял коленца танцор, накинувший на себя мохнатую бычью шкуру, подскакивал, кружился подбоченься. Он более всех вызывал смех и веселье – зрители едва не падали от хохота, ложились на столы. А когда мнимый «бык» вскочил на скамью и, топая ногами, потребовал себе блинов, хохот в зале перешел просто в рев.

У Эдмунда возникло желание присоединиться к веселью внизу, но его удержал Хорса.

- Мы не закончили разговор.

– Но поглядите, сэр, ряженые дарят всем свечи. Это наверняка те, какие ныне освятили в церкви.

- Что с того? Все, как всегда. И за свои подношения они требуют блинов.

Эдмунд с улыбкой наблюдал, как хозяйка, вынеся блюдо с требуемым угощением, привстала, чтобы поцеловать ряженого, и тот на миг откинул бычью личину. Удивленный Эдмунд заметил, что под рогатой мордой мелькнуло нежное девичье лицо, но лишь на краткий миг: девушка расцеловалась с хозяйкой, и лохматая маска вновь скрыла ее. Но Эдмунд был поражен – до того красивой показалась ему незнакомка: ее тонкое оживленное личико, изящный профиль, светлая волнистая прядь вдоль щеки...

Замерев, Эдмунд смотрел, как веселящиеся ряженые под предводительством незнакомки покидают гостиницу.

– Вы заметили, сэр? – обратился он к подошедшему Хорсе. – Кто же это?

Но Хорса лишь молча увлек Эдмунда назад к столу. Тот послушно сел и вроде бы устремил внимание на рассказчика, однако вид у него при этом был несколько отрешенный. А ведь его спутник теперь подошел к самой сути: стал рассказывать о непростом характере Эдгара Гронвудского, а также о его жене, баронессе Гите. Не будь Эдмунд так занят своими мыслями, он непременно бы отметил, как дрогнул голос собеседника при упоминании имени баронессы. Тот даже умолк на какое-то время, словно пытаясь успокоиться. Потом продолжил: рассказал, что у четы из Гронвуда было двое детей – дочь Милдрэд, старшая, и сын Свейн, которого они слишком рано похоронили, унесенного какой-то детской хворью. Хорса всегда интересовался обитателями Гронвуда, не пропуская новостей о них.

– Теперь все, что они имеют, должно перейти к Милдрэд, – проводя кончиком кинжала по столу, продолжал пояснять Хорса. – Но если по нашим саксонским законам женщина имеет право владеть землей, то норманны так не считают. Наследница должна только передать владения вместе со своей рукой – мужчине, который будет править и приумножать полученное. Ценный товар из наших невест сделали эти псы-норманны, разрази их гром. Но нам-то с тобой сейчас это только на руку. Ибо тот нормандский хлыщ, родственничек епископа Илийского, какого Эдгар и Гита хотели видеть супругом Милдрэд, почил в бозе. Он, надо думать, был не слишком умен, если, уже будучи обрученным, отправился в Святую землю по некогда данному обету, да там и сложил свою глупую голову. Это было год назад. По саксонскому обычаю юная Милдрэд весь этот год носила по нему траур. Сейчас ей семнадцать. Траур окончен, и самое время девушке обручиться вновь – с тобой. И повторяю: по нормандскому закону, получив руку Милдрэд, ты однажды станешь хозяином этих земель, этих богатств, владельцем самого Гронвуд-Кастла!

Эдмунд согласно кивнул, все еще пребывая в своих грезх.

– Да ты не слушал меня! – возмутился Хорса.

Юный тан вздрогнул, сосредоточился и спросил первое, что пришло на ум:

– Но если лорд Эдгар нам откажет?

– Не посмеет. Я не говорил тебе, что у него прозвище Миротворец? Так вот, для него самым главным является сохранение мира в том краю, где он правит. Поэтому, если Эдгар Миротворец узнает, что в случае его отказа здесь произойдут волнения, что в любой миг может вспыхнуть мятеж, что саксы объединятся и поддержат потомка своих королей... Он ведь сам сакс и не станет воевать против своего племени. Да и чем ты не жених для его дочери? Молод, носишь цепь и шпоры рыцаря, богат. А твоей родовитости может позавидовать сам король Стефан.

– Однако вы говорили, что Эдгар предан Стефану? Разве он захочет отдать дочь человеку, который намеревается воевать с помазанником Божьим?

Хорса даже сплюнул и сердито поглядел на Эдмунда, поглаживая шрам в уголке рта.

– А уж это позволь мне объяснить лорду из Гронвуда. Но повторяю – леди Милдрэд, считай, уже просватана за тебя. Эдгар не решится отказать тому, кто сможет поднять против него его же соплеменников.

Эдмунд задумался, вспомнил местных воинственных саксов, с такой готовностью присягнувших ему, потомку саксонского принца, и горделиво вскинул голову. Как же упоительно сознавать, что за тобой стоит такая сила! И если леди Милдрэд к тому же красавица...

Бог весть отчего ему вспомнился пленительный образ незнакомки под бычьей личиной. Конечно, благородная леди, носящая траур по жениху, должна быть совсем иной, и ей не к лицу возглавлять ряженных. Однако Эдмунд в этот миг не мог представить красивую девушку как-то по-другому.

И еще был Гронвуд-Кастл.

Юноша не удержался, чтобы не распахнуть окошко и еще раз не взглянуть на великолепные зубчатые стены. Там, похоже, шел пир, слышались отдаленные звуки музыки, веселый смех. Стать хозяином такого замка...

– Не напусти холода, – проворчал Хорса. – Жаровня-то совсем остыла.

Эдмунд послушно запахнул ставень и увлажнившимися глазами взглянул на укладывающегося почивать Хорсу.

– Вы так стараетесь, сэр... Примите же мою сердечную благодарность.

– Позже отблаговаришь меня, – буркнул Хорса. – Когда наденешь на себя корону Англии.

В ответ Эдмунд только покорно вздохнул.

Глава 2

В первую неделю Великого поста баронесса Гита Гронвудская решила устроить слугам баню. Все знали, что леди строга с челядью и не выносит, если от них исходит дурной запах, поэтому обитатели Гронвуд-Кастла уже свыклись, что порой им приходится мыться – летом раз в неделю-две, а зимой хотя бы раз в месяц. Это воспринималось как прихоть хозяйки, и окрестные жители даже побаивались таких порядков, жалея прислугу из замка, но леди Гита оставалась непреклонна. К тому же настало время поста, когда следует чаще ходить к исповеди, и она не могла допустить, чтобы ее служанки оставались немытыми, особенно после дней, когда бывали «нечистыми»¹².

По распоряжению хозяйки в кухне, расположенной в стороне от основных построек, в больших очагах развели огонь, нагрели воды и наполнили огромную лохань для купания. Первыми, чтобы подать пример, искупались сама баронесса и ее дочь, юная Милдрэд, потом в ту же лохань стали забираться служанки. Вход на кухню в это время охраняла почтенная матрона, жена сенешаля¹³, тучная и солидная мистрис Клер, а снаружи у двери стояли охранники, не позволявшие проникнуть внутрь столпившимся тут веселым слугам.

– Нечего так напирать, – теснил желающих подсмотреть главный страж замка, Утред. – Погодите, скоро ваши красавицы наплескаются вволю, вот тогда придет и ваш черед мыться.

– Да нам бы хоть глазочком глянуть, – нарочито громко выкрикнул один из слуг, в ответ на что из разогретой кухни раздался громкий женский визг.

Стоявшая на страже внутри мистрис Клер даже зажала уши, примяв складки своего накрахмаленного покрывала, и прикрикнула на гомонящих и смеющихся женщин.

– Чего верещите! Ничего, отмоетесь, высохнете, и ваши ухажеры только рады будут вам, чистеньким, как во дни ярмарки.

Эта мистрис Клер, некогда первая кокетка округа, с возрастом стала особенно строга к шалостям молодежи. Она ворчала, что в любой из банных дней всегда одно и то же: гам, визг, сальные шуточки. Почтенная матрона погрозила пальцем горничной леди Милдрэд, молоденькой Берте, которая только выбралась из лохани и особенно громко верещала, растирая куском полотна свое крепенькое мокрое тело. «Эта еще та штучка, – хмыкала жена сенешаля, словно забыв проказы собственной молодости. – Ишь как напугалась. А ведь отвлекись я хоть на миг, с этой рыжей станется выскочить полуголой за порог».

Баронесса Гита, не обращая внимания на шум, заплетала свои подсохшие светлые волосы, одновременно отдавая наказы, чтобы из лохани вычерпали часть остывшей грязной воды и добавили горячей. Баронесса говорила, не повышая голоса, но все ее слышали и подчинялись. Для своих тридцати пяти лет хозяйка замка выглядела достаточно молодо: ее тело оставалось подтянутым и стройным, лицо не утратило свежести, только в серых глазах ощущалась некая успокоенность, да и некогда яркие губы отчасти поблекли.

– Пусть молодые женщины помогут мыться пожилым, – приказывала она, неторопливо укладывая косу на затылке.

Ее указание было существенным: большая, обитая медными обручами лохань, способная вместить до четырех человек, была еще и высокой, в нее приходилось забираться по приставной деревянной лесенке, и служанки в годах боязливо ворчали, хотя и позволяли поддерживать себя более молодым и крепким.

¹² Так называли женщин в дни месячных. Женщине в это время запрещалось посещать церковь, а также следовало обмыться после дней, когда они «нечистые».

¹³ Сенешаль – смотритель замка и его окрестностей.

Внимание баронессы привлек голос ее дочери Милдрэд, которая в одной рубашке подскочила к дежурившей у дверей мистрис Клер и недовольно ее отчитывала:

– Я ведь приказывала – больше никакого траура! Как ты могла, Клер, принести мне этот мрачный темный балахон?

– А ну потише, милая, – приблизилась к сердито топнувшей ножкой дочери баронесса. – Иди-ка сюда.

Она усадила девушку поближе к огню и стала водить щеткой по ее распущенным волосам.

– На мистрис Клер не следует повышать голос при слугах, – склонившись к уху дочери, негромко сказала Гита. – Она жена сенешаля Пенды, ее должны почитать, а ты роняешь ее достоинство, выражая ей неудовольствие на людях. Платье же для тебя Клер выбрала из тех, что потеплее, подбитое мехом, чтобы ты не озябла после купания. Так что не ворчи: она старалась для тебя.

– Старалась, – обиженно надула губки Милдрэд. – Нет, она просто тупая старуха. Я велела ей взять голубое с вышивкой, а она... да и вы, матушка, – покосилась она на леди Гиту. – Вы все словно хотите, чтобы я всю жизнь носила траур по моему бедному Лорану. И вечно прятала лицо под вуалью, будто вдова.

Леди Гита вздохнула. Ну что можно поделывать с этим избалованным ребенком! Ей хочется франтить, хочется быть у всех на виду, забыв, что траур – это обычай, а не повод для пререканий. И баронесса напомнила, что Милдрэд не слишком усердно прятала лицо под траурной вуалью: вряд ли во всем Норфолкшире найдется хотя бы один холостой рыцарь, которому гронвудская красавица не расточала улыбки.

Но Милдрэд отповедь не смутила.

– Матушка, не судите меня строго. Конечно, человек должен не ропща принимать все, что свершается по воле Божьей. И то, что наша свадьба с Лораном не состоялась... Я ведь была послушна вам и покорно приняла обручение с человеком, которого так мало знала. И ведь не я же заставила его ехать в Святую землю, где он погиб... Да пребудет душа его в мире, – и она привычно осенила себя крестным знаменiem. Но все же в голосе ее был вызов: – Я за это время даже лицо его позабыла!

Леди Гита не ответила: в чем-то ее дочь права. Поспешное обручение, скорая разлука, долгое отсутствие, а потом гибель жениха – и траур. А ведь в ее девочке было столько огня, столько непосредственной живости и очарования! Ибо Милдрэд, даже когда дулась и капризничала, оставалась прелестной. А когда расторопная Берта поднесла юной госпоже посеребренное зеркальце на длинной ручке и Милдрэд взглянула на себя, привычная улыбка вновь озарила личико гронвудской красавицы.

Под ворсистой щеткой в руках баронессы волосы дочери засияли, как светлое золото. Обычно им был присущ более мягкий пепельный оттенок, но при свете огней они казались золотистыми, красиво обрамляя лицо девушки пышными кудрями, рассыпались по плечам и спине сверкающими волнистыми каскадами. Уже из-за одних своих волос Милдрэд могла считаться красавицей. Сейчас, когда она сидела в одной сорочке, было видно, что ее легкий и тонкий стан еще не утратил детскую хрупкость, однако соразмерное сложение, высокая полная грудь, плавная линия бедер, длинные стройные ноги – все свидетельствовало об уже расцветшей женственности. Эта девушка могла вызывать восхищение уже потому, что у нее такое тело. Личико же юной леди очаровывало всех: постоянно меняющееся, оживленное, исполненное особой беспокойной прелести. Оно имело форму сердечка, с высокими скулами и точеным подбородком, нос был небольшим и изящным, а рот, яркий и припухлый, как сочный плод. Горделиво изогнутые темные брови придавали Милдрэд несколько высокомерный вид, зато огромные глаза с красивым миндалевидным разрезом сверкали чистой голубизной весеннего неба.

Любуясь своим отражением, девушка заметила в зеркальце строгий взгляд матери и не удержалась от того, чтобы скорчить той игривую гримаску.

В кухне клубился пар от разогретой, вливаемой в лохань воды, слышалось шлепанье босых ног, смешки, стук котлов, шорох одежды. Но неожиданно какой-то иной звук привлек всеобщее внимание: где-то в отдалении явственно прозвучал звук рога.

– Никак кто-то прибыл в замок, – заметила одна из служанок, и все повернулись к баронессе.

Уже который год в Англии было беспокойно, однако люди в Гронвуде привыкли жить под надежной охраной своего господина и ничего не бояться, так что приезд чужих будил не страх, а любопытство. Ведь гости – это всегда новости, рассказы о другой жизни. Вот и сейчас женщины заторопились, стали толкаться у огня, чтобы поскорее высушить волосы, и строить всякие догадки. Сходились во мнении, что прибыл кто-то издалека: ведь в округе все знали, что в дни поста в Гронвуде редко принимают гостей.

Леди Гита успокаивающе положила руку на плечико встрепенувшейся было дочери и велела мистрис Клер пойти разузнать новости. Почтенная матрона, сама обуреваемая любопытством, с готовностью покинула свой пост у двери, тем более что большая часть толпившихся за дверью челядинцев тоже ушла взглянуть на прибывших.

Милдрэд строила догадки:

– Наши гости ведь разъехались к началу поста, да, мама? Может, кто-то вернулся? Наверное, это Гилберт де Гант. Он так надеялся добиться у отца моей руки, обещал прислать сватов в самое ближайшее время. Пока его не опередил Хью де Бомон, – засмеялась она.

– Успокойся, дитя. Эти молодые люди ведают о порядках в Гронвуде и не отважатся нарушить наш покой до окончания поста.

– Но кто же тогда приехал?

Милдрэд вертелась на месте, матери приходилось ее успокаивать, хотя она и сама порой поглядывала на дверь, ожидая возвращения посланницы. При этом баронесса продолжала отдавать распоряжения: велела добавить дров в очаги, одной из служанок приказала растереть престарелую кухарку, которая совсем сомлела после горячего купания и теперь сидела на лавке в нескромно облежавшей ее тучное тело мокрой рубаше.

Наконец мистрис Клер вернулась, отдуваясь, как после быстрого бега.

– Это саксы, наши норфолкские таны. И знаете, с кем они? С мятежником Хорсой!

Баронесса замерла, жесткая щетка с громким стуком выпала из ее руки на каменные плиты пола, и этот же звук словно вернул леди Гиту в чувство. Она подозвала толстушку Клер, переговорила с той и, накинув широкую ворсистую шаль, спешно кинулась к выходу. Но на пороге оглянулась:

– Милдрэд, распоряжайся тут за меня. И ни под каким предлогом не выходи!

Последние слова она сказала как-то нервно, да и в целом баронесса, обычно такая спокойная и достойная, показалась дочери непривычно взволнованной. Однако ей был дан наказ, и юная леди сразу взяла на себя обязанности хозяйки: приказала женщинам одеваться, иным велела начинать уборку и вытирать полы, так как вскоре кухня может потребоваться – саксы всегда были не прочь попить за счет богатого соплеменника Эдгара. Со стороны казалось, что девушка потеряла интерес к прибывшим, и важная от сознания своей значимости Клер даже испытала разочарование от того, что ее не расспрашивают. Она не замечала взглядов своей юной подопечной, ибо была слишком простодушна, чтобы понять: девочка уже выросла, у нее свои маленькие хитрости, и она знает, что наставница сама долго не выдержит, когда есть что сказать.

И юная леди не ошиблась: почтенная матрона вскоре заявила, что к Милдрэд Гронвудской прибыли сваты. И привел их разбойник Хорса. Госпожа ведь знает, кто такой Хорса из Фелинга?

– Хорса? – вскинула темные брови девушка. – Это тот саксонский бунтовщик, который в родстве с моим отцом? А еще, Клер, ты рассказывала, что этот Хорса некогда безуспешно сватался к матушке.

– Давно это было, – поправляя головное покрывало, отозвалась почтенная дама. – Хорса много лет не бывал в наших краях, но раз прибыл – жди неприятностей.

– Неужто этот злодей намерен посватать нашу красавицу? – воскликнула какая-то из более пожилых служанок, которая тоже могла припомнить неукротимого разжигателя смут.

– Что? Этот старик хочет стать моим мужем? – возмутилась Милдрэд, уже прикинувшая в уме, что упомянутый Хорса по меньшей мере годится ей в отцы.

– Храни вас Бог, миледи! – всплеснула руками мистрис Клер. – Хорса прибыл как сват и намерен представить вашему батюшке предполагаемого жениха.

– А самого жениха ты видела? Каков он из себя?

Мистрис Клер выдержала паузу, наслаждаясь ощущением собственной важности.

– Какой? – она с удовольствием оглядела юную леди. – Да уж, клянусь былой невинностью, он вам не пара. Думаю, из этой затеи ничего не выйдет. А собой он... ну, молодой, ну, нарядный, вежливый такой... Хотя говорят, что он саксонский принц.

– Принц? – восхищенно и заинтригованно переспросила Милдрэд.

– Ну саксы величали его так, называли Эдмундом Этелингом. Правда... Ах, не много ли я болтаю? Вот что, деточка, там еще осталось немного горячей воды? Неплохо бы и мне попарить свои старые косточки.

Клер снова сделалась такой же, как и всегда: властной, упивающейся своим положением жены сенешаля и наставницы юной леди Гронвуда. И с довольным видом улыбнулась, когда Милдрэд распорядилась приготовить ей ванну. Одного Клер не заметила – как девушка торопливо облачилась в темное платье, еще недавно с таким негодованием отвергнутое, как отдала преданной Берте какие-то наставления и, накинув широкий плащ, поспешила к двери.

Однако за порогом кухни наткнулась на Утреда: уж если ему было велено не выпускать Милдрэд из кухни, у девушки не оставалось никакой надежды проскочить. Этот пожилой поджарый воин с вечным налетом щетины на щеках и хитро прищуренными глазами – отнюдь не простодушная болтушка Клер, им управлять не так легко. Но, встретившись взглядом с юной леди, Утред неожиданно подмигнул ей.

– Клянусь святым Дунстаном... мне и самому интересно.

Они обменялись заговорщическими взглядами, и Милдрэд даже чмокнула старого солдата в щеку, а он знаком предложил ей следовать за ним к одному из мощных контрфорсов донжона¹⁴. Оглядевшись, Утред быстро открыл узкую, почти незаметную дверцу в основании контрфорса. Это был тайный ход, о котором мало кто знал, и отсюда вверх вводила узкая винтовая лестница, выбитая в толще стены.

Лестница на первый взгляд заканчивалась тупиком, однако Утред повернул небольшой рычаг, отодвигающий часть стены, – и они оказались перед занавешенным проходом в читальню, где барон Эдгар вел приватные беседы.

Девушка и солдат прислушались. Из-за узловатой ткани изнанки гобелена долетал незнакомый Милдрэд голос, при звуках которого Утред сразу нахмурился. Говорили на саксонском:

– Вы не даете нам согласия, Эдгар, ссылаясь на вашу присягу Стефану Блуаскому. Но не лукавите ли вы, особенно сейчас, когда тот, кто именует себя королем Англии, находится на

¹⁴ Контрфорс – подпирающий основное строение каменный устой, широкий снизу, но сужающийся кверху; донжон – самая крупная башня в замках того времени; служила главным жилищем обитателей замка.

границ интердикта¹⁵? Сейчас многие могут отречься от него из-за неладов Стефана с Папой¹⁶. И если вас и такое не поколебало, то вы просто предаете нас. Нас – саксов! Свое племя, в то время как мы взываем к вам и просим поддержки.

Он выступал в роли просителя, однако голос его звучал властно и непреклонно. Милдрэд опешила: никто еще так не разговаривал с могущественным гронвудским бароном. Девушка хотела что-то сказать, но Утрэд приложил палец к губам, а сам немного отодвинул край гобелена, так что они могли видеть происходящее.

В довольно просторном помещении читальни было светло: горело много свечей, да и окно, со вставленными в раму мелкими пластинками слюды, давало достаточно света. У противоположной стены Милдрэд увидела родителей: леди Гита казалась взволнованной, а вот барон Эдгар, облокотившийся на покрывавший стену ковер, выглядел спокойным и невозмутимым. Это был еще красивый широкоплечий мужчина, довольно плотного сложения, в опушенной по зимней поре одежде, а каштановые, слегка вьющиеся волосы лорда придерживал красивый золотой обруч – его баронский венец, который Эдгар носил в особых случаях. Милдрэд почувствовала обиду, что отец надел его ради этих людей, которые разговаривают с ним в столь непочтительном тоне. Она узнала многих из пришедших и была поражена тем, что вечно в чем-то нуждающиеся и постоянно взывающие к милости ее родителей таны сейчас стоят перед ним, будто обвинители на суде. Причем все сгрудились вокруг какого-то чужака в довольно потрепанном плаще и с абсолютно лысой головой, который держался так, словно имел право повелевать. И именно к этому наглецу обратился Эдгар Гронвудский в своей неизменной, снисходительно-спокойной манере:

– Хорса, а какое тебе, собственно, до всего этого дело? Ты явился невесть откуда и опять настраиваешь против меня моих соплеменников, с которыми я долгие годы жил в мире. Ты подбиваешь их принять твои условия, настаиваешь, чтобы они восстали против меня. Вижу, ты не поумнел с годами и по-прежнему вынашиваешь замыслы, не ведущие ни к чему, кроме смут и беспорядков. Как говорится, *hominis est errare, insipietis preseverare*¹⁷.

Это было сказано на прекрасной латыни, однако ни Хорса, ни прибывшие с ним таны ее не знали. Лишь один молодой человек, похоже, понял сказанное. Он повернулся к Хорсе, попытался взять его за руку, словно хотел увести, но тот резко высвободился.

– С попами будешь чихать своей латынью, Эдгар. Меня же ты поймешь и так.

И опять юноша пытался увлечь Хорсу прочь, но тот резко оттолкнул его.

– Погоди, Этелинг. Мы еще не окончили разговор с этим... сиятельным бароном!

Этелинг? Так вот каков предполагаемый жених! Милдрэд отметила: юноша одет модно и со вкусом, что выделяло его среди прочих танов в их меховых накидках и грубых башмаках с оплетавшими голые голени ремнями. На Этелинге был длинный, ниспадающий ниже колен камзол, богатый пояс с чеканными бляшками, меховая опушка на воротнике и бархатной шапочке. Но девушка отметила и другое: молодой человек излишне тучен, и ноги в сапогах прекрасной выделки он ставит как-то косолапо. Черты полного лица невыразительны, надо лбом торчит кудрявый чубчик... Нет, он ей не понравился! Хью де Бомон был куда приятнее наружностью, да и Гилберт де Гант намного красивее.

¹⁵ Интердикт – в Средние века одна из форм церковного наказания; полное или частичное запрещение совершать богослужение и другие церковные обряды.

¹⁶ В описываемое время король Стефан был в ссоре с Папой Евгением III. Папа отказался позволить короновать сына короля, Юстаса, а рассерженный Стефан запретил своим примасам (высшим церковным иерархам) присутствовать на церковном соборе в Реймсе.

¹⁷ Человеку свойственно ошибаться, глупцу упорствовать (*лат.*).

Но тут споры возобновились, саксы стали упрекать Эдгара в том, что он все больше отдаляется от них в угоду своим друзьям-норманнам, и если некогда они съезжались к нему праздновать йоль¹⁸, то ныне барон стал пренебрегать старыми добрыми обычаями.

– Это бесконечный спор, – Эдгар махнул рукой. – Просто вы попали под влияние этого бунтовщика Хорсы и его несбыточных планов.

– Отчего же несбыточных? – выступил вперед толстый тан Бранд. – Эта война за корону вконец истощила Англию. Пора бы и нам вмешаться, пора показать, что мы не позволим чужакам терзать нашу землю. И если ты, Эдгар, отдашь свою девочку за благородного Этелинга, то у нас появится чета потомков прежних владык, ради которых многие возьмутся за оружие. Так что Хорса дело предлагает. Мы соберем войска и ударим тогда, когда норманны меньше всего будут этого ожидать.

Барон и баронесса переглянулись. Потом Эдгар сказал, что они с супругой выслушали гостей, но не видят никакой для себя чести в том, чтобы потворствовать мятежникам. Англия, о которой те якобы пекутся, ныне и так терзаема войной, многие графства разорены, погибло немало людей. Неужели саксы хотят своими руками увеличивать размеры бедствий?

Милдрэд тихонько подергала Утреда за рукав.

– Что тут происходит? Мистрис Клер сказала, что ко мне сваты приехали, а эти...

– Тихо, девочка. Наш лорд сможет дать им отпор.

Но пока ее отцу приходилось туго. Видя, как распалены саксы, Милдрэд возмутилась. Они все зависели от ее отца, но вдруг явился какой-то лысый Хорса, и саксы возомнили, будто гронвудский барон обязан выполнять их волю уже потому, что является их соплеменником. Сам же Хорса почти кричал, наседа на Эдгара. Он уверял, что у него сторонники по всей Англии, что многие пойдут за ним и восстанут, если будет за кого бороться. И когда у восставших появятся средства... если Эдгар обручит единственную дочь с Эдмундом Этелингом... Ведь известно, что у невесты немалое приданое, которое может послужить восставшим подспорьем для борьбы. Они закупают оружие, смогут нанять наемников на континенте и добиться благословения Церкви. Даже король Давид Шотландский благословил Хорсу на восстание, пообещав помочь и ударить с севера, когда они выступят.

– Вот оно что, – барон решительно встал, бурно дыша. – Так вы надеетесь спустить приданое моей дочери на свою безнадежную борьбу? Да еще и шотландцев приплели. А не кажется ли вам, Хорса из Фелинга, что вы просто пешка в чужой игре? Давид Шотландский отправил вас разжигать смуту в Англии, чтобы отвлечь силы Стефана, а сам тем временем постарается захватить северные английские графства!

После этих слов настала тишина. Даже норфолкские саксы, при всей их косности, понимали, что Эдгар Гронвудский куда лучше других разбирался в политической ситуации и уже не раз его разумное правление и предусмотрительность спасали их от разорений в эти беспокойные времена.

Однако Хорса не дал сбить себя с толку.

– Вы клевете на меня, Эдгар. Вы всегда ненавидели меня, для вас я как укор, пример того, чего может добиться сакс, когда он верен своему народу. И все, что я хочу, – это спасти Англию от поработителей-норманнов. Я вам предложил достойный план, а вы сводите все к наветам на меня. И этими увертками вы просто отрекаетесь от своего народа. Вы не сакс, но вы и не норманн. Вы Иуда!

«И как отец терпит это? – подумала девушка, сжав маленькие кулачки и гневно взирая то на Хорсу, высоко вскинувшего лысую голову, то на нерешительно озиравшегося саксонского жениха. – Пусть гонит их прочь! А Хорсу вообще следует схватить и, как зачинателя смут, переправить в Нориджскую крепость.

¹⁸ Йоль – старинный полуязыческий праздник, совпадавший приблизительно с днями Рождества.

Она так и сказала об этом Утреду.

– Ты не понимаешь, малышка, – отозвался солдат. – Хорса... Они с Эдгаром братья по отцу. Нет, наш господин не станет пленить своего родича. К тому же он терпим к Хорсе ради леди Гиты: некогда Хорса страстно добивался вашей матушки, но Эдгар его обошел, а самого изгнал много лет назад. Наш барон достаточно великодушен, чтобы не унижать бывшего соперника в глазах жены. Хотя... Его терпению можно и позавидовать. Ишь, что этот бунтовщик мелет.

Хорса и впрямь разошелся. Он просто поставил Эдгара перед выбором: если тот покажет себя предателем, особенно теперь, когда они открыли ему свои планы, то первый удар объединенные силы саксов нанесут именно ему – начнут захватывать его владения, жечь имущество, разорять земли...

– Ну теперь-то отец им покажет! – твердила Милдрэд, хотя и испугалась, видя, какой сплоченной группой столпились таны вокруг этого противного Хорсы...

Ее побочного дядюшки, как оказалось. А тут еще и Утрэд разволновался: сказал, что у барона договор с тамплиерами, он должен вскоре отбыть по делам ордена, и вдруг такое...

Милдрэд увидела, как взволнованно взглянула на мужа леди Гита, как сам барон побледнел, силился что-то сказать, но саксы разошлись не на шутку, потрясали кулаками.

– Ох и надоели они мне! – рассердилась девушка.

Минуту-другую она размышляла, уже хотела повелеть Утреду кликнуть стражу, но передумала: этим не поможешь, только подтолкнешь саксов к восстанию. И поразмыслив немного, Милдрэд решила, как поступит. Эти саксы требуют, чтобы она стала невестой Эдмунда Этелинга? Ну она покажет, что выбрала для себя!

Девушка торопливо накинула на голову свое широкое траурное покрывало, оглядела темное платье строгого прямого покроя. Годится. Хорошо, что она не успела переодеться в голубой наряд. И, решительно потеснив не ожидавшего подобного Утрэда, Милдрэд откинула занавешивающий проход гобелен.

Из-за царившего в читальне шума и всеобщего возбуждения ее появление не сразу заметили, но потянуло сквозняком, пламя свечей заметалось, и таны стали оборачиваться.

Потайная ниша находилась на некотором возвышении, и Милдрэд пришлось соскочить с него, что слегка помешало ей появиться в должной мере солидно, однако, проходя между расступающимися саксами, она выглядела как само смирение: опущенные глаза, темные одежды, низко надвинутое на лоб покрывало. В наступившей тишине тревожно ахнула матушка.

– Мир вам во Христе, благородные таны, – отвешивая гостям поклон, елеинным тоном молвила Милдрэд. – Прошу прощения за свое вторжение, однако мне сообщили, что вы прибыли как сваты, и это смутило меня. Я прервала свои уединенные молитвы и теперь прошу слова.

Даже барон казался растерянным и удивленным столь смиренным видом дочери. Леди Гита сначала приподнялась, потом опять села на место.

– Надеюсь, мои родители пояснили, что я не могу связывать себя брачными обязательствами? – заговорила Милдрэд. – Ибо я дала обет посвятить себя Богу. Едва минет время поста, мой путь будет лежать в графство Шропшир, в славный город Шрусбери, где настоятельницей женской обители уже много лет состоит моя тетка Бенедикта. И там я посвящу себя Господу.

Воцарилась такая тишина, что стало слышно, как потрескивают фитили свечей. Девушка же, пользуясь всеобщим замешательством – даже ее родители потрясенно молчали, – стала говорить о том, что однажды уже была обручена, что ее жених посвятил себя благороднейшей цели защиты Гроба Господнего, но погиб, и это показалось ей знамением,

благодаря чему она теперь должна уйти от мира, стать невестой Христовой, раз ее жених-крестоносец сложил голову, так и не став ей супругом.

Первым опомнился толстяк Бранд. Хорошо знавший местные дела, он подался вперед столь резко, что даже звякнули подвески на застежке, скреплявшей его мохнатую накидку.

– Не морочь нам голову, девица! Ты хочешь сказать, что это перед постригом ты так веселилась в обществе молодых вельмож?

– Кто из нас чист перед Богом? – скромно потупилась Милдрэд. – Но именно во время рождественских увеселений меня впервые стали посещать подобные мысли, и я твердо решила: не брачный покров невесты станет моим уделом, а целомудренная жизнь в обители Девы Марии Шрусберийской.

Она взглянула на родителей. Мать все еще потрясенно молчала, а вот отец, похоже, догадался о ее намерениях. Они всегда так хорошо понимали друг друга! И хотя в глазах Эдгара заплясали веселые искры, он подошел, взял ее руку в свои и произнес, обращаясь к танам:

– Вы слышали, что сказала моя дочь? Неужели и теперь вы станете оспаривать столь благородное и чистое решение юной девы?

Но леди Гита по-прежнему выглядела изумленной и нервно стягивала у горла складки шали. И Хорса это заметил.

– Мне думается, нам солгали, – он шагнул вперед. – Нас принимают, с нами ведут переговоры, нас выслушивают, но вдруг оказывается, что ни о каком сватовстве не может быть и речи.

– Истинно так, – с прежним смирением ответила Милдрэд, хотя ей было не по себе под тяжелым взглядом этих желтовато-карих глаз.

Тут ее заслонил отец.

– Все вы знаете, что жена моего покойного брата, леди Риган, некогда удалилась в обитель Шрусбери, где стала настоятельницей под именем Бенедикты. И все эти годы я вел с ней переписку. Когда же мое дитя изъявило желание стать невестой Христовой, я написал об этом аббатисе Бенедикте, прося взять дочь под свое попечительство. Не далее как этим утром я получил ее ответ и согласие. Так что я никак не могу отдать Милдрэд за благородного Эдмунда Этелинга.

Теперь и леди Гита поняла замысел дочери, но лицо ее посуровело. Она понимала, что все это обман, но, будучи женщиной глубоко религиозной, осуждала попытки мужа и дочери ложным благочестием прикрыть совсем иные цели. Однако молчала, хотя Хорса видел, как нахмурились ее каштановые тонкие брови.

– Обман! Уловка, чтобы избавиться от союза с нами. Вы хитрите, изыскав способ отказать благородному Этелингу, дабы остаться в стороне от нашего дела! Я никогда не поверю, что корыстный Эдгар из Гронвуда, потомок Армстронгов, в чьих жилах течет королевская кровь последнего нашего монарха Гарольда¹⁹, решил прервать свой род и отдать Церкви единственное дитя. Кому же тогда достанется все это – Гронвуд-Кастл, поместья Незерби и Тауэр-Вейк, пашни, заливные луга, ветряные мельницы, рынки?

– Есть еще и тамплиеры, – негромко произнес Эдгар.

Наступила тишина. Рыцари ордена Храма занимали весьма влиятельное положение в Восточной Англии, их комтурия²⁰ располагалась в городе Колчестере, и все знали, что бывший храмовник Эдгар все эти годы не порывал с ними связи.

¹⁹ Эдгар по матери был внуком погибшего в битве при Гастингсе последнего англосаксонского короля Гарольда Годвинсона.

²⁰ Комтурия – крепости рыцарей-храмовников (или тамплиеров) в Европе.

– Но если ваша ложь откроется! – в последней отчаянной попытке вскричал Хорса и устремил исполненный ярости взгляд на эту красавицу, вздумавшую теперь рядиться монашкой. – Если окажется, что это лишь повод одурачить нас, уклониться от нашей борьбы за свободу...

– Едва дороги станут проезжими, – резко прервал его барон, – моя дочь отбудет в Шрусберийскую обитель.

Хорса словно подавился воздухом. Вся его надежда была на то, что Эдгар прельстится возможностью увидеть на голове своей дочери корону либо хоть испугается мятежа. Танов можно было подбить на восстание против Эдгара, если тот не пойдет на союз, но теперь... Как еще можно было заручиться поддержкой этого предателя дела саксов? Где добыть средства для восставших? На одном воодушевлении их долго не удержишь. И Хорса видел, как его союзники опускают глаза, отводят взоры. Они поддерживали бы Эдмунда Этелинга, но у них нет средств на войну в тех масштабах, в каких ее планировал Хорса. Да и сам Эдмунд как будто забыл, зачем его привезли в Гронвуд-Кастл, – смотрит на дочку Эдгара, точно ему сама Богородица явилась. Хоть бы слово сказал!..

Эдмунд Этелинг и впрямь не сводил восхищенного взгляда с Милдрэд Гронвудской. Он сразу узнал в ней ранее так очаровавшую его ряженую плясунью с постоянного двора. И даже понимание, что не видать ему теперь ни Гронвуда, ни прелестной саксонки, его не смутило. Наоборот, он восхищался ее решением посвятить себя Богу – именно такой, прекрасной и целомудренной, и должна быть невеста Христова.

Но когда вокруг все вновь загомонили, Эдмунд словно очнулся, стал озираясь. Увидел шумевших саксов, искаженное ненавистью лицо своего наставника Хорсы, гневный взгляд барона... и эту девушку, такую смиренную, скромную среди обуреваемых страстями грубых мужчин. Да, только стены обители способны укрыть столь чистого ангела от житейских невзгод.

Вот тогда Эдмунд решился:

– Замолчите и выслушайте меня!

По сути он, до этого полностью подавляемый властью и влиянием Хорсы, впервые подал голос.

– Все вы закоренелые грешники, – начал саксонский принц, – забывшие, что наше земное существование – лишь краткий миг в сравнении с вечной жизнью души. И если эта чистая дева избрала для себя лучший и благородный удел, решив посвятить себя нашей матери Церкви, то не грешно ли сомневаться в ее намерениях и посягать на ее выбор?

– Эдмунд! – Хорса кинулся к нему, сжал плечо. – Прекрати немедленно! Мой принц, неужели вы не видите, что все это ложь!

Но молодой человек решительным движением вырвался из рук наставника и, шагнув к Милдрэд, не без изящества склонил свой полноватый стан.

– Вы прекрасны, миледи, и, клянусь прахом и могилами предков, ни о чем бы я так не мечтал, как повести вас к алтарю. Однако вы избрали более достойный, возвышенный удел. Поэтому я смиренно прошу простить меня за то, что хотел встать на вашем пути.

Он повернулся к саксонским танам и громко изрек:

– Я более не претендую на руку Милдрэд Гронвудской!

Все сразу загалдели, а Хорса вдруг кинулся к Эдмунду и с размаху ударил по щеке.

– Щенок! Мальчишка! Глупец! Как ты смел отказаться от наших планов? Как мог предать дело твоих предков?

Он вновь занес руку, но барон Эдгар успел перехватить ее.

– Не забывайся, Хорса! Вы в моем доме, и я не позволю вести себя с Этелингом как с одним из ваших домашних рабов!

Все еще задыхаясь, Хорса перевел взгляд на девушку. Дочь Эдгара! И Гиты... Но сейчас Хорса видел в ней только отродье своего непримиримого соперника... своего проклятого брата – порази гром его и эту лживую сучонку!

– Вы поступили опрометчиво, девушка! – почти прошипел он, видя, как Милдрэд попятилась под его исполненным ненавистью взглядом. – И в моем лице вы приобрели заклятого врага.

После этого, расталкивая шумящих танов, он кинулся прочь. На лестнице чуть не налетел на стену, замер, закусив руку, чтобы не закричать.

Наконец его бурное дыхание стало успокаиваться. Хорса привык, что жизнь рушит его планы, однако вовсе не считал, будто следует смириться. Он – воитель за попорченную славу своего народа и лучшую долю для саксов! Что ж, он найдет более достойного предводителя, чем этот простодушный, тупой увалень, последний осколок бывшего величия Англии.

И, запахнувшись в свою меховую накидку, Хорса степенно удалился.

После ухода Хорсы напряжение сразу спало. Сначала все еще были растеряны, но Эдгар скоро взял ситуацию в свои руки, сказав, что не держит зла на саксов, так как знает умение Хорсы подчинять себе людей. От этого, впрочем, никогда не было проку, и самое лучшее, что они могут сделать, так это забыть споры и выпить мировую чашу.

Выпить саксы всегда любили, как и вкусно поесть. Во время поста нельзя устроить настоящий пир, однако леди Гита была отменной хозяйкой, так что таны остались довольны. Им подали несколько сортов рыбы – жареной, копченой, вареной, горячие каши, яблочный пудинг; угощений всем хватило, чтобы набить желудки, и мир стал казаться вполне приемлемым. И хотя хлеб казался кисловатым из-за долгого лежания в амбарах, но все же это была добрая еда, а шипучий эль и густой морат²¹ скоро настроили гостей на мирный лад.

Застолья у саксов всегда проходили шумно, поэтому леди Гита вскоре оставила гостей. Милдрэд удалилась еще раньше – не пристало будущей монахине посещать бурные посиделки. Зато барон Эдгар Гронвудский оставался с гостями до самого их отъезда, пока не стало смеркаться. Причем он много беседовал с Эдмундом Этелингом, расспрашивал о его манере, о хозяйстве и оловянных рудниках, заодно и выяснял, как вышло, что столь состоятельный и знатный вельможа попал под влияние смутьяна Хорсы. Эдмунд держался просто и учтиво, речь его отличалась правильностью, манеры – благородством. Поэтому он даже понравился Эдгару, и они простились куда приветливее, чем встретились, когда Эдмунд только прибыл в Гронвуд в качестве нежеланного жениха.

– А он не так и плох, этот потомок наших королей, – сказал барон, поднявшись в солар²², где его жена и дочь занимались вышиванием при свете высоких горящих свечей.

Солар был одним из самых уютных и красивых помещений в замке: с большим окном с закругленной сверху аркой, дубовыми панелями на каменных стенах, по скамьям разложены расшитые подушки с шелковистыми кистями на углах. От огня в камине здесь всегда было тепло и уютно, плиты пола перед ним покрывали полости из сшитых оленьих шкур, дабы не зябли ноги, и женщины, скинув свои подбитые мехом накидки, казались грациозными и изящными. И были сейчас удивительно похожи.

Обычно считалось, что Милдрэд уродилась именно в отца, но в эти мгновения барон не мог не заметить, как она похожа на мать: та же горделивая посадка головы на стройной шее, покатая линия плеч, грациозные движения рук. Даже над пальцами она склонялась так же, как мать, чуть подавшись вперед, строго соединив колени под темным сукном все

²¹ Морат – хмельной напиток, приготовляемый из меда с добавлением ягод.

²² Солар – светлая и удобная комната в замке, где любили отдыхать хозяин и его гости, в отличие от большого зала, где собирались все обитатели замка.

того же траурного платья. И все же в избалованной любовью родителей Милдрэд была своя душа, живая и непокорная. Это угадывалось в том, как невозмутимо она сейчас держалась подле матери, которая выглядела хмурой, нервной: видать, уже успела высказать дочери все, что думает про ее обман, когда та прилюдно пообещала стать невестой Христовой. Такими вещами не шутят, это значит обманывать само Небо.

То же леди Гита сказала и супругу. Ее голос звучал резче обычного, но когда лорд Эдгар вместо ответа повторил свою похвалу Этелингу, его жена даже растерялась.

– Ты что же, всерьез готов принять условия его сватовства?

Барон Эдгар прошел к огню, поставил ногу на каминную полку и, облокотясь на колено, глядел на языки пламени.

– В другое время я бы мог подумать об этом всерьез, но не сейчас. То, о чем сказала танам Милдрэд, надо выполнить. И я сегодня же отправлю почтового голубя к настоятельнице Бенедикте. Будет лучше, если наша дочь и впрямь какое-то время пробудет в ее обители.

– Вот там и отмолю свою ложь, – отозвалась девушка, с самым невозмутимым видом прокалывая иголкой ткань.

Она держалась раскованно, хотя, когда Эдгар расхваливал Этелинга, у нее екнуло сердечко. А вдруг отец и впрямь задумался об этом сватовстве? Но жених ей не понравился! В супруги себе Милдрэд хотела кого-то позначительнее... да и покрасивее, если уж спрашивать именно ее!

И она тут же ловко перевела разговор на то, что никто не имеет права принуждать гронвудского барона, и даже топнула, опрокинув маленькую скамеечку у ног.

– Отец, скажите, что я хорошо все придумала, избавив вас от этих заносчивых танов! Вы ведь сразу поддержали меня – значит, согласны.

Эдгар молчал. Его силуэт на фоне огня казался темным, и девушка не могла понять, как он ко всему относится. А вот мать по-прежнему хмурилась.

– Супруг мой, ты ведь понимаешь, что Милдрэд придумала это не только ради отказа Этелингу, но и чтобы иметь повод уехать. Она наслушалась твоих рассказов о других краях, вот и рвется... Если ей так уж нужно прикинуться монахиней, она вполне бы могла пожить в соседней обители Святой Хильды, настоятельница которой моя добрая подруга. Но отправляться через всю раздираемую войной Англию... Не то время нынче, – добавила она сурово.

Да, времена выдались беспокойные. Война длилась уже много лет, дороги были небезопасны, любая поездка сопрягалась с риском, и только стены крепких замков могли уберечь человека от бед. Леди Гита знала об этом и не понимала, почему супруг с такой готовностью решил потакать выдумке дочери. Их единственное дитя... Баронесса до сих пор еще не оправилась после смерти сына, и ей невыносима была мысль о том, что и дочь подвергается опасности.

Она взглянула на Милдрэд, но та не разделяла страхов матери и смотрела на отца блестящими глазами, ожидая его решения и напоминая сокола, рвущегося с насеста. Но она ведь не сокол, а юная девушка, очень красивая, очень богатая и очень слабая. У баронессы слезы навернулись на глаза, когда она поняла: муж и дочь заодно, они уже все решили и ей не переубедить их.

Понимая терзавшие жену страхи, барон Эдгар подошел и обнял ее за плечи.

– После того как императрица Матильда год назад покинула Англию, война стала стихать. Да и в Шрусбери, как нам писала Бенедикта, давно царит мир. К тому же... Ты должна больше доверять мне, родная. Неужели думаешь, твой муж столь неблагоразумен, что позволит дочери выйти в мир без надлежащей защиты? Да и обитель Марии Шрусберийской достаточно почитаема, чтобы Милдрэд могла там спокойно укрыться на какое-то время. Пока мы не решим, с кем надо ей соединиться для блага ее самой и наших земель.

Милдрэд давно свыклась с мыслью, что обязана своим браком дать господина отцовским владениям. Это был ее долг. Да и неприлично в семнадцать лет все еще оставаться в девицах. Но сейчас она только отметила, что план ее удался и разговоры о том, как отцу пришлось по душе Эдмунд Этелинг, ничем ей не грозят. Отец, возможно, всего лишь хотел немного подразнить ее.

Она встала и, видя, что родителям надо переговорить, пожелала им доброй ночи и вышла. Ах, как хорошо она умела прикидываться покорной и послушной! Но едва за ней закрылась дверь, как Милдрэд совершила резкий скачок, развернувшись в воздухе, подхватила длинную юбку и понеслась прочь, перепрыгивая ступени. Ее переполняло такое воодушевление, что она даже попискивала от бурлившей радости. Наткнувшись на солидного сенешаля Пенду, она схватила его за ремень и закружила, потом щелкнула по начищенной каске дежурившего у прохода на галерею охранника, бегом прошмыгнула под вязанкой дров, которую нес поднимающийся по лестнице слуга. И даже лохматому волкодаву отца от нее досталось, когда она подхватила его за передние лапы и чмокнула в мокрый нос, отчего пес чихнул, а потом скакал подле девушки до ее покоев, как глупый щенок.

В опочивальне юной леди служанки согревали постель керамическим сосудом с уголками, а мистрис Клер отдавала какие-то указания. Но Милдрэд почти налетела на нее, расцеловала в обе щеки и, позволив себе наконец-то завизжать, с разбегу запрыгнула на кровать. Под удивленные и веселые возгласы служанок она несколько раз подпрыгнула, упала на спину и тут наконец замерла, раскинув руки. Глаза ее возбужденно блестели, грудь бурно вздымалась. О, какое чудесное приключение ей предстоит! Она уедет, побывает в других краях, встретит новых людей. Жизнь так интересна! Ей столько предстоит узнать! И это она сама подстроила! Какая же она хитрая и ловкая!

Милдрэд расхохоталась, развеселив и рассмешив удивленно взиравших на нее прислужниц.

Только мистрис Клер сохраняла обычную солидность и все пыталась успокоить юную леди, которая была уж слишком возбуждена и так вертелась, что ее даже не удавалось толком причесать перед сном.

Глава 3

Шропшир, март месяц, монастырь Св. Марии в Шрусбери

В полночь под морозящим дождем монахини попарно проследовали в церковь. По уставу Святого Бенедикта, ночная служба должна быть самой продолжительной, ибо спящий мир нуждается в большей защите от происков слуг дьявола. И все же в этот раз аббатиса сделала знак священнику, чтобы он не особенно тянул с проповедью, и сама первая покинула здание церкви, чего обычно за ней не водилось.

Казалось бы, подобное поведение настоятельницы Бенедикты можно объяснить: уже не первую ночь в Шрусбери было неспокойно в связи с возможным наводнением. И хотя сам город, расположенный на холме в излучине мощной реки Северн и окруженный кольцом каменных стен, был вне опасности, окрестные земли, усадьбы и большое аббатство Петра и Павла в предместье могли пострадать из-за поднявшейся воды. Долго лившие в Уэльсе дожди переполнили реку, воды ее разливались, и вот уже не первые сутки городские службы спасали окрестных жителей и стремились укрыть всех, кому угрожало наводнение. Поэтому и в столь поздний час в городе не смолкал шум: раздавался цокот копыт, окрики, скрип тележных колес. Монахини обителю уже спокойнее относились к происходящему в городе, а вот настоятельница на какой-то миг замерла посреди двора и, несмотря на холодный дождь, вглядывалась в сумрак. Ее рука нервно сжимала нагрудный крест, сама она была напряжена, а на калитку у ворот смотрела так, словно ожидала, что вот-вот в нее кто-то войдет.

Но все оставалось по-прежнему, и мать Бенедикта поднялась в свои покои, где запалила от лампы у иконы Божьей Матери свечу, и принялась нервно расхаживать по опочивальне, пока не замерла у слабо поблескивавшего хрусталиками стекла окна, вглядываясь во мрак и прислушиваясь к звукам извне.

Мать Бенедикта была женщиной в годах, невысокой и коренастой, и темные одежды бенедиктинского ордена умела носить с некоторым изяществом. Обрамлявший ее полное лицо и шею апостольник был из белейшего сукна, длинное головное покрывало ниспадало шелковистыми складками, а четки, какие она нервно перебирала, были из гладко отполированных аметистов. Глаза аббатисы казались почти черными, лицо не отличалось приятностью черт, но в нем отражалась та особая внутренняя красота, какую с возрастом придает людям сила духа и разум.

За окном шумел и шумел мартовский дождь. Под такой монотонный звук хорошо свернуться калачиком под шерстяным одеялом и сладко спать. Мать Бенедикта не сомневалась, что так и поступили все вверенные ее опеке сестры обители, послушницы и воспитанницы. Но она спать не могла. Она ждала вестей...

Из-за дождей, разлива Северна и суматохи последних дней в Шрусбери была отложена казнь прославленного разбойника Черного Волка, который столько раз с валлийцами²³ совершал набеги на окрестные земли. Но именно об этом человеке сейчас молилась настоятельница почитаемой обители. Ибо тот, кого окрестные жители нарекли Черным Волком, ранее известный как Гай де Шампер, приходился ей родным братом. Он родился под несчастливой звездой, спокойная жизнь не была его уделом. Но мать Бенедикта, в девичестве носившая имя Ригины де Шампер, давно простила его, а весть, что ее брата собираются повесить на

²³ Валлийцы, или уэльсцы – общее название кельтского британского племени, обитавшего в Уэльсе – соседней с Англией областью.

потеху толпе, стала для нее огромным горем. Сейчас же она благословляла ненастье, видя в нем перст Божий, дающий приговоренному надежду на спасение.

Чтобы отвлечься от горестных раздумий, аббатиса подошла к пюпитру и стала разбирать накопившиеся бумаги. Счета за ремонт кровли в странноприимном доме при монастыре, доходы от продажи остатков шерсти, письмо от покровителя аббатства, графа Честерского, племянница которого, Тильда ле Мешен, проходила обучение в уважаемой Шрусберийской обители. Знатные лорды весьма охотно отдавали своих родственниц под покровительство матери Бенедикты, и сейчас, перебирая бумаги, она не удивилась, когда прочитала прибывшее с голубиной почтой послание от бывшего деверя Эдгара Гронвудского. Он тоже хотел, чтобы мать Бенедикта приняла в обитель в качестве воспитанницы его дочь Милдрэд. В иное время настоятельница была бы рада подобному известию как новому подтверждению того, что ее связь с родичем из Восточной Англии не прервалась за все эти годы. Ныне же она лишь на миг задумалась, отчего ее славный родич из Денло²⁴ отправляет единственное дитя именно сюда через всю беспокойную Англию. Но потом свиток с шуршанием свернулся в ее руке и она опять подошла к окну. Этой ночью... Ей сказали, этой ночью. О Пречистая Дева, помоги им!

Она упала на колени и принялась жарко молиться.

– Помоги им, Приснодева! Он ведь не всегда был такой плохой! Это рок, его проклинали в детстве, с тех пор на его груди всегда этот знак проклятия... знак изгнанника.

Да, злая судьба отметила Гая де Шампера с самого появления на свет. Родился он во время страшной бури. Риган, старшая сестра, помнила, какое тогда было ненастье, как бесновалась вьюга. Нянька поставила ее на колени и сказала, что им следует молиться. А она не молилась, а больше наблюдала за нищими, которые, узнав, что у лорда в имении Орнейль рождает жена, напросились на ночлег в надежде, что в честь радостного события хозяин угостит их от своего стола. Но леди умерла в муках, лорд был в горе и даже не взглянул на долгожданного сына. Присутствие же в доме такого количества попрошаек вдруг привело его в ярость, и он велел выгнать их всех прямо в пургу. Они не ушли далеко – некуда было идти сквозь снег и холод, – и все позамерзли вокруг его усадьбы. Кроме одной старухи, которая необычно зычным голосом выкрикивала через метель, что сын барона рожден для бед и нигде на земле ему не будет пристанища.

Однако сначала казалось, что детям могущественного приграничного лорда ничего не угрожает. Даже когда умер их отец, детей удалось устроить при дворе правившего тогда короля Генриха I Боклерка. Вернее, это она, звавшаяся тогда Ригиной, стала фрейлиной у принцессы Матильды, а Гай вскоре был отправлен пажом ко двору графа Анжуйского. Долгое время им не случалось увидеться, но Ригина не сильно жалела об этом, ибо Гай был несносным мальчишкой, они не ладили, и ей часто приходилось поколачивать брата, когда он дразнил ее и называл дурнушкой. Да, красавицей она никогда не была, это правда, зато умом ее Бог не обидел. Она сумела так расположить к себе свою госпожу Матильду, что та взяла ее в свиту, когда уезжала в Германию, чтобы стать императрицей. Этот титул она сохранила до сих пор, несмотря на то что давно овдовела, вышла потом за графа Анжуйского и позже предъявила права на корону Англии. Но это уже было без Ригины, ибо фрейлина успела выйти замуж за молодого саксонского лорда из Денло. Со временем овдовев, она не пожелала жить в доме мужнего брата Эдгара Гронвудского и решила вернуться в графство Шропшир, где у нее были богатые маноры. Там она стала сначала монахиней в Шрусбери, а после поднялась до положения настоятельницы. Свою жизнь она могла бы считать сложившейся благополучно, если бы не Гай.

²⁴ Денло – земли на востоке Англии, некогда подвластные завоевателям-викингам.

Вести о нем она получала постоянно, и они ее не радовали, ибо брат то и дело умудрялся попадать в самые неприглядные истории. Сначала он оскандалился при дворе своего благодетеля графа Анжуйского, и его изгнали. Потом ему улыбнулась удача: он сумел высидеть в Святой земле, служил охранником у самого Иерусалимского короля Бодуэна, но однажды он попал в плен к арабам, вынужден был сменить веру, стал изгоем, разбойником, грабящим караваны купцов в Святой земле. После такого уже не поднимаются, а вот ее брат смог. Добравшись до Рима, он добился прощения от самого Папы, вернулся к английскому двору, где и поступил на службу. Но опять не сумел удержаться. Бенедикта не знала, что на этот раз натворил неугомонный Гай, но он был объявлен личным врагом короля Генриха, его повсюду ловили, и за его голову назначили награду. В то время она уже стала монахиней в Шрусбери, и тревоги мирской жизни, казалось бы, не могли ее задевать. Но испытания подстерегли и ее.

Патроном обители Святой Марии, в которой она пребывала, являлся настоятель могущественного аббатства Святого Петра отец Гериберт, алчный и решительный человек. И он, узнав, что новая монахиня Бенедикта является наследницей богатых маноров в пограничье – Тевистока, Круэла и самого внушительного имения Орнейль, – потребовал, чтобы она написала дарственную, передав эти земельные угодья его аббатству. Если Бенедикта хотела высидеть на стезе монашества, ей было выгодно так и поступить. Однако, прибыв из Денло, она уже внесла значительный денежный вклад, как и подобало богатой даме, но вот отписать монастырю еще и свои земли решительно отказалась. Она заявила, что покуда ее брат Гай жив, по нормандскому закону он является владельцем маноров рода де Шампер и она не имеет права распоряжаться ими.

Началась долгая и неприятная тяжба. Настоятель Гериберт требовал дарственную на том основании, что Гай де Шампер объявлен вне закона, а это все равно, что умер. Она же считала, что человеку со столь непростой судьбой, как у ее брата, еще может улыбнуться удача, и всячески затягивала дело. Положение особенно осложнилось, когда Гай прибыл в Шропшир, а потом смог укрыться в соседнем Уэльсе, где всегда с охотой принимали беглецов из Англии. Более того, Гай ухитрился собрать отряд из валлийцев и силой вернул свои имения, выгнав уже пытавшихся распоряжаться там людей аббата Гериберта.

Вот тогда-то они и встретились, брат и сестра, не видавшиеся долгие, долгие годы: Бенедикту отправили уговорить Гая отдать завоеванные им земли. Ее привезли едва ли не под конвоем. Она опасалась, что Гая возмутит ее вмешательство в это дело, однако их встреча оказалась неожиданно теплой. Гай сразу же заключил сестру в объятия, благодарил ее за стойкость, с которой она смогла сохранить ему земли. Она же просто растаяла перед добротой и обаянием своего мятежного брата. Ибо такой человек, как Гай де Шампер – привлекательный, яркий, энергичный, – мог завоевать любое сердце. Жаль только, что из-за своего непокорного характера он с одинаковой легкостью наживал как друзей, так и недругов. И в последних числился даже сам король Генрих.

Об этом она и сказала ему при встрече. В ответ Гай удивил ее известием, что, оказывается, король Генрих Боклерк уже почил в бозе, теперь власть перейдет к его дочери Матильде, а уж Матильда никогда не назовет Гая де Шампера своим врагом. И он так был в этом уверен, что его вера передалась Бенедикте, и об этом же она рассказала аббату Гериберту.

Однако вышло не так, как ожидалось. Вместо Матильды править в Англии стал племянник Генриха I, Стефан Блуаский. Сначала новому королю вроде бы не было дела до волнений на далеком западном пограничье. Зато аббат Гериберт не хотел смириться: он развязал против Гая де Шампера настоящую войну, выставив того перед новым королем Стефаном как зачинщика смут и пособника разбойных валлийцев. С этого все и началось. Гай и впрямь вынужден был то отступать в Уэльс, то вновь собирать отряды и отвоевывать свои маноры.

Он заслужил прозвище Черный Волк пограничья, его дружба с не покорными Англии валлийскими принцами стала притчей во языцех, и теперь уже король Стефан объявил Гая вне закона и назначил за его голову награду.

Правда, одно время мать Бенедикта надеялась, что ее брату повезет. Это было, когда перевес в нескончаемых войнах за корону стал склоняться на сторону Матильды. Гай так и писал сестре, что с восшествием императрицы на престол его положение в корне изменится. Но потом сама Матильда оказалась в осажденном Оксфорде, и Гай вдруг бросил все дела и кинулся ей на помощь. Именно он способствовал ее невероятному побегу из осажденной крепости.

Можно было надеяться, что после этого его ждет награда. Но вышло иначе. Мать Бенедикта по сей день не знала, что там произошло, но Гай вернулся в Уэльс подавленным и мрачным. На все вопросы сестры он отмалчивался и только один раз сказал, что прошлого не воротишь, к тому же Матильда лучше умеет наживать врагов, чем друзей.

Так оно и было. Непримируемый характер императрицы отвратил от нее многих сторонников. Все же были такие, кто остался ей верен и считал, что именно она законная наследница английской короны, но Гай больше себя к таковым не относил. И кто бы ни приходил к власти – Стефан или Матильда, – он больше не вмешивался в их разборки, оставшись просто грозой пограничья, Черным Волком.

Вот тогда-то мать Бенедикта окончательно разуверилась, что ее брат даст покой этому краю. За что он сражался? Ведь земли рода де Шампер из-за постоянных стычек уже пришли в полный упадок, оставаясь спорной, а по сути, ничейной землей.

И вот недавно местному шерифу Пайну Фиц Джону удалось схватить Черного Волка. Гай был заточен в шруйсберийском замке Форгейт, и его собирались повесить, как обычного преступника. Мать Бенедикта попыталась спасти брата, для чего обратилась к единственному, на ее взгляд, человеку, который мог помочь Гаю. Дело было безумно рискованным, и сейчас, опустившись перед иконой Богородицы на колени, она истово молилась, а по щекам ее текли бесконечные слезы.

– Святая Дева, молись о нас, грешных, теперь и в час смерти нашей! – почти стонала она. Ибо самой ей было так страшно, что сердце леденело в груди, в горле давил ком.

И вдруг она вздрогнула. Словно не веря самой себе, оглянулась. Показалось ли ей или в ее окошко и впрямь постучали? Там, под ее покоем, проходила крыша галереи, обхватывающей внутренний дворик. И она помнила, кто порой приходил к ней этим путем.

Аббатиса кинулась к окну, дрожащими руками нервно рванула крючок задвижки. За окошком она различила два силуэта. Два! Значит, они оба живы и невредимы!

Ночные гости – мокрые, тяжело дышащие, холодные – проскользнули в узкий проем окна; она металась между ними и обнимала то одного, то другого.

– Силы небесные! Все получилось!.. Получилось!

Тот, что был помоложе, беззвучно смеясь, выскользнул из ее объятий и прошелся по опочивальне, почти пританцовывая. Прищелкнул пальцами, как кастаньетами.

– А то! Вот, полюбуйтесь теперь на вашего смертника. Цел, целехонек, даже шею мне намял, когда я помогал ему взбираться на монастырскую ограду. Откармливали его, что ли, в подземелье Форгейтского замка?

Аббатиса снова обняла брата. Гай выглядел отнюдь не так хорошо, как уверял его спутник, – в изодранной одежде, небритый, растрепанный. Он поцеловал руку сестры, которой она гладила его покрытую темной щетиной щеку.

– Сама Дева Мария прислала нашего Артура в Шрусбери в это ненастье! И не иначе как все святые надоумили тебя просить его о помощи, сестрица. Благослови тебя за то Бог!

Он устало подошел к столу, где стояла вечерняя трапеза аббатисы, к которой она так и не притронулась. А вот тот, кого звали Артуром, сразу же откинул с блюда салфетку, отломил

кусочек пирога и с удовольствием впился в него зубами. Жевал и улыбался как ни в чем не бывало. Гай же, опираясь руками на стол, серьезно смотрел на него сквозь нависающие на глаза темные пряди.

– Я так еще и не поблагодарил тебя, малыш. Отныне я твой должник.

– Аминь, – согласно кивнул юноша. – Когда-нибудь я тебе напомню, Волк, эти слова. Мало ли что случится – все под Богом ходим. Да, матушка Бенедикта?

Настоятельница смотрела на них обоих, и по ее щекам текли счастливые слезы. В покое было полутемно, но даже этого слабого света хватало, чтобы заметить, как похожи эти два человека. Оба рослые, поджарые, разве что Гай несколько шире в плечах, более налит силой. А вот Артур еще по-юношески изящен, худощав, но эта его кажущаяся хрупкость не вводила в обман аббатису, которая знала, кого отправить на такое сложное дело, как освобождение пленника из Шрусберийского замка. В Артуре таились такие сила и ловкость, что он без труда мог пройти там, где не справилась бы и дюжина обычных молодцов. Ее брат Гай был таким же в двадцать лет. Вернее, в двадцать один год. Бенедикта точно знала, сколько лет этому юноше, которого двадцать один год назад подкинули к дверям аббатства Святого Петра и в судьбе которого она приняла столь живое участие. Ибо нечто не давало ей покоя: Артур был словно одной с нею и Гаем породы – такой же темноглазый и черноволосый, так схожий с ее братом чертами и статью. Вот только родней им он не мог быть, ибо когда появился этот подкидыш, ни ее, ни Гая не было в этих краях. Она все еще жила в Восточной Англии, а Гай скитался по дорогам Европы. И все же в Артуре крылось нечто, благодаря чему мать Бенедикта сразу выделила его из прочих, интересовалась им, а потом привязалась всем сердцем одинокой женщины, у которой никогда не имелось своих детей.

Да и самому Гаю он нравился: когда Бенедикта отправила к нему подросткового мальчишку, они очень привязались друг к другу. Немудрено, что Артур сразу откликнулся на просьбу настоятельницы освободить Черного Волка.

Бенедикта заставила себя опомниться: ведь дело нешуточное. Она не ожидала, что Артур приведет Гая прямо к ней, но, несмотря на опасность, была рада, что оба они тут. При ее репутации вряд ли на аббатису падет подозрение в пособничестве побегу, к тому же она громогласно объявляла, что отреклась от брата: иначе ей не удалось бы сохранить свое положение.

– Рассказывайте, как все произошло, – уже своим обычным голосом сказала она, достав из сундука у стены два куска сухого холста, чтобы мужчины могли вытереться – с обоих прямо лило. Подавая полотно брату, она слабо ахнула: весь бок светло-рыжей куртки Гая был темен, как будто от грязи... или от крови. – Ты ранен?

– Это не моя кровь. – Гай невозмутимо растирал свои длинные черные волосы. – Это кровь шерифа. Артуру пришлось проткнуть его своим крюком для лазания по стенам. Тот помер прямо на вздохе – выдохнуть не получилось, крюк глубоко вошел в тело. Ну, что ты так глядишь, сестрица? – Он бросил полотно Бенедикте. – Сама знаешь, на какое дело снарядила мальчишку. И что нам надо было – с шерифом в туфлю по кругу играть²⁵, когда мы столкнулись с ним в переходах замка?

Настоятельница проглотила ком в горле.

– Понятно. Но ведь я слышала, что шериф Пайн Фиц Джон отправился в аббатское предместье – проследить, как переселяют от наводнения местных жителей. Да и люди его в основном там.

– Я тоже так думал, – дожевывая пирог, отозвался Артур. – Но кто мог предугадать, что старый боров что-то заподозрит и возникнет перед нами собственной персоной? Ну и впрямь не в туфлю же по кругу было зазывать его сыграть. Хотя... Гм. Забавно было бы.

²⁵ Старинная английская игра.

И он как ни в чем не бывало налил себе в кубок вина.

Мать Бенедикта прижала руки к груди. Этот юноша... ее милый воспитанник, мальчик, которого она пестовала с детских лет, сейчас невозмутимо убил человека, а сам... еще и шутит.

– И как это было? – произнесла она столь спокойно, будто спрашивала привратника, кто насорил у входа в монастырь.

Начало истории она знала. В замке оставалось мало людей – все были заняты спешным выводом мастерового люда из предместья, а что шериф отправился за городскую стену, они сами видели сегодня с Артуром. Это и натолкнуло парня на мысль договориться с женой шерифа, леди Кристиной Фиц Джон, чтобы та оставила открытой калитку в замковой стене Форгейта. Их связь длилась уже более года, и мать Бенедикта была об этом прекрасно осведомлена.

– Кристина и впрямь сделала все, как мы условились, – рассказывал Артур, и на его красивом выразительном лице промелькнула смущенная улыбка: он сам понимал, как сегодняшнее происшествие скажется на судьбе любовницы. – Попад внутрь, я обогнул казармы, где было не так илюдно, потом проскользнул вдоль стены и конюшен к главной башне. Там у сторожки горел свет, вот я и воспользовался веревкой с крюком. Из-за шума дождя стражники не услышали, как крюк чиркнул о каменный зубец парапета над их головой. А я полез вверх – скользко было, но взобрался.

Артур обладал сильным, ловким, удивительно тренированным телом. Некогда он считался одним из лучших учеников в приюте аббатства Петра и Павла, и способному мальчику, к тому же имеющему поддержку со стороны богатой настоятельницы монастыря Святой Марии, было уготовано блестящее будущее. Но однажды вдруг он отказался от спокойного и сытого удела и ушел в мир с толпой бродячих фигляров. Чему только он у них не научился! Возможно, и лазить по веревке, как показала сегодняшняя ночь. Аббатиса с замиранием сердца слушала рассказ о том, как ее воспитанник крался по стене к главной башне, как проник сквозь оставленную леди Кристиной дверь, но не пошел в верхние покои, а спустился в подземелье. Стражник что-то напевал и не слышал сзади шаги; Артур оглушил его, не дав оглянуться. Осталось плевое дело: снять ключи с его пояса и выпустить пленника. Они усадили обмякшего бесчувственного стража под коптившим факелом у входа, чтобы со стороны тот был похож на задремавшего. Но когда стали подниматься и уже оказались в коридоре, навстречу к ним вышел сам шериф. Ну и...

Дальше в разговор вступил Гай: рассказал, как тащил на себе тело шерифа и как его скинули в ров перед плацем для воинских упражнений, после чего спустились сами и забросили труп в реку. Но выбраться из окруженного стенами Шрусбери у них не было возможности, вот они и прокрались к монастырю.

– Понятно, – кивнула аббатиса, когда брат умолк.

Да, они все сделали правильно, и теперь мать Бенедикту волновало, как скоро сменится стража в подземелье. Гай успокоил ее: когда все заняты борьбой с наводнением и полно забот, смена караула произойдет только под утро. Если до этого не случится нечто неожиданное.

И он еще говорит о неожиданном! Сбежал важный преступник, оглушен страж, погиб сам шериф графства... Но ведь и впрямь вся эта суматоха с разливом Северна и затопленной округой может отвлекать людей до самого рассвета. Но еще один вопрос особенно волновал настоятельницу: как поведет себя в дальнейшем леди Кристина Фиц Джон?

– Она просидит нарядная и надушенная у себя в опочивальне, – блеснув в улыбке белыми зубами, усмехнулся Артур. – Будет ждать меня. Ну а потом... Думаю, она и потом не выдаст.

Мать Бенедикта с укором посмотрела на него. Даже при слабом свете свечи было видно, насколько привлекательно его лицо – с правильным носом, темными глазами и длинными, как у девушки, ресницами; небрежно разметанные черные волосы ниже плеч, сильный подбородок. Хорош, уверен в себе, дерзок. Поэтому мать Бенедикта и не осуждала леди Кристину за то, что та, будучи замужем за суровым, грубым шерифом, стала тайком принимать это живое воплощение силы, красоты и веселья. Но настоятельница понимала, что одно дело – утехы с пригожим любовником, другое – положение жены шерифа, спокойная и безбедная жизнь в почете. И она спросила, не обольщается ли Артур насчет леди Кристины.

– Она не предаст, – ответил Артур после недолгого молчания. – Может, Кристина еще и поблагодарит меня за оказанную услугу. Ведь жизнь со старым Фиц Джоном была не как в эдемском саду. Поверьте, я знаю тело моей сладкой Кристины и знаю, что синяки на нем не сходили ни во время постов, ни на празднества. А теперь, как вдова шерифа и мать их сына, она станет во главе обширных земельных владений. Быть молодой свободной вдовой, жить без побоев и грубости – это ли не мечта?

– И все же мне будет спокойнее, если у тебя появится поручитель, способный подтвердить, что ты не выходил этой ночью и не приближался к Форгейту, – заметила настоятельница, и Гай поддержал сестру.

Артур призадумался.

– Брат Метью и малыш Рис сейчас спят на сеновале в доме перчаточника Уилфреда. Вы же знаете, матушка, что Уилфред покровительствует нам, и он с готовностью предоставил нашей троице ночлег на сеновале из расчета, что через неделю мы будем веселить гостей на свадебном пиру его сына.

Артур упомянул своих друзей, но Бенедикта посоветовала молодому человеку немедленно отправляться к ним: тогда наутро и мастер Уилфред сможет подтвердить, что вся троица ночевала у него на сеновале. И чем скорее юноша окажется на месте, тем лучше. Когда Артур уже стал выбирать в окошко, настоятельница только и успела его упредить, чтобы был осторожен. Дождь стихает, но на улице по-прежнему темно, и важно, чтобы его не заметила ни единая живая душа.

Когда ловкий и гибкий юноша растворился во мраке, она повернулась к брату и заметила, что тот задумчиво улыбается.

– Весь в меня, право, – ответил Гай на вопросительный взгляд сестры. – Везде у него есть приятели, что поддержат его и даже поклянутся на Библии, если понадобится.

– Весь в тебя? – изогнула темные брови аббатиса. – Ты не оговорился, Гай? Ведь ты всегда уверял, что в Артуре нет ни капли твоей крови.

– О, не начинай сызнова эту песню, сестра. Мне нравится твой бойкий воспитанник, но я уже не единожды говорил, что он не может быть мне сыном.

– Да, говорил, – сокрушенно вздохнула аббатиса.

На лице Гая отразилось привычное раздражение, какое обычно возникало, когда она понимала его подобными разговорами.

– Милая, – сдержанно сказал он, – когда под двери приюта для подкидышей принесли этого мальчишку, я блуждал невесть где. Да и до этого я был возлюбленным только одной дамы, которая никак не могла родить от меня. Она слишком на виду, чтобы подобное осталось незамеченным. Так что... Даже если ты скажешь, что Артура принесли эльфы, это покажется более вероятным, чем все твои намеки о нашем родстве.

Оба немного помолчали, а потом заговорили уже о другом. Было очевидно, что какое-то время Гаю придется укрываться в обители, пока не уляжется шумиха, вызванная побегом. Вряд ли сейчас, даже несмотря на ночной мрак, ему удастся выбраться из Шрусбери, – в округе все залито водой, всюду разъезжают люди шерифа, да и жители спуют на лодках, стараясь прибрать добро, еще не смытое наводнением. Поэтому Гаю следует затаиться. Ста-

рушка сестра Осбурга, служившая еще роду де Шампер и теперь оставшаяся при Бенедикте, не выдаст Гая, а больше никто не имеет доступа в покои аббатисы.

– А у тебя тут даже уютно, – Гай обвел взглядом опочивальню настоятельницы.

Да, по своей роскоши этот покой напоминал обиталище скорее светской дамы, чем святых сестер: здесь имелось обрамленное витыми колоннами окно, богатый камин с вытяжкой, покрытые ковриками из светлой овчины половицы. О том, что это жилище духовной особы, свидетельствовал только эбеновый аналой и распятие сбоку от ложа. Само ложе выглядело поистине великолепно: установленное на возвышении, оно было столь широким, что могло вместить и четверых, а чтобы уберечь настоятельницу от сквозняков, со всех сторон кровать была задрапирована занавесями, на которых умелыми руками сестер обители были вытканы сцены на библейские сюжеты.

Гай бесцеремонно поднялся по ступеням ложа и, примяв высокие перины, покачал головой.

– Да, что ни говори, ты всегда умела хорошо обустраиваться в жизни, сестра.

– В отличие от тебя, – сухо ответила она. – Но я надеюсь, что присущее тебе умение влезать в неприятности не коснется меня. Если, конечно, ты испытываешь ко мне благодарность и будешь вести себя тихо.

По усталому лицу Гая промелькнула горькая усмешка.

– Ну уж опыт, как тихо сидеть в узилище, у меня имеется. Да и не так плохо провести немного времени в обществе единственного родного мне человека.

Его последние слова вызвали в груди настоятельницы прилив нежности, и она тепло посмотрела на брата, который опустился в край ее высокого ложа и устало вздохнул, отводя пряди волос с глаз. Он выглядел измученным, затравленным, но не утратившим силу – как уставший после охоты хищник. Да он и был хищником, всю жизнь проводившим в скитаниях и невзгодах. Однако несмотря на все, в свои года Гай по-прежнему оставался привлекательным мужчиной: сильный, сухопарый, с породистым смуглым лицом, правильными чертами, какие не портила даже покрывавшая щеки после заточения темная щетина. Чувственный рот обвивала полоска длинных усов, а темные глаза под красивыми ресницами сводили с ума немало женщин. Скольких он любил в своей беспокойной жизни? Так уж вышло, что вся красота их рода досталась именно брату, а не сестре. Или... Артуру? Уж слишком они были похожи. Но раз Гай так уверен, что они с мальчиком чужие...

– Я давно хотела тебе кое-что показать, – произнесла Бенедикта, подходя к небольшому ларчику и поднимая крышку. – Взгляни, это было с Артуром, когда его нашли у дверей приюта.

В слабом отсвете жаровни на крошечном крестике ярко блеснули алмазные искры. Какое-то время Гай рассматривал его, а потом вернул сестре.

– Искусная работа. Говоришь, это было на Артуре? Выходит, нашего шалопая произвела на свет знатная дама, ибо вещичка очень дорогая. Как получилось, что она у тебя?

– Досталась от прежней настоятельницы монастыря, – со вздохом произнесла Бенедикта, пряча украшение обратно в ларец. Она ожидала от Гая совсем иной реакции. Что ж, значит, ее подозрения и впрямь беспочвенны. – В Шрусбери принято, что кормилиц для подкидышей подыскивают сестры из нашей обители. Вот тогдашняя аббатиса и не удержалась, чтобы не прибрать к рукам столь изящное украшение. Перед смертью она вручила его мне, сообщив, что это крестик Артура, негодного шалопая, с которым столько бились монахи в аббатстве Святых Петра и Павла, – добавила она с нежной улыбкой.

Гай заметил выражение ее лица.

– Риган, – обратился он к сестре, назвав ее прежним мирским именем. – Господь не дал тебе своих детей, а к Артуру ты привязалась просто из-за того, что он похож на нашего отца. Но мало ли бастардов наплодили де Шамперы в округе? Успокойся. Я сам привязан к

парню, но даже если в нас и есть общая кровь, – тут он устало зевнул, – то родство может быть самым отдаленным.

Настоятельница видела, что Гая сгибает усталость, настигающая человека после напряжения всех сил. И хотя не все еще беды и тревоги остались позади, самое время было лечь передохнуть. И они заснули вдвоем на ее широкой мягкой постели – как в те давние годы, когда были детьми.

На рассвете покой обители Святой Марии потревожил один из сержантов Форгейтского замка, Джоселин де Сей. Явившись к аббатисе, он внимательно вглядывался в ее немного опухшее со сна лицо.

– Этой ночью из крепости сбежал опасный преступник, Черный Волк. Что вы можете сказать об этом?

– Значит, мне надо быть осторожной. – Она только осенила себя крестным знамением. – Я говорила, что отрекаюсь от брата, и он может мне это припомнить. Не считаете ли вы, сержант, что следует увеличить охрану нашей обители? Я опасаясь какого-нибудь подлого поступка со стороны Черного Волка.

Но Джоселин де Сей в ответ только поглубже натянул на глаза свою каску и что-то пробурчал о том, что сейчас у него мало людей. Да и шериф Пайн Фиц Джон куда-то запропастился, и все тяготы по поимке разбойника ложатся на его сержанта.

Однако он еще пару раз навещался к аббатисе и расспрашивал. Но ее поведение не вызвало у него подозрений, а вот требование увеличить охрану обители в конце концов заставило прекратить визиты: слишком много сил и времени отнимали поиски и сбежавшего преступника, и невесть куда пропавшего шерифа. Одновременное исчезновение этих двоих порождало недобрые подозрения, поэтому были разосланы вооруженные патрули, чтобы перекрыть все дороги на Уэльс, да и в самом городе методично обшаривали каждый дом. Через неделю паводки вокруг города спали. Отправившись по делам в аббатство Святых Петра и Павла, мать Бенедикта заметила в толпе перед собором Артура. Парень держался как ни в чем не бывало, даже подходил выказать соболезнования вдове шерифа. Ибо теперь, когда схлынули воды Северна, тело Пайна Фиц Джона выловили у одного из быков моста и леди Кристина уже считалась вдовой – причем вдовой богатой. Мать Бенедикта наблюдала со стороны, как леди Кристина держится с Артуром, но не заметила ничего подозрительного: та отвечала на соболезнования, не поднимая глаз, куталась в траурное покрывало, даже вроде как похудела от переживаний.

В самом же Шрусбери все больше людей склонялись к мысли, что это верные Черному Волку валлийцы пробрались в город, пользуясь сумятицей и связанными с паводком хлопотами, освободили Гая из Форгейтского замка и отбыли с ним в свои края. Ведь всем известно, что принц Поуиса²⁶ Мадог ап Мередид считал его своим другом, а такой упорный и решительный валлиец не оставит приятеля в беде.

Все эти новости мать Бенедикта сообщила брату, который по-прежнему отсиживался в ее покоях. Ее это даже забавляло: надо же, вся округа бурлит, по дорогам вплоть до валлийской границы разъезжают стражники в надежде выйти на след беглеца, а он вон, сидит себе у ее пюпитра и даже помог ей подправить кое-какие счета.

Гай слушал сестру с легкой улыбкой. Какая же она у него все-таки храбрая и хитрая, эта святоша, правящая в своей обители, как иная королева. Но он не имел привычки кого бы то ни было хвалить, поэтому только указал ей на один из свернутых свитков.

– Взгляни, что я тут у тебя обнаружил. Это письмо от Эдгара из Гронвуда. Твой деверь спрашивает разрешения прислать к тебе малышку Милдрэд.

²⁶ Приграничная к Англии валлийская земля, которой правили в разное время несколько династий. В данный период власть в Поуисе представлял валлийский принц Мадог ап Мередид (?–1160).

– Она уже давно не малышка – ей лет семнадцать, не менее. И не в монастырь ее надо посылать, а замуж отдать поскорее.

– Эдгар знает, что делает, – усмехнулся Гай, припомнив своего друга сакса, с каким некогда свела его судьба. – Ты уже ответила ему?

Вот что его волновало, когда весь Шрусбери и все Шропширское графство с ног сбиваются, чтобы разыскать беглеца.

Аббатиса сердито вырвала у него письмо.

– Еще не ответила. И это преступное легкомыслие с моей стороны, раз я забыла отписать доброму родичу из-за волнений, связанных с тобой.

Она отточила перо и уже подвинула чернильницу, как вдруг сказала, не глядя на брата:

– Мне непросто и далее скрывать тебя в обители, где двадцать семь монахинь, больше дюжины послушниц, пятнадцать воспитанниц, да еще служки, приходской священник и сторож. Так что готовься, Гай. Вода в Северне спадет, все успокоится через пару дней, а я пока отправлю Артура в Поуис, чтобы валлийцы подготовились тебя принять.

– Да, пора уже, – оживился Гай. – У меня есть кое-какие дела.

В его голосе Бенедикте слышались некие странные интонации, но брат поспешил ее успокоить:

– Не волнуйся, сестренка. Мадог ап Мередид обещался отдать за меня свою дочь Гвенглиан, и мне надо поспешить, пока эта валлийская красotka не засмотрелась на Артура, мое более молодое подобие. Ибо сколь бы хорошо я ни относился к нашему шалопаю, как бы ни был ему признателен за все, но делиться с ним невестой не намерен.

А Бенедикта только и подумала, что, возможно, ее брат хоть теперь обретет семью, а родство с принцем Мадогом поможет остепениться. Ей хотелось в это верить.

Глава 4

Восточная Англия, апрель

Во дворе Гронвудского замка шла подготовка к отъезду. Раздавалось ржание уже оседланных коней, возницы проверяли упряжь на телегах, поправляли поклажу. Барон Эдгар в длинном дорожном плаще и опушенной мехом шапочке стоял подле своего сильного темно-рыжего жеребца, давая последние указания сенешалю Пенде. Было решено, что с отъездом барона леди Гита тоже отбудет и какое-то время проведет в женской обители Святой Хильды. Пенда же, в отсутствие хозяев, приступит к ежегодному наведению порядка в таком большом сооружении, как Гронвуд-Кастл. Это было непростое и не самое приятное дело. Перво-наперво полагалось расчистить окружавшие крепость рвы, что было грязной и тяжелой работой. Не более приятной считался и уход за уборными и отводящими от них шахтами в толще стен. В Гронвуде имела еще одна забота: немного в стороне от замка по течению речки Уисси был вырыт канал, который обеспечивал водой мельничную запруду, и оттуда же по подземному руслу вода бежала к хозяйственным службам двора – пивоварне, красильне, кухне, а также небольшому, расположенному перед входом в донжон фонтанчику. Однако с течением времени система забивалась грязью и разным сором, приходилось все чистить, убирать скопившийся мусор и нанесенный ил. Пенда неплохо знал, как привести в порядок водоснабжение, поэтому выслушивал наставления хозяина только из почтения.

Леди Гита намеревалась уехать через пару дней, а Милдрэд отправлялась с отцом уже сегодня. Впервые она покидала дом столь надолго, и девушка бегала по замку, в который раз прощаясь со всеми, обнималась, выслушивала пожелания доброго пути. Всеобщие изъявления любви Милдрэд принимала с привычным милым кокетством. Не будь она от природы наделена столь добрым нравом, то стала бы невероятно избалованной. Но в ее сердечке хватало любви на всех и вся, вплоть до последней кухарки – и души людей раскрывались ей навстречу.

Юная леди уже облачилась в дорожную одежду, очень дорогую и модную: в нижнюю тунику кремового цвета, с вышитыми на рукавах замысловатыми саксонскими узорами, а поверх нее красовалось так называемое сюрко: новомодного кроя одеяние без рукавов, с широкими проймами от плеча до бедра, опушенными светлым мехом рыси. От бедра сюрко имело разрезы, чтобы удобнее сидеть верхом и можно было откидывать длинный шлейф на круп лошади. Голову Милдрэд покрывала украшенная жемчугом сетка в виде шапочки, завязанной под подбородком, а сзади волосы свободно ниспадали по спине струящейся пышной массой.

Когда мать подозвала девушку и стала поправлять выбившийся на виске локон, Милдрэд едва не притопывала на месте от нетерпения.

– Тебе так хочется поскорее оставить меня, девочка? – с грустной улыбкой сказала леди Гита.

Милдрэд замерла, устремив на нее смущенный взгляд ярких голубых глаз.

– О мама...

И порывисто обняла баронессу. Та прикрыла глаза. Ее девочка так добра, так распахнута навстречу всему хорошему и светлому, будто цветок. Они с мужем сделали все, чтобы жизнь для Милдрэд была прекрасной и легкой, и вот теперь ей надлежит полагаться только на себя.

Баронесса благословила и отпустила дочь, и та, даже проезжая под аркой ворот, все оглядывалась и махала матери рукой. Однако едва они оказались на дороге, едва в лицо ударил весенний ветер, а хорошо выезженная вороная кобыла пошла, повинаясь ее маленькой

твердой руке, и Милдрэд уже смотрела на все сияющими глазами, веселая и радостная, как птичка. Выросшая в семье, одним из занятий которой было разведение и продажа коней, девушка стала хорошей наездницей, лошадьё правила мастерски, одними коленями, опустив украшенные кистями поводья на холку.

Они ехали довольно быстро, но наконец барон сдержал ход кавалькады, давая лошадям отдохнуть и позволяя подтянуться отставшему позади обозу. По пути им предстояло сделать остановку в аббатстве Бери-Сент-Эдмундс. Некогда Эдгар Гронвудский враждовал с этим аббатством, но в последнее время, при тихом и разумном настоятеле Сильвестре, отношения наладились.

Об этом и рассказывал по пути дочери барон.

– Все меняется под небом по воле Господа. Некогда я был врагом Бери-Сент-Эдмундса, теперь меня там принимают как дорогого гостя. Я говорю это к тому, что после аббатства нам предстоит заехать к графу Норфолкскому, в его замок Фрамлингем.

– Но ведь это же ваш враг! – воскликнула девушка. – Мать даже слышать не может упоминаний о нем.

– Я ведь сказал – все меняется в этом мире, дитя мое. И если я не испытываю приязни к норфолкскому графу Гуго, это не означает, что мы не можем сосуществовать с ним, как соседи. К тому же во Фрамлингеме соберется немало вельмож и церковников, к которым у меня имеются дела.

Милдрэд какое-то время обдумывала услышанное, а потом просияла.

– Когда собирается немало знати, непременно бывает весело и шумно. Выходит, мне будет перед кем щеголять в новом наряде из алого бархата.

Барон расхохотался. Ох уж эти юные барышни! Им бы только покрасоваться своей грацией и богатыми нарядами. Но потом он заговорил с дочерью куда серьезнее:

– Пойми, Милдрэд, встреча во Фрамлингеме станет не просто пиром, где ты узнаешь свежие новости и пленишь всех своей красотой. Там будут вестись серьезные переговоры. Все дело в ссоре архиепископа Теобальда Кентерберийского с королем Стефаном. Его преосвященство Теобальд вызвал сильнейший гнев короля, когда вопреки его запрету отправился в Реймс на собор высшего духовенства, где присутствовал и сам Папа Евгений.

– По-моему, наш король очень хорошо умеет ссориться с Церковью, – заметила Милдрэд, намекая на наложенный Папой на Стефана интердикт.

– Наш король вообще умеет наживать врагов, – согласился барон. – Но он также и предан друзьям, к коим я имею честь себя причислять. Поэтому во Фрамлингеме я буду представлять его особу и должен от его имени договориться с преподобным Теобальдом.

Милдрэд восхищенно взглянула на отца. Он будет представлять особу самого монарха! И тут же остудила свой пыл: в нынешнее время, когда сильны сторонники императрицы Матильды, это могло быть очень опасно. Однако отец успокоил ее, сообщив, что хитрый Бигод объявил свой замок нейтральной территорией и все съехавшие туда будут заняты улаживанием споров между королем и его главным церковнослужителем.

Барон перечислял приглашенных: во Фрамлингеме будет главный военачальник Стефана Вильям Ипрский, епископы Херефордский и Руанский, представители от тамплиеров, которым следует обеспечивать мир во время переговоров. Назвал он также другие имена, вызвавшие на лице девушки улыбку, ибо среди упомянутых были и два молодых лорда, которые недавно гостили в Гронвуде в надежде добиться ее руки. Барон ни одному не дал четкого ответа, но Милдрэд знала, что произвела на обоих впечатление, и радовалась: ей будет кого пленять, пока важные персоны совещаются. И уж она сумеет вновь покорить сердце Хью де Бомона, который к тому же претендует на титул графа Бедфорда, и перевернуть душу молодого Гилберта де Ганта. Правда, насчет последнего отец несколько остудил ее пыл.

– Не рассчитывай на него – не так давно он обвенчался с Хависой де Румар, чтобы получить с ее рукой титул графа Линкольна.

– Как? – удивленно ахнула Милдрэд. – Ведь еще на это Рождество Гилберт де Гант сидел у моих ног, пел любовные песни и добивался моей руки. Ах, изменник! Ну я ему еще устрою!

Барон Эдгар усмехнулся, заметив, что Милдрэд не выглядит раздосадованной, скорее удивленной.

Но вскоре она забыла о неверном поклоннике: они подъезжали к аббатству Бери-Сент-Эдмундс. Прибыв на место, девушка тут же с верной Бертой отправилась гулять по прилегающему к аббатству городу, разглядывая паломников и совершая мелкие покупки, а вечером посетила гробницу короля-мученика Эдмунда²⁷, не забыв помолиться над прахом предков в семейной усыпальнице Армстронгов.

Когда уже в сумерках она вышла из собора, то увидела стоявшего поодаль отца. Барон вертел в руках какой-то свиток и казался несколько хмурым. На вопрос дочери он ответил, что у них возникла проблема.

– Это послание от королевы Мод, – Эдгар показал дочери свисающую на шнуре со свитка красную восковую печать супруги Стефана. – Ее величество сообщает, что Стефан решил послать на переговоры во Фрамлингем своего сына Юстаса.

– Прокаженного! – ахнула Милдрэд.

Барон искоса глянул на дочь и велел идти за собой в сторону аббатских строений, где они устроились на постой.

– Ты не должна слушать все эти домыслы о болезни наследника престола, – заметил он, когда они остановились у крыльца высокого странноприимного дома. – Слухи, что Юстас прокаженный, распространяют враги короля. На самом деле он просто болен какой-то кожной болезнью, причем с детства. Да, красавцем его не назовешь, однако болезнь эта не заразна. Порой наступает облегчение, но потом, особенно весной и осенью, его кожа опять покрывается рубцами и нарывами. Его высочество лечили самые разные лекаря, но лишь в ордене тамплиеров ему смогли оказать некоторую помощь. Это было как раз тогда, когда королеве Мод удалось сосватать за Юстаса сестру французского короля, Констанцию, брак с которой должен был упрочить связи Блуаского дома и Капетингов²⁸. Однако, увы, этот союз оказался неудачен. Констанция была на несколько лет старше юного Юстаса и откровенно им брезговала, даже сама распускала слухи, будто принц прокаженный, и просила августейшего брата, чтобы на основании этого Людовик добился для нее развода. Глупейшее поведение – но Констанция вообще неумна. Особенно это стало ясно, когда она, во время мятежа Мандевиля, оказалась его пленницей. Правда, слово «пленница» тут верно лишь отчасти. Ибо эта пара всюду разъезжала, едва ли не держась за руки, в пору своего пребывания в Лондоне они закатывали вызывающие по своей роскоши пиры, вместе плавали на украшенной цветами барке по Темзе и... Короче, ни для кого не составляло тайны, какие отношения их связывали.

– Какое бесстыдство! – возмутилась Милдрэд, и ее отец согласно кивнул.

– Увы, Юстас был непоправимо опозорен. Поэтому, когда Констанцию удалось отбить у мятежного графа, король велел заточить ее в Оксфордской башне, где она пребывает и поныне, замаливая свои грехи. Но после случившегося король Людовик более не настаивает на разрыве этого брака, так как репутация Констанции сильно подмочена.

²⁷ По преданию, король Восточной Англии Эдмунд (IX в.) организовал отпор нападавшим на королевство викингам. Позже он был пленен своими врагами-язычниками, его заставляли отречься от христианской веры, но он отказался и был зверски убит.

²⁸ Король Стефан происходил из дома Блуа, а Людовик Французский был правителем из царствовавшего тогда рода Капетингов.

Какое-то время они молчали. Недалеко от них, посреди вымощенного дворика, негромко журчал фонтан, от строений аббатства доносился слаженный хор мужских голосов, певший литанию.

– А почему прибытие Юстаса во Фрамлингем смутило вас, отец?

Барон задумчиво огладил свою небольшую аккуратную бородку.

– Дело в том, что принц не в ладах с архиепископом Теобальдом – тот ведь был одним из противников провозглашения принца Юстаса соправителем отца и его коронации еще при жизни Стефана. Это могло бы разрешить многие вопросы – по крайней мере, у рода Блуа на троне появился бы законный наследник, вопреки всем проискам Матильды Анжуйской и ее сыновей. Однако одной из причин ссоры нашего короля с верховным примасом²⁹ Англии как раз и является то, что Теобальд поддержал Папу, когда тот запретил коронацию принца.

– Но разве нельзя развеять все эти слухи о проказе? – удивилась Милдрэд.

– Можно. Но дело не только в этом. Возможно, дело еще в том, что Папа Евгений покровительствует притязаниям Матильды на трон Англии, а возможно, все дело в характере самого наследника Юстаса.

Эдгар сделал паузу, проследил за вереницей идущих попарно от церкви монахов, а потом продолжил:

– У нашего короля Стефана два сына – Юстас и Вильгельм. В отличие от обезображенного Юстаса, Вильгельм дивно хорош собой, добросердечен и любезен. Но он... как бы это помягче выразиться... не отличается особым умом. Сдается, что все положительные качества Стефана и Мод – их благородство, решительность, умение оценить политическую ситуацию – достались именно Юстасу. Но то ли из-за внешности принца, то ли в силу каких-то иных причин, он не очень приятный человек – вспыльчивый, резкий, непримиримый. Он бесспорно храбрый рыцарь, талантливый военачальник и неплохой политик, но он не слишком добр.

– Станешь тут добрым, когда почитай вся Англия и даже сам наместник Бога на земле считают тебя большим проказой и отказывают в законном праве на наследство! – всплеснула руками девушка. А через миг уже тише добавила: – Мне даже жалко его. Бедный Юстас...

Барон внимательно поглядел на дочь.

– Боюсь, что вскоре жалеть придется твоего отца, когда он окажется между озлобленным принцем и примасом Англии, как между двух огней. И все же нам надо как-то уладить данный вопрос – об этом и просила меня королева Мод. Я надеюсь, что, отправляя Юстаса во Фрамлингем, она предписала ему проявлять сдержанность и добиться заключения хоть какого-то договора. Пока же торжествует именно Гуго Бигод – ибо пока архиепископ Кентерберийский его гость, замок Фрамлингем остается центром управления английской Церкви, что создает угрозу власти короля Стефана. А уж Гуго Бигод не упустит случая извлечь из своего положения наибольшие выгоды.

²⁹ Примас – верховный церковник в стране, обладающий высшей духовной властью.

Глава 5

Милдрэд рассматривала замок Фрамлингем – выстроенный из темно-серого камня, высившийся над округой множеством квадратных башен, имевший немало рвов и деревянных палисадов, он производил грозное впечатление. Недаром изгнанный королем архиепископ Кентерберийский Теобальд за этими стенами мог чувствовать себя в безопасности. А вот Милдрэд стало не по себе, когда они въезжали в арку замка со всеми его нависавшими железными решетками, мощными воротами и выстроившейся многочисленной стражей, – ведь это был замок давнего соперника. Девушка взволнованно посмотрела на отца, но барон только улыбнулся.

– Я бы не привез тебя сюда, если бы нам что-то грозило.

В самом деле, ожидавший на широкой лестнице граф Норфолкский Гуго Бигод смотрел на них с улыбкой и даже сошел с возвышения навстречу.

– Приветствую вас, во имя Божье! – громко произнес он и вдруг расхохотался. – Провалиться мне на этом месте, если я когда-то мог предположить, что Эдгар Гронвудский станет почитаемым гостем в моих владениях.

Эдгар тоже рассмеялся. Глядя на них обоих, заулыбалась и Милдрэд. Оказывается, Гуго Бигод не так и ужасен, да и выглядит молодцевато, одетый в модный кафтан с широкими рукавами, с вышитой на гербе эмблемой Бигодов – красный крест на желтом фоне. Если бы не лысина от темени до затылка, так что только за ушами виднелись тонкие седые волосы, он бы выглядел весьма привлекательно. Впрочем, лысина не помешала Гуго недавно жениться третий раз, и, как говорят, его жена уже носит ребенка.

Между тем хозяин замка перевел взгляд на девушку.

– А это и есть прославленная гронвудская красавица? Воистину людская молва не лжет, называя ее прекраснейшей девой в Денло!

И он, как истинный рыцарь, помог ей сойти с лошади. Милдрэд присела в изящном поклоне, а когда выпрямилась, то взглянула на графа Норфолка с невольным кокетством, какое не смогла побороть, когда на нее так смотрел мужчина.

Гуго Бигод и впрямь был поражен. Эта девушка с чуть раскосыми большими глазами лазурного цвета, с нежным личиком и пышными светлыми волосами была само очарование. Она казалась такой юной, но уже была вполне сформировавшейся, с великолепной фигурой, чего Бигод не смог не оценить.

– Вам повезло с дочерью, барон, – сказал он, не скрывая своего восхищения.

Эдгар подавил улыбку. Ну что ж, теперь Бигод будет относиться к прибывшим саксам с не меньшим почтением, чем к высокородным норманнам, ибо Милдрэд умела располагать к себе людей. Мужчин уж точно, поправился он про себя, заметив, как подле графа сразу же с видом собственницы возникла его молодая жена, леди Гундрада.

Гуго в свою очередь поспешил представить гостям супругу и детей – у него уже имелись три взрослые дочери и сын. Милдрэд обменялась поклонами с каждой из барышень, отметив, что хотя девушки внешне похожи на отца, ни одна не переняла его обаяния – этикие худые длинноногие цапли с длинными носами и белесыми ресницами. А вот сын Роджер пошел явно в его первую супругу – коренастый, веснушчатый, достаточно рослый для своих одиннадцати лет.

На какое-то время Бигод и гости задержались на галерее дворца. Эдгар похвалил навесные щиты на бойницах Фрамлингема, и граф стал пояснять, что все башни укреплений не имеют стен со стороны двора, но защищены специальными деревянными навесами, которые откидываются и позволят лучникам обстреливать врагов, если те ворвутся в замок. Но о

фортификации мужчины могли говорить бесконечно, и леди Гундрада предпочла проводить гостью в отведенные им с отцом покои.

Укрепления Фрамлингема были выполнены из камня, но внутренние постройки – из дерева, однако со всеми удобствами. Шиферные скаты крыш то тут, то там прорезали дымовые трубы, указывая на достаточное количество каминов, что все больше входили в употребление вместо прежних открытых очагов. Графиня Гундрада вела гостью вдоль галереи большого, выстроенного в форме буквы «Е» дома, в сторону крыла, где им приготовили покои. Она сообщила, что велит слугам принести туда горячей воды, а также большую лохань, чтобы гости смогли обмыться и привести себя в порядок перед намеченным на вечер сбором знати.

Лохань и впрямь скоро притащили, даже выстлали ее сукном, дабы при мытье не касаться шероховатой поверхности. Тем временем слуги барона распаковывали и расставляли привезенную с собой в обозе мебель. Ибо если гостям и обеспечивали кров, тепло и пищу, то те, кто любит удобства, предусмотрительно брали необходимые предметы обстановки с собой. Пока Милдрэд нежилась в лохани с горячей водой, слуги весело гомонили, собирая походные лежа и кресла господ, выставили маленький столик, покрыли скамьи привезенными с собой дорсарами³⁰, а еще разделили помещение широким занавесом, как бы создав для барона и его дочери отдельные покои.

После купания, пока служанки расчесывали длинные волосы девушки, бадью перетащили на половину барона, добавив в нее горячей воды. Отец и дочь переговаривались через занавеску. По словам Эдгара, он уже имел честь пообщаться с опальным архиепископом и сделал вывод, что преподобному Теобальду не слишком уютно живет под покровительством плетущего интриги норфолкского графа. Другое дело, что Бигод пока единственный, кто готов защищать прелата даже от короля.

– А вы сообщили им о предстоящем прибытии во Фрамлингем принца Юстаса? – спросила из-за занавески девушка. – И как тут восприняли подобное известие?

– Спокойно. Ведь тамплиеры следят за порядком. Что до приезда Юстаса, то, надеюсь, мы сможем уладить основные противоречия до его появления. Кстати, дитя, я встретил на галерее молодого Гилберта де Ганта, и он просил кланяться тебе.

Из-за занавески долетели смешки Милдрэд и ее прислужниц.

– О, Берта с Этой уже заметили, что Гилберт вертится под нашим окном. Забавно!

Позже, когда Эдгар оделся в бархатный винно-красный камзол до щиколоток и его опоясывали поясом из чеканных пластин, его дочь испросила разрешения войти. Барон оглянулся, хотел что-то сказать, но так и застыл.

– Милдрэд!.. Гм. Так это и есть то алое платье, которое ваша матушка находила нескромным?

– Да, – улыбаясь, девушка изящно преклонила колена. – Платье из того великолепного огненного бархата, который вы подарили мне по поводу окончания траура!

Барон покачал головой. Действительно, на это Рождество он подарил Милдрэд отрез ярко-алого тонкого бархата. Сам его цвет казался вызывающим. Но фасон...

Это было самое нескромное узкое блио³¹, какое ему когда-либо приходилось видеть. Оно было очень длинное, до самого пола, отороченное богатой каймой из золотого переливающегося атласа. Таким же золотисто-мерцающим атласом были подбиты и навесные рукава, причем спереди они были длиной лишь немногим ниже сгиба руки, а сзади ниспадали едва ли не до земли. Все это выглядело невероятно роскошно, Милдрэд в этом одеянии казалась

³⁰ Дорсары – куски декоративной ткани, которыми было принято покрывать деревянную мебель.

³¹ Блио – верхнее узкое платье со шнуровкой, расходящееся пышной юбкой ниже пояса и с ниспадающими длинными рукавами, модное в XII веке.

ало-золотой вспышкой огня, но помимо прочего ее блио было столь смело пошито... Шнуровка стягивала его так туго, что для поддержки груди пришлось вставить клинья, но даже при этом алый бархат облегал ее так плотно, что обозначились соски. И если бы только это! Округлый вырез платья был столь откровенен, что открывал полушария груди и плечи, и казалось, что платье вот-вот сползет – такой широкой, расходящейся колоколом от бедра была его юбка и тянувшийся сзади на добрые два локтя шлейф.

– Своим нарядом ты вызовешь во Фрамлингеме целую бурю, – только и сказал барон, не смея осуждать дочь за эту дерзостную красоту.

Милдрэд же лишь рассмеялась и тряхнула своими длинными распущенными волосами, которые удерживал тонкий золотой обруч вокруг чела.

– А для чего же еще оно было пошито! И уж теперь Гилберт де Гант локти себе будет кусать, что предпочел мне какую-то Хавису, пусть и наследницу Линкольнского графства. А молодой Хью Бедфорд и наследник Эссекского графства станут ну просто есть из моих рук. Почему бы и нет? – упрямо вскинула она подбородок, заметив, как ее отец укоризненно покачал головой. – Может, однажды кто-то из них станет моим мужем, и я бы хотела, чтобы это оказался человек молодой, родовитый и безмерно влюбленный в меня!

Лорд Эдгар ничего не ответил. Он откинул свои чуть тронутые сединой, но все еще красиво вьющиеся каштановые волосы и водрузил на голову баронский обруч с чеканным узором и отполированными черными агатами. При этом вид у него стал таким внушительным, что когда он сделал легкое движение кистью, отсылая слуг, те попятились, благоговейно склоняясь. Милдрэд поняла, что отцу есть о чем поговорить, и опустилась в складное кресло.

– Дитя мое, ты всегда знала, что твой брак очень важное дело. Твое положение достаточно высоко, а богатое приданое позволит подняться еще выше. Ведь в своих владениях ты все одно что государыня, от которой многое зависит, но которая всегда должна будет подчиняться мужу. А это значит, что я не могу ошибиться с выбором супруга для тебя. Какое бы положение ты ни заняла в замужестве, ты останешься поданной короля, которому я присягал на верность. Поэтому ни молодой Джеффри МанDEVиль, который готов служить любому, ни Хью де Бомон, уже трижды терявший пожалованный ему королем город Бедфорд, – оба они недостойны руки моей дочери.

Он перевел дыхание. Милдрэд слушала серьезно, но теперь осмелилась спросить:

– А на кого бы вы, отец, посоветовали мне обратить внимание?

Глаза девушки, прозрачные, как кристаллы голубого льда, встретились с такими же голубыми глазами барона. Но если во взоре лорда Эдгара светились ум и опыт, то очи Милдрэд были чисты и невинны.

Барон слегка улыбнулся:

– Ну, возможно, первым из претендентов на сегодняшний день я бы назвал Эдмунда Этелинга. Он добродушен, но не глуп, покладист, но не робок, он хороший хозяин, и в его жилах течет королевская кровь, к тому же его рудники в западном Девоншире дают весьма неплохой доход

– О отец! – Милдрэд недовольно надула губки.

Эдгар развел руками: что ж, девушка решительно отвергла этого жениха.

– Тогда я сообщу тебе, о чем еще, кроме известия о приезде принца Юстаса, написала мне королева Мод. Это касается тебя.

– Меня?

– Да, дитя. Мы с тобой – верные приверженцы партии Блуаского дома. И твоей рукой можно распорядиться с пользой для нашего несчастного королевства. Королева предложила в качестве партии для тебя молодого и могущественного графа Херефорда, Роджера Фиц Миля. Причем сей лорд ныне является едва ли не главой партии, поддерживающей импера-

трицу Матильду. Вот королева и рассчитывает привлечь его на свою сторону путем брачного союза с тобой – дочерью одного из своих верных сторонников. И это было бы выгодно как для Англии, так и для тебя самой. Подумай об этом, девочка. В любой момент ты можешь возвыситься до положения графини и занять одно из самых высоких и славных мест в королевстве!

Милдрэд отнеслась к услышанному спокойно: подобные браки не были чем-то исключительным, девушка верила, что отец выберет для нее лучшего из предложенных женихов, и хотя она не знала лично графа Херефордского, его славное имя ей было известно.

Поразмыслив немного, девушка произнесла:

– Предложенный ее величеством жених родом с запада Англии, то есть оттуда, куда я ныне направляюсь. Думаю, пребывая в Шрусбери, я постараюсь узнать все о графе Херефордском, а не только то, что сообщила королева Мод. У нее свои интересы, однако мне предстоит жить не с титулом, а с человеком. И если я не выясню ничего предосудительного, этот брак будет честью для меня.

Барон тепло посмотрел на дочь. Разве не чудесно знать, что уважаешь своего ребенка? Любить его – это не диво, иное дело – понять, что он тебе нравится как человек, что ты вправе им гордиться! И так приятно сознавать, что можешь говорить с дочерью как с равной, что она поймет и воспримет услышанное должным образом.

Но тут их внимание отвлекли громкие звуки трубы, возвещавшие о сборе гостей в большом зале.

Барон поднялся и подал дочери руку.

– Идемте, миледи. Сейчас самое время произвести переполох вашим прекрасным, вызывающим нарядом!

Переполох Милдрэд и впрямь произвела – наступившая при ее появлении тишина служила тому подтверждением. Пожалуй, всякая девушка растерялась бы, оказавшись в центре подобного внимания, – но только не Милдрэд. Зная о своей красоте и будучи о себе высокого мнения, она любила бывать на виду, однако не желала никого шокировать. Поэтому девушка перво-наперво склонилась перед архиепископом Теобальдом и почтительно припала к его руке. Также учтиво она себя вела с епископами Херефорда и Руана. И только заручившись их благословением, могла себе позволить открыто щеголять своим смелым нарядом.

Гуго Бигод заметил барону:

– Ваша дочь столь смутила умы, что того и гляди мы вместо совета устроим тут светский пир с куртуазными речами и пышными комплиментами.

– Полагаю, именно это и входило в ее планы, – усмехнулся барон. – Это последний светский выход Милдрэд перед отправкой в святую обитель. Таково было желание моей дочери, и мы с супругой не стали ей перечить.

– Что? Эта юная соблазнительная дева мечтает одеться в рясу и укрыться от мужских глаз? Прискорбно. Ибо мне пришла мысль переговорить об обручении моего Роджера и вашей Милдрэд.

Это было неплохое предложение: соединить в браке наследников двух самых могущественных в Денло лордов. Но Эдгар знал, что его жена решительно выступит против союза с давнишним врагом, да и сама Милдрэд вряд ли обрадуется жениху, которому едва исполнилось одиннадцать.

Большой зал Фрамлингема был достаточно обширным, чтобы свободно разместить всех присутствующих. На возвышении в одном его конце были установлены «покоем» столы для прибывших на переговоры прелатов³² и вельмож, в другом расположились члены их свиты и охрана, а в центре зала, в простенке между двумя каминами установили отдельный

³² Прелаты – представители высшего духовенства, аббаты, епископы, архиепископы.

стол для дам. Их присутствие должно было придать этому сборищу воинов и священнослужителей легкость и светский лоск. По этой же причине на галерее вдоль зала разместились музыканты, а вереница слуг в желтых одеждах дома Бигодов стала вносить яства. В основном подавались всевозможные рыбные блюда: жареные миноги и форель, копченая лососина, угри со специями, отваренный в уксусе с пивом большой карп, маринованные в белом вине раки, крупные устрицы из залива Уош в густом молочном соусе с лимоном. Подавались и пироги с сухими фруктами, столь щедро сдобренные пряностями, что привкус старого хлеба почти не ощущался. А еще принесли сочные зимние груши и яблоки, гороховое пюре и сладкую от меда овсянку.

Милдрэд расхваливала яства, вызывая довольные улыбки на лицах жены и дочерей Бигода. Они тут же стали рассказывать, сколько усилий приложили, чтобы сделать пир и во время поста богатым и изобильным. И все же старшая дочь графа, Рогеза, единственная уже просватанная и поэтому державшаяся особенно важно, не смогла не съязвить: немудрено, что Милдрэд так восхищается, ведь всем ведомо, что саксы, несмотря на присущее им обжорство, обычно питаются грубой и плохо приготовленной пищей.

Графиня Гундрада сурово взглянула на падчерицу, но Милдрэд сделала вид, будто не заметила колкости. Более того, она подтвердила, что во многих саксонских бургах³³ пища готовится скверно и почти не отличается от крестьянской. Однако леди Рогезе надо приехать в Гронвуд-Кастл, чтобы оценить тамошнюю кухню. Ибо и король Стефан, и епископ Илийский, и даже суженый самой Рогезы, Жиль де Клар, сочли стол Гронвуда способным удовлетворить самый изысканный вкус. Причем все это Милдрэд говорила так приветливо и мило, что не только поставила надменную нормандку на место, перечислив именитых гостей своей семьи, но и пригласила ту к себе, пообещав принять Рогезу не менее тепло, чем приняли их с отцом во Фрамлингеме. А вот для леди Амиции, повернувшись Милдрэд ко второй дочери графа, будет небезынтересно посетить ярмарку в Гронвуде. Ибо всем известно, какая Амиция превосходная наездница, а уж конные торги в Гронвуде славятся на всю Англию.

Тем временем младшая дочь Бигода, тринадцатилетняя Клотильда, или просто Кло, как ее величали в узком кругу, сама стала лхнуть к очаровавшей ее гостье, даже, не удержавшись, коснулась блестящей золотистой подкладки рукава Милдрэд.

– Это и есть восточный шелк, да?

– Да, это атлас, – саксонка невозмутимо откинула край свисающего рукава. – Отцу его привозят тамплиеры. Правда, хорош? Думаю, теперь, когда наши родители помирились, мы сможем подарить вам штуку этого дивного материала.

Милдрэд была сама любезность, и женщины дома Бигодов пришли в восторг от знакомства с ней.

За верхним столом велись не столь невинные речи. Здесь собрались сторонники и противники короля Стефана, поэтому обстановка складывалась более напряженная, порой звучали резкие слова, а сам архиепископ Теобальд пока только наблюдал за происходившим, все взвешивая и еще не решив, к какой из партий примкнуть. Только призванные быть миротворцами тамплиеры держались особняком. Они сидели за боковым столом, молчаливые и строгие в своих идеально белых длинных одеяниях с алыми крестами, ели мало, и казалось, пребывали в каком-то раздумье. А вот прелаты почти с неприязнью слушали, как барон Эдгар уговаривал Теобальда первым написать королю, выразив тем смирение и готовность к разрешению конфликта.

– Не я начал эту ссору, – заявил архиепископ Теобальд, и его обычно кроткое лицо приняло замкнутое выражение. – К тому же, как духовное лицо, я должен перво-наперво слу-

³³ Бург – деревянные саксонские усадьбы.

жить его святейшеству Папе и потому не могу терпеть попирающие права Церкви запреты Стефана Блуаского.

Архиепископа поддержал Гуго Бигод:

– Разве король не должен пойти на поклон Церкви, если дело дошло до интердикта?

Чувствуя поддержку одного из самых могущественных графов Англии, Теобальд принял еще более суровый вид, а прелаты согласно закивали. Однако тут всех отвлек молодой Хью Бедфорд, к месту или не к месту спросивший, какие новости может сообщить архиепископ о крестовом походе. Эта тема всех интересовала, и вскоре гости только и говорили о том, что Людовик Французский возглавил поход, да еще и взял на борьбу с неверными свою супругу Элеонору Аквитанскую. Постепенно разговор перешел к слухам о размолвках между Людовиком и королевой, которая везла с собой в обозе целый штат молоденьких трубадуров и музыкантов, певших больше о небесной красоте супруги Людовика, нежели о святости своей миссии и о борьбе с сарацинами. Неудивительно, что поход вышел почти безрезультатный и принес крестоносцам больше неудач, нежели побед. Поговаривают даже, что в походе Людовик и Элеонора так сильно разругались, что кое-кто предрекает этой чете развод. И хотя подобное сулило Франции немало проблем³⁴, кто знает, до чего может дойти, когда речь идет о столь могущественной и решительной женщине, как Элеонора Аквитанская, и столь слабом человеке, как Людовик Французский.

Барона Эдгара устраивало, что присутствующие отвлеклись. Сидя подле архиепископа Теобальда, он негромко вернулся к прежней теме, выложив свой главный козырь: Стефан готов примириться с примасом, если тот замолвит за него слово перед Папой и Его Святейшество снимет интердикт.

– Но ведь Стефан потребует от меня и помазания на царство его сына Юстаса! – заметил Теобальд. – А понтифик никогда не допустит, чтобы подобный человек получил корону Англии.

«Интересно, был бы он настроен столь решительно, если бы принц оказался во Фрамлингеме, как и собирался?» – подумал Эдгар. Вслух же сказал иное:

– Сейчас, ради примирения с Церковью, Стефан не будет настаивать на коронации Юстаса.

– Он согласится снять требование? – встрепнулся архиепископ.

– Если вы примирите короля Англии с Папой, Стефан отложит столь желательное для него помазание сына. А вы сможете оставить покровительство не совсем бескорыстного Гуго Бигода и вернуться в свою епархию в Кентербери.

Архиепископ задумался, но Эдгар видел, что тот уже почти согласен. И когда Теобальд сказал, что будет ходатайствовать за короля, Эдгар мог поздравить себя с успешным исходом дела.

– Главное, чтобы этот ужасный Юстас не получил церковного благословения на власть! – вновь и вновь требовал Теобальд.

«Бедный Юстас, – подумал барон. – И бедный Стефан, раз сама Церковь столь решительно выступает против прав его наследника».

Со своего места во главе стола Гуго Бигод заметил, какими удовлетворенными выглядят архиепископ и барон, и окликнул их:

– Вижу, вы увлеклись беседой, господа? Не кажется ли вам, что хозяин замка имеет право знать, о чем идет речь?

³⁴ Королева Элеонора Аквитанская владела обширными землями на юге и западе Франции, кои вошли в состав Французского государства в результате ее брака с Людовиком. При разрыве их отношений эти земли могли быть утеряны для Франции – а эта почти половина ее территории.

Да, Гуго Бигод мог вмешаться и заново обработать архиепископа. К тому же он решил взять в союзники новоявленного графа Линкольнского Гилберта де Ганта, и они вместе надели на сразу поникшего Теобальда. И пока они не поколебали хрупкое решение его преосвященства, Эдгар решил отвлечь хотя бы молодого Гилберта. Как? Барон подумал о Милдрэд. Пусть Гилберт де Гант недавно женился, но он по-прежнему с тоской поглядывает на гронвудскую леди. И Эдгар незаметно отправил к дочери пажа с сообщением.

Когда посланец негромко сообщил девушке о просьбе отца, та оживилась. Ей уже надоело обсуждать рисунки вышивок с женщинами графа, и она с удовольствием переключилась на тему, предложив позвать лорда Гилберта, дабы он устроил музыкой их слух. Разве милые дамы не знают, что Гилберт де Гант поет не хуже прославленных трубадуров с юга? Конечно, он женатый мужчина, но разве этот повод, чтобы забыть куртуазные манеры и не явиться на зов леди?

В итоге, пока Гуго еще рассуждал о непримиримости к Церкви короля, а преданный Стефану Вильям Ипрский шумел, что не Гуго быть в споре третейским судьей, Гилберт неожиданно покинул стол совета и направился туда, где сидели дамы. Причем малышка Кло тут же побежала в верхние покои и принесла псалтерион³⁵.

На улыбающуюся ему Милдрэд Гилберт смотрел почти с обожанием и по ее просьбе спел для дам длинную балладу о несчастной любви, потом веселую песню в духе пастушеских пасторалей. К ним подошли иные молодые люди, и в итоге решительная Амиция предложила устроить танцы, раз уж есть и музыка, и столько свободных кавалеров. Графиня Гундрада сказала:

– Пусть музыканты сыграют нам что-нибудь почтенное, в духе поста. Церемонную паванну, например.

Гуго Бигод не сразу заметил, какое оживление возникло в зале. Только когда музыка стала мешать спорщикам, он оглянулся на дальний конец, нахмурил было свои светлые брови, но, поразмыслив, решил, что так даже к лучшему. По крайней мере, барон Эдгар перестанет шептаться с Теобальдом, а Вильям Ипрский прекратит ораторствовать о правомочности решений короля.

– Наши леди решили проблему переговоров лучше нас, – довольно дружелюбно заметил Бигод и, выйдя из-за стола, отправился туда, где среди света факелов и огромных каминов сходились и расходились в танце дамы и кавалеры.

Графиня Гундрада сразу поднялась и подала супругу руку. Она любила своего худого лысого мужа, и супруги улыбались, кружа в паре среди иных танцующих, пока граф не перешел к одной из придворных дам графини. Потом он танцевал, обводя вокруг себя малышку Кло – вот уж отрада отца, живая, резвая и на его любящий взгляд очень хорошенькая. А как красиво идет об руку с Бедфордом его средняя дочь Амиция! Даже одиннадцатилетний Роджер примкнул к парам в паванне и умело раскланялся с мачехой, а вот уже смущенно улыбается, делая оборот ладонь в ладонь с дочкой Эдгара. Эти саксы растят своих дочерей такими свободными и своенравными – вон как смело смотрит эта красотка, как дерзко вскинула свой хорошенький носик, когда перед ней изогнулся в положенном поклоне Гилберт де Гант. И такая уйдет в монастырь? Гуго сильно в этом сомневался.

После долгой медлительной паванны всем захотелось сплясать что-то более зажигательное. И вот уже громче грянули струны, зазвучала веселая гальярда. Гуго Бигод довольно изящно для его возраста сделал боковой прыжок, выгнув руку, приглашая Милдрэд стать с ним в пару.

По знаку кастеляна в камин добавили дров, слуги меняли факелы на стенах, в зале слышались смешки, а пажи обносили наблюдавших за танцами гостей напитками. Среди

³⁵ Псалтерион – многострунный музыкальный инструмент наподобие гуслей.

всеобщего шума и веселья не сразу заметили долетавшие извне звуки рога. А потом появился сенешаль с сообщением:

– К замку приближается большой отряд во главе с принцем Юстасом!

Гуго тут же поспешил к выходу.

– Большой отряд! – взволнованно воскликнула графиня Гундрада и так зашаталась, что Милдрэд поспешила усадить ее на скамью.

– Что вы хотели, миледи? Чтобы наследник английского престола прибыл без надлежащего эскорта?

Но не менее был напуган и архиепископ Теобальд.

– Святые угодники! – воскликнул он, осеняя себя крестным знамением. – Он все же приехал. Да смилостивится над нами Небо!

Эдгар был удивлен тем страхом, какой внушал Юстас. Он принялся успокаивать собравшихся, уверяя, что когда в замке столько вельмож со свитой, да еще и тамплиеры, волноваться нечего. Однако гости, сбившиеся в небольшие группы, все как по команде повернулись, когда сенешаль с важным видом ударил посохом об пол и объявил:

– Его высочество Юстас, принц Английский!

Все согнулись в поклонах.

Милдрэд тоже присела, изящно придерживая складки длинного подола бليу, потом вскинула голову и бросила любопытный взгляд на проход. Сначала она увидела возвращавшегося Гуго Бигода, а затем вошедшего следом коренастого воина в кольчужном капюшоне. Но это явно был не молодой принц – плотный вояка с грубым лицом наемника, на котором особенно выделялись пышные темные усы. И только когда он отошел, стал виден еще один приближающийся силуэт.

Милдрэд даже оторопь взяла – так призрачно выступала из сумрака эта фигура в темном капюшоне, накинута на лицо.

На миг застыв наверху лестницы, принц стал неспешно спускаться. Полы длинной коричневой накидки волочились за ним, как мантия, на груди поблескивала богатая цепь, но капюшон по-прежнему затенял лицо. Вот он поднял руку в приветственном жесте, но так ни на кого и не глянув, отправился к высокому столу. По пути Юстас сбросил на руку слуге плащ, потом шагнул к архиепископу Теобальду и, опустившись на одно колено, как почтительный сын Церкви облобызал его перстень. По залу пронесся невольный вздох облегчения.

Милдрэд с интересом наблюдала, как принц отвечает на поклоны вельмож, как проходит на отведенное ему во главе стола место и садится, по-прежнему не скидывая капюшона своего черного бархатного оплечья. Манеры его казались величавыми и грациозными, держался он уверенно, как человек, привыкший к поклонению, да и сложен был пропорционально: немного выше среднего роста, крепкий, широкоплечий. Пока девушка не нашла в облике Юстаса ничего отталкивающего, хотя его скрытое лицо по-прежнему интриговало. Но даже когда он откинул капюшон, ничего ужасного под ним не оказалось: разве что принц выглядел несколько старше своих двадцати четырех лет и имел довольно хмурое выражение лица, а еще русые аккуратно подрезанные волосы до плеч.

– Он не так и страшен, – заметила Милдрэд стоявшим рядом дамам.

– Это потому, что освещение падает на него сзади, – ответила Гундрада.

А одна из ее придворных дам добавила:

– Я видела Юстаса Блуаского несколько лет назад в Лондоне. Это было еще до того, как храмовники взялись лечить его. И видит Бог, это был просто кошмар! Не хотела бы я, чтобы в Англии был король с такой внешностью.

– Помолчите, почтенная, – резко прервала ее графиня. – Его высочество наш гость, и я не желаю, чтобы под моим кровом велись столь предосудительные речи.

Сидевший недалеко от Юстаса Эдгар мог рассмотреть принца куда лучше и тоже нашел, что лечение тамплиеров пошло на пользу наследному принцу. Но сейчас Эдгара заинтересовало другое: Юстас привез в своей свите некоего Геривея Бритто, давнишнего друга Гуго Бигода, с которым граф сейчас оживленно беседовал в стороне. Принц сделал верный ход – отвлек Бигода встречей со старым приятелем, чтобы без его вмешательства поговорить о перемирии с Церковью. Что ж, каков бы ни был Юстас внешне, в уме ему не откажешь.

Барон слыл другом королевской семьи, поэтому осмелился заговорить первым:

– Как я понял, Геривей Бритто ныне у вас в услужении?

Принц кивнул. Он сидел недалеко от Эдгара, а позади него горел факел, благодаря чему был хорошо виден его профиль с крупным носом красивой формы и крепким бритым подбородком. При таком освещении Юстас мог показаться даже довольно привлекательным. Но вот кто-то из собравшихся отошел, свет от подвешенной на цепях люстры упал на принца, и сразу стало видно, что кожа его вокруг рта и на щеках изъедена рубцами и мокнущими ранками. Не менее была повреждена шея вплоть до самых ушей и под подбородком – такие же мертвенные, блестящие белые пятна и сизо-багровые вздутые фурункулы. К тому же у принца была привычка то и дело вздергивать капюшон и втягивать голову в плечи, словно он машинально стремился скрыть свое уродство. В зале было хорошо натоплено; от жары принц то опускал складки капюшона, то снова подтягивал до ушей, и это придавало ему беспокойный вид, хотя лицо Юстаса оставалось невозмутимым и непроницаемым. А еще у королевского сына был странный взгляд: тяжелый и неподвижный, устремленный словно в никуда. В глазах его, очень светлого серого цвета, зрачок казался тонок, как головка булавки, будто у незрячего.

А между тем Юстас замечал все: и то, что Гуго Бигод не зря созвал на этот совет лордов из своих сторонников, заметил и нервозность священнослужителей, отметил и удовлетворенное, спокойное лицо барона Эдгара. И благодаря своей наблюдательности сам, еще до того как ему сообщили о результате переговоров, сделал вывод: тому удалось прийти с Теобальдом к какому-то соглашению. Однако узнав, что Теобальд готов пойти на уступки, принц прежде всего спросил:

– А как насчет моей коронации? Папа Евгений готов поддержать меня в этом вопросе?

У Юстаса был низкий глухой голос, а когда он повернул свое неподвижное лицо и его светлые глаза остановились на архиепископе, тот только и смог, что беззвучно открыть и закрыть рот. Тяжелый взгляд принца словно приковал его к месту.

Возникла напряженная пауза. Эдгар решил вмешаться:

– Вы должны понять, Юстас, что ради примирения короля с Церковью следует действовать постепенно. И если Папа снимет с короля Стефана интердикт, только тогда мы возобновим переговоры о вашем помазании.

Юстас молчал. Даже когда он повернулся к Эдгару и их взгляды встретились, никаких чувств не отразилось на лице принца. Однако барон остался спокоен. «Пусть Юстас упрям, но не дурак же. Он должен понять, как многого мы добились, несмотря на противодействие Бигода».

Вдруг принц так тяжело задышал, что по его нагрудной цепи заскользили блики. Он опять затеребил свой капюшон, потом вдруг стремительно встал и отошел в дальний угол, где и застыл, от всех отвернувшись.

Вышла заминка, все молчали, не зная, чего ждать. Прошла минута, другая, а принц все продолжал стоять в углу, только оперся плечом на деревянную панель стены.

Эдгар переглянулся с комтуром³⁶ тамплиеров; тот кивнул и направился к принцу. Было видно, что они разговаривают, причем вполне мирно, но когда позже комтур отошел, Юстас по-прежнему остался стоять, отвернувшись к стене.

– Он все понял, – сообщил комтур Эдгару. – И теперь намерен завтра отправиться вместе с нами в Колчестер. Мы ведь лечим Юстаса в эту пору года. Поэтому, – тут тамплиер слегка усмехнулся в свою длинную светлую бороду, – ты можешь отправить гонца к королю Стефану с сообщением, что договоренность достигнута.

Тем временем граф Гуго и Геривей Бритто продолжали беседовать в стороне.

– Я знал, что хитрый Эдгар вывернется, – заметил Гуго, видя, как Эдгар довольно улыбнулся тамплиеру. – Этот сакс всегда был пронырливой лисой. У него даже глаза как у лисы – длинные, узкие, хитрющие.

Геривей ослабил под усами свои крупные желтые зубы.

– Думал ли я когда-нибудь, что ты станешь принимать у себя сакса Эдгара! Наверное, многое изменилось с тех пор, как вы были с ним заклятыми врагами.

– Когда это было, – пожал плечами граф. – Но мы столько лет жили в мире, что стали добрыми соседями. Я даже рад, что он оказался во Фрамлингеме так вовремя, ибо Эдгар имеет влияние на принца.

– О да. Ты отнял у сакса Эдгара титул, Бигод, но его и так все знают как доброго друга короля. Потому Юстас и вынужден считаться с ним.

– Но и я с ним считаюсь. А вот как вышло, что ты вдруг стал прислуживать этому выродку?

– Тсс, Гуго. Не смей при мне так отзываться о милорде Юстасе. – Густые брови Геривея сошлись к переносице. – Пусть ты и высоко взлетел со времен нашей беспокойной юности, Бигод, но я-то служу как раз его высочеству. И у меня все только начинается. Поверь, если Юстас прикажет, я не раздумывая перережу глотки всем собравшимся.

Гуго Бигод внимательно поглядел на своего старинного приятеля.

– Надо же, Геривей, как бросает кости шутница судьба. Некогда ты был мне другом, а сакс Эдгар врагом. Теперь же Эдгар ведет себя как друг, а ты стал мне недругом.

Не добавив более ни слова, он отошел и дал музыкантам знак играть.

Постепенно напряжение развеялось, все снова заулыбались, возобновилась оживленная беседа. Так как мужчин на этом сборище было гораздо больше, чем дам, то танцевали тройную паванну, когда у каждой дамы было по два кавалера, и пока один обводил партнершу вокруг себя, второй ждал в полупоклоне, прижав руку к груди. Потом дама меняла партнера, делала со вторым кавалером несколько шагов в одну и другую сторону, обходила круг, шурша по полу длинным шлейфом, затем они раскланивались, плавно расходились, и партнерша возвращалась к прежнему кавалеру. Все это было очень куртуазно и изящно, а при плавных звуках музыки выглядело чарующе красиво. Потом все трое кружились вместе, раскланивались, и дама переходила к следующим двум кавалерам. Все па были неторопливыми, располагающими к беседе.

Милдрэд наслаждалась пиром и танцами. У нее была манера так смотреть на партнера, что у того складывалось впечатление, будто именно он ей нравится, что в душе она интересуется им больше, чем другими. И как же сиял, слыша похвалу своей манере танцевать молодой Бедфорд, как игриво она переглядывалась с женатым Гилбертом де Гантом! Даже Гуго Бигоду она расточала похвалы.

«Ох и кокетка!» – усмехался граф. Но от него не ускользнуло то, что девушка нередко поглядывает в сторону замершего в полумраке принца.

Милдрэд и впрямь заинтересовалась Юстасом. Он казался ей таким одиноким!

³⁶ Глава в крепости ордена Храма в Европе: сама крепость – комтурия.

«Его никто не любит, им брезгают и опасаются. В праве помазания ему отказывают, жена опозорила его, и все проявляют враждебность. Воистину этот принц будто прокаженный. Каково это чувствовать себя изгоем, будучи наследником престола», – с состраданием думала девушка.

Гуго Бигод в перерыве между танцами заметил юной леди:

– Вы так пленяете всех, миледи, что единственный, кто остался нечувствителен к вашим чарам, так это его высочество. Может, вы и принца сумеете очаровать?

Его дочери нашли это весьма забавным, а заносчивая Рогеза даже съязвила: не опасается ли саксонская красавица, что Юстас откажется танцевать с ней?

Милдрэд невозмутимо пожала плечами:

– Я ничего не опасюсь. Думаю, принц Англии достаточно хорошо воспитан, чтобы не ответить отказом даме. Однако разве он всем видом не показал, что желает уединения?

Графиня Гундрада задумчиво смотрела на Милдрэд.

– Принц явно недоволен проведенными вашим отцом переговорами, поэтому было бы неплохо, чтобы его отвлекли от горестных раздумий. Не стоит ли мне и впрямь велеть объявить танец, когда партнера выбирает дама?

В устах столь благоразумной особы, как леди Гундрада, подобное предложение звучало не таким уже безумным. И Милдрэд решительно направилась в сторону принца.

Юстас не обращал внимания на происходящее. Слишком поздно он узнал, что король с королевой уполномочили гронвудского барона сговориться с Теобальдом Кентерберийским, слишком поздно прибыл сюда, чтобы от вмешательства был толк. Теперь он не мог пенять Эдгару за то, что тот повел переговоры по своему разумению и что решение самого важного для принца вопроса – о неопременной коронации еще при жизни отца, – оказалось отложено на потом. Изначально Юстас рассчитывал повлиять на прелата с позиции силы, поэтому и привел целое войско. И прикажи он своему верному Геривею...

Неожиданно размышления Юстаса были прерваны прозвучавшим рядом мелодичным женским голосом:

– Милорд, я могу вас побеспокоить?

Принц резко повернулся. Кто посмел!

Эти слова уже готовы были сорваться с его уст... но он промолчал.

Удивительно красивая девушка в алом нарядном платье склонилась перед ним столь низко, что пушистые распущенные волосы обвили ее живой колышущейся массой. А когда она выпрямилась... Принц нервно сглотнул. Пуп Вельзевула! До чего хороша! Какая кожа, будто жемчуг, светлая и гладкая. А эти темные мягко изогнутые брови, высокие скулы, изящный прямой носик, рот, подобный бутону розы!..

Девушка выжидательно смотрела на принца.

– Ваше высочество, объявлен танец, когда дамы выбирают себе партнеров. Я выбрала вас!

Юстас ощутил, как внутри у него что-то оборвалось, а все тело наполнилось мелкой приятной дрожью.

– Меня?.. – сипло выдавил он.

– Да. Однако не допустила ли я бестактность, нарушив ваше уединение?

Она говорила вежливо, но держалась с неким лукавым напором. И Юстас, как зачарованный, протянул ей руку и слегка вздрогнул, когда ее маленькая ручка легла в его ладонь, увлекая за собой. Она не боится его! Пригласила танцевать! Неужели эта красавица не видит, что он урод?

И принц пошел за ней, как привязанный, только посреди зала на миг замер и огляделся, ощутив на себе множество взглядов. Рядом церемонно и невозмутимо расходились в танце

пары – вон Бигод танцует со своей малолетней дочкой, вон графиня Гундрада прошла мимо с Бедфордом.

Юстас устремил на свою партнершу угрюмый взгляд:

– Помилуй Бог, миледи, но я... Я совсем не умею танцевать...

Она игриво посмотрела на него.

– Вы были достаточно храбры, чтобы войти в круг танцующих. Дальше уже будет несложно. Движения в паванне медленные и церемонные. Следите, что делают прочие, и вы справитесь.

Он посмотрел, как ведет графиню Гундраду Бедфорд, и неуверенно взял партнершу за самые кончики пальцев, чтобы таким же образом обвести вокруг себя. Она проскользнула столь близко, что он уловил легкий запах восточного мускуса. И когда она склонилась, слегка приподняв длинные шуршащие юбки, Юстас раскланялся почти так же ловко, как танцующий рядом де Гант.

– Ну вот, у вас все получается, – ободряюще улыбнулась ему белокурая леди. – Думаю, к концу танца вы разучите все фигуры.

Юстасу, который впервые участвовал в подобном развлечении, это казалось невероятно трудным. Пару раз он ошибался и даже замер в какой-то миг, хмурый и мрачный, но его леди как ни в чем не бывало грациозно кружила рядом, и он вынужден был опять подлаживаться, повторяя фигуры.

Когда музыка смолкла, принц так устал, что у него взмокли лоб и шея. Он застыл, по привычке повыше натягивая ворот оплечья, даже заподозрил какой-то подвох и стал затравленно озираться, но обстановка в зале была самая непринужденная. И принц успокоился. Теперь ему надо было отойти в сторону, но впервые в жизни он словно забыл, что ему с его внешностью следует держаться в отдалении. Ибо разве его не выбрала самая красивая леди во Фрамлингеме!

Он так и спросил ее, не повышая голоса:

– Почему вы пригласили именно меня?

– Разве не честь для девушки танцевать с наследником престола?

Так просто... И так необычно. Юстас смотрел на нее, не в силах двинуться. Столь красивая, соблазнительная... С роскошной грудью, выступавшей над сверкающей вышивкой округлого выреза, как два спелых плода в роге изобилия. Юстас не мог оторвать взор от этих светлых полушарий, как не мог насмотреться на ее аквамариново-голубые глаза, яркие пухлые губки. Он не двигался, и Милдрэд тоже вынуждена была остаться на месте.

«Какой он все же неуклюжий, – с некоторой досадой подумала она. – И какой урод. Бедняга!»

Ибо на свету лицо принца ужаснуло ее. Но Милдрэд была доброй девушкой и сейчас видела только молодого человека, которым все пренебрегают. Да, он действительно неприятный и совсем не знает, как себя вести. И внезапно красавица Милдрэд, всегда любившая находиться в центре внимания, ощутила неудобство из-за того, что они с принцем застыли под перекрестным огнем множества взглядов.

Ей на помощь пришел отец, возникший подле пары в центре зала.

– Мой лорд! Моя дочь Милдрэд...

– Так это ваша дочь? – словно опомнился Юстас.

– Леди Милдрэд Гронвудская, наследница земель Гронвуда, Незербби, Тауэр-Вейк и иных моих владений. Прошу быть снисходительным к ее дерзости и позволить нам удалиться.

Присутствие Эдгара вернуло принцу самообладание, и он взглянул на Милдрэд совсем иными глазами. Это дочь Эдгара, друга монаршей семьи. Слишком громкое звание для сакса,

однако родители Юстаса всегда благоволили к этому барону. Но они никогда не говорили Юстасу, что у сакса Эдгара такая дочь!

И он вдруг решился:

– Отчего умолкла музыка? Я бы хотел пройти еще круг в танце с леди Милдрэд.

Эдгару оставалось только отойти, когда его проказница дочь и неожиданно развеселившийся Юстас вновь стали рядом, и наблюдать со стороны, как Милдрэд на ходу подсказывает принцу фигуры. И Юстас слушается ее! Непримируемый, мрачный и нелюдิมый Юстас! Невероятно!

Шеренга танцующих уже выстроилась за ними, музыканты наигрывали нежную плавную мелодию. Милдрэд понимала, что многие поражены случившимся, и ощущала свое торжество, будучи даже рада пококетничать у всех на глазах с человеком, который заведомо не значился среди ее женихов.

И все же порой при взгляде на Юстаса ее брала оторопь. Она старалась не приглядываться к его волдырям и гнойничкам, но этот тяжелый, словно неживой взгляд выдерживала с трудом. Бесспорно, с такой внешностью нелегко вызвать любовь подданных. Хорошо, что ей удалось развеселить его, тем более что принц оказался ловок в движениях и быстро перенимал фигуры танца.

Они переговаривались во время поворотов и сближений:

– Хорошо, что пол в зале не застелен тростником, а то бы мой шлейф вскоре совсем истрепался и стал тяжелым от пристававшего мусора.

– А я бы запутался ногами в соломе и стал бы спотыкаться, – в тон ей отозвался Юстас.

Геривей Бритто со своего места смотрел на танцующего с саксонкой принца.

«Ну и дела! – отметил он про себя, даже подумал было предупредить Гуго, чтобы тот предостерег эту девочку. Но вспомнил, что она дочь грязного сакса, и плотнее сжал губы. – Пусть сама пожинает, что посеяла».

Опять играла музыка, дамы меняли кавалеров, все смеялись, наблюдая, как Юстас вынужден был в шеренге перейти к малышке Кло, а потом делать круг с чопорно поджидавшей губы Рогезой. Однако с этими дамами он танцевал не так уверенно, как с Милдрэд, которая просто окрыляла его.

Постепенно отцы Церкви стали расходиться на покой. В дальнем конце зала совсем расшумелись захмелевшие оруженосцы, слуги стали убирать со столов оставшиеся блюда и посуду. Пришло время удалиться и дамам. Заметив это, Милдрэд раскланялась с принцем и поспешила уйти. Юстас какой-то миг стоял на месте, глядя, как она удаляется, как скользит по ступеням ее алый сверкающий шлейф, как белокурая головка исчезает в проеме полукруглой арки. И принцу показалось, будто кто-то погасил для него солнце. Он сразу погрузился в привычную угрюмость, ссутулился, стал озираться, потом отыскал взглядом тамплиеров и направился к ним.

– Было обговорено, что я отправлюсь в вашу комтуру, – заявил он.

Комтур согласно склонился, но не преминул отметить, что и барон Эдгар с дочерью едут с ними. Какое-то время принц смотрел на него своими безжизненными глазами и вдруг улыбнулся.

– Сегодня благословенный день, – произнес он и направился к ожидавшему его распорядителю покоев.

Позже в разговоре с Эдгаром комтур отметил, что если бы Милдрэд так вовремя не отвлекла Юстаса, то с уже заключенным договором могли возникнуть проблемы.

Еще немного поговорив о предстоявшей дороге, мужчины тоже разошлись.

Глава 6

В Колчестер они прибыли уже в сумерках, к тому же в столь густом тумане, что путники едва различали дорогу. Из марева порой выплывали мокрые деревья, каменный крест у развилки, силуэты каких-то хибарок, откуда доносились кашель, вздохи и негромкие разговоры. Но вот впереди возникли мощные стены обители ордена, показался переброшенный через ров мост, замелькал свет факелов в руках стражей-воротников и заскрипели цепи опускаемого моста.

– Бог вам в помощь, братья! – приветствовали прибывших сержанты ордена.

– Помогите и вам Господь! – отвечали рыцари.

Проехав под полукруглой низкой аркой, всадники спешили; в свете факелов фигуры тамплиеров в их белых плащах казались призрачными, даже жутковатыми из-за того, что рыцари-храмовники носили еще непривычные для Англии цилиндрические шлемы, полностью скрывавшие голову до плеч.

Принц тоже сошел с седла, при этом поглядел туда, где в зыбкой мгле светлым видением мелькнула фигурка леди Милдрэд. Кутаясь в пелерину из рысьего меха от вечерней сырости, сопровождаемая слугами с факелами, девушка прошла в сторону странноприимного дома при комтурии – в саму крепость храмовников женщины не допускались. Юстас видел, как она раздает милостыню потянувшимся к ней нищим – этот сброд всегда крутился подле домов ордена, ибо тут их регулярно подкармливали, – а потом поднимается по боковой лестнице на второй этаж и исчезает за дверью.

– Милорд, вы идете? – различил принц рядом голос Эдгара.

Юстас несколько смутился: не заметил ли барон, как он смотрит на его дочь? Поэтому быстро заговорил о другом:

– Я еще не привык к этим тяжелым закрытым шлемам. – Принц кивнул в сторону удалявшихся рыцарей-храмовников. – Они в них даже на людей не похожи. Как вообще можно что-то видеть с такой железной бочкой на голове?

– Вам бы следовало примерить один из этих шлемов, – усмехнулся Эдгар. – Ничто, что служило бы помехой в бою, не уживается в воинском облачении. А эти бочкообразные шлемы, несмотря на свою закрытость, оставляют свободный обзор и при этом куда лучше защищают голову.

Они миновали мощный плитам двор и вошли под низкую арку.

Было слышно как со стороны церкви тамплиеров доносится стройный хор слаженных мужских голосов, певших «Ave»³⁷, словно в монастыре. Однако в отличие от монастыря тут были одни военные: они стояли на страже у каждого прохода, суровые и отрешенные, с начищенным оружием в руках.

Пройдя по сводчатому длинному переходу, Эдгар раскланялся с принцем и проследовал за тамплиерами куда-то вглубь крепости, а Юстас вошел в заранее приготовленный для него покой. В низкой, просторной комнате было жарко – в широком утопленном в стене камине горели высоко наложенные друг на друга поленья, высвечивая крытую светлой овчиной постель в углу, аналой и распятие у стены, а также большую дубовую лохань, над которой поднимался пар. Брат-служитель принялся помогать принцу разоблачиться, взял у него желудеобразный шлем и плащ, отвязал шпоры. Но потом Юстас его выслал: он был стыдлив и не желал обнажаться при посторонних.

Горячая вода в бадье приятно пахла травами и казалась чуть маслянистой от добавленных в нее эссенций. Юстас блаженно расслабился, откинувшись на широкие борта лохани.

³⁷ «Ave» («Ave Maria») – молитва Пресвятой Деве (Богородица, Дево, радуйся») (лат.).

Вскоре явились братья-прислужники: один установил поперек лохани широкую доску, другой разместил на ней поднос со снедью. Во время поста тамплиеры ели скромно – если можно считать скромной столь непривычные в Англии деликатесы, как ананасы и резанные дольками апельсины. Основным же блюдом служил большой ломоть белого хлеба. Еще был салат из сельдерея и моркови под особым пряным соусом, а также легкое подогретое вино в красивом хрустальном кубке: считалось, что хрусталь тускнеет, если в вино подмешан яд, и, подав подобный кубок принцу, храмовники стремились показать свою благонадежность. И хотя Юстас сначала решил, что после долгого пути верхом вряд ли насытится подобным ужином, к концу трапезы он уже не испытывал голода.

Прибрав посуду, слуги удалились. Юстас помнил, что и ранее его лекарь, брат Годвин, настаивал, чтобы перед началом лечения он как следует распарил кожу. Это была приятная процедура: после долгой езды в седле хотелось смыть с себя грязь и усталость, и еще грело сознание, что вскоре опытный брат-лекарь примется за работу, и тогда... Тогда появится надежда, что прекрасные голубые глаза будут смотреть на тебя не только с состраданием...

Юстас вспоминал прошедший день. Они выехали из Фрамлингема сразу после утренней мессы. Кроме почтительного поклона, сегодня девушка не проявляла к принцу никакого особого внимания, но он счел это проявлением скромности. Одно дело пир с его непринужденностью и весельем, другое – дорога, когда она просто одна из кавалькады. Но Юстас, желая не терять ее из виду, отказался возглавлять всадников и пропустил свиту Эдгара вперед, благодаря чему получил возможность целый день смотреть на ехавшую подле отца саксонку, любоваться ее уверенной посадкой, трепетавшими на ветру светлыми волосами. Но было еще нечто, что он вспоминал с особым удовольствием. Длинная юбка ее верхнего сюрко была откинута на круп лошади, позволяя видеть обтянутое нижним платьем длинное стройное бедро девушки, ее маленькую ножку в узком полусапожке... Юстас подумал о том, что находится между этими раздвинутыми в посадке ножками и даже заерзал в воде, чувствуя, как внутри разливается жар, порожденный не только действием горячей воды.

– Милдрэд, – прошептал принц.

Он смаковал ее имя, как особое лакомство.

Эта девушка была совсем не то, что женщины, известные ему ранее: сторонящиеся его чопорные дамы королевы Мод, замученные работой и постоянными родами хозяйки небольших маноров или проститутки, которых присылали принцу, когда он вошел в возраст и ему потребовалось ощутить себя мужчиной. Даже продажные девки брезговали им: насильственно улыбались, но он замечал ужас в их глазах, когда они смотрели на его изъеденное рубцами лицо. И та красивая нарядная принцесса, которую привезли ему из Франции, не скрывала своей гадливости к мужу. Немудрено, что и он, чувствуя ее отвращение, долго не мог в должной мере проявить себя на супружеском ложе с этой холодной, отстраненной женщиной. Зато позже он открыл, что ярость вызывает не меньшее возбуждение, и наконец совладал с ней, применив силу. Как бы он взял Милдрэд? О, он бы сделал это медленно и плавно, так же, как вел ее в танце, когда она улыбалась ему, или... Или, возможно, так же напористо и грубо, как брал беззащитных женщин, доставшихся ему на войне. Он страстно желал получить эту саксонку. Саксы – покорное, сломленное племя, и когда нормандские завоеватели одержали верх, женщины побежденных стали их добычей. Однако с Милдрэд Гронвудской нельзя так поступить – за ней стоит влиятельный отец.

Юстас вспомнил все, что знал об Эдгаре. Некогда тот сам был графом Норфолкшира, но уступил этот титул Бигоду, что, впрочем, мало сказалось на его положении, настолько он был уважаем, влиятелен и богат. У него имелось немало маноров в Денло, он вел торговые дела с тамплиерами и пользовался их поддержкой, владел одним из лучших в Англии замков, ему везло во всех начинаниях, а особенно славились его великолепные лошади и разводимый им скот всевозможных пород. Его почитали и принимали при дворе – и это притом, что

Эдгар редко вмешивался в эту бесконечную войну, благодаря чему имел прозвище Миротворец. Однако когда после битвы при Линкольне король Стефан оказался пленен своей соперницей Матильдой³⁸, именно Эдгар нашел средства для сбора войск под началом жены Стефана Мод, что дало возможность завербовать наемников с континента. Да, Эдгар был саксом, но находился в такой силе, что служил немалым препятствием на пути Юстаса, желавшего завладеть Милдрэд. А она... И принц опять стал вспоминать ее ножки, ее соблазнительную грудь, которой любовался на пиру во Фрамлингеме, ее кожу...

Но когда дверь отворилась и в покой вошел брат-лекарь Годвин, лицо Юстаса было невозмутимым.

– Вы позволите войти, милорд?

Брат Годвин, как и все храмовники, носил длинное белое одеяние, только без алого восьмиконечного креста, полагавшегося рыцарям-тамплиерам, и по одежде его скорее можно было принять за цистерцианца³⁹.

– Чем ты будешь меня сегодня лечить? – спросил Юстас после того, как Годвин внимательно оглядел его распаренное лицо и стал толочь в ступке какие-то смеси.

Ранее принца мало интересовало, каким образом лекарь намерен прогнать его болезнь, да и устав ордена предписывал братьям не болтать. Однако этот лекарь, выслужившийся благодаря своему умению врачевать, уже не единожды нес наказания за неумение держать язык за зубами. Вот и теперь, смешивая снадобья, он говорил не умолкая, словно тут, подле своего пациента, мог выплеснуть скопившийся за день вынужденного молчания поток слов. Юстас узнал, что настойку из чистотела тот смешивает с крепким вином, добавляет в смесь измельченную крапиву, амброзию и дудник желтый, листья маргаритки, способные глубоко очищать гнойнички, еще вяжущее снадобье из подлесника и некие иные травы, свойства коих Годвин досконально изучил, а также плесень, много плесени.

– Что? – удержал уже поднесенную к его лицу руку Юстас и опасливо покосился на маленькую деревянную лопаточку, на которой лежала липкая зеленоватая смесь. – Ты сказал – плесень?

Годвин вздохнул:

– Милорд, плесень – это один из важнейших ингредиентов лекарства. Братья ордена давно оценили ее лечебные свойства. Доверьтесь мне, если хотите, чтобы снадобье, как и прежде, пошло вам на пользу.

Это напоминание заставило Юстаса подчиниться, ибо только тут ему смогли оказать помощь: кожа подсыхала, и старые рубцы хоть и не сходили, зато светлели, а свежие язвочки заживлялись.

Когда он уже выбрался из лохани, Годвин все продолжал болтать: дескать, Юстасу следует держать смесь на лице, пока та не подсохнет и не отпадет сама, а завтра они повторят процедуру.

– Скажи-ка мне, любезный, – прервал его принц, кутаясь в длинный халат со шнуровкой, – какие дела связывают с братьями ордена Храма Эдгара Гронвудского?

Юстас опасался, что подобный вопрос вызовет настороженность, но брат Годвин принял беспечно пояснять:

– Некогда Эдгар сам носил белый плащ с крестом. Потом он вышел из братства, но остается светским побратимом ордена. Ныне же он должен сопровождать наших новобранцев на континент, оттуда те переправятся в Святую землю. Выполняет он и кой-какие иные поручения, но это уже меня не касается.

³⁸ Битва при Линкольне состоялась в 1141 году.

³⁹ Цистерцианцы – монашеский орден, представители которого носили белые сутаны.

Это было понятно: английские дома ордена не только отправляли в Палестину новобранцев, но и пересылали на судах под охраной денежные средства, лошадей, зерно, металлы и дерево в расположенные на континенте прецептории⁴⁰.

– Так Эдгар надолго уедет? – осторожно спросил принц.

– Наш флот будет делать остановки во Фландрии, Нормандии и Бретани. Думаю, Эдгар сопроводит суда до Ла-Рошели, где у него несколько своих виноградников. Обычно гронвудский барон забирает там принадлежащие ему вина, получает товары из тамошней прецептории и ведет суда назад. Вся поездка займет около полугода. Но... О Пречистая Дева! – вдруг всполошился Годвин. – Не слишком ли много я наболтал вам, милорд? Будьте снисходительны, не сообщайте о том, что я вам столько всего поведал.

– Как и о том, что один из братьев ордена был столь красноречив после вечерней мессы, когда уже строжайше запрещается разговаривать, – отозвался Юстас, укладываясь на жестком топчане у стены и натягивая на себя чистую белую овчину. Скосив глаза на застывшего лекаря, он усмехнулся. – Ты думаешь, у принца Англии только и забот доносить комтуру о болтовне его лекаря?

Годвин потупился, потом подал принцу отполированное медное зеркало. При свете масляного светильника Юстас почти с отвращением разглядывал свое лицо, измазанное зеленоватой массой. Сейчас он себе напоминал какого-то тролля, а не человека.

– А дочь гронвудского барона тоже едет с ним? – вдруг спросил он.

– О нет. Леди Милдрэд остается в Англии. Однако Эдгар заранее договорился с братьями, что они препроводят девушку морем в Бристоль. Видите ли, юная леди твердо решила посетить одну из западных женских обителей. Кто знает, может, это было повеление свыше и Милдрэд однажды примет постриг.

– Неужели гронвудская леди решила стать монахиней?

– Доброе дело, доброе, – закивал лекарь. – Кто лучше подойдет для служения Богу, чем сия чистая, непорочная девица?

Пораженный Юстас молчал. Такая красивая, богатая, полная жизни девушка – и монахиня! Вслух же спросил иное:

– Братья будут провожать ее до самого места назначения?

– Да, милорд. Решено, что когда наша флотилия выйдет в море, дочь Эдгара будет плыть на одном из судов. Потом у мыса Фореленд флотилия отправится на юг, в то время как специально зафрахтованный корабль пойдет по Английскому каналу⁴¹ до Бристоля, увозя леди Милдрэд и обязавшихся охранять ее братьев ордена. Вам удобно, ваше высочество? – спросил он, поправляя набитые овечьей шерстью подушки в изголовье принца.

Юстас не ответил – в голове его стал складываться план.

– Я не утомил вас своей болтовней? – суетился рядом брат Годвин. – Вы сын короля, я не смел бы не ответить на ваши расспросы, однако если комтур проведает...

– Ты повторяешься, Годвин! – резко прервал его Юстас и жестом указал на дверь.

На другой день Эдгар отправился на побережье. Столько дней державшаяся ясная погода теперь, как на грех, будто вспомнила, что еще не миновало межсезонье, и решила покапризничать. Моросил мелкий дождь, дул холодный ветер. Проскакав через холмистые поля, по редколесью и песчаным дюнам, которые в часы прилива исчезают под водой, Эдгар выехал к порту Харидж. Ветер тащил по небу тяжелые тучи, море пенилось барашками и казалось темным и неприветливым.

⁴⁰ Прецептория – крупная община тамплиеров в Европе.

⁴¹ Английский канал – Ла-Манш.

Оглядев суда, Эдгар отметил, что надо было очистить днища от налипших ракушек и грязи, как следует законопатить и осмолить щели. Он переговорил с капитанами и кормчими, рассчитал, сколько времени займет работа, обсудил необходимость полностью заменить весь такелаж перед столь долгим плаванием. Эдгар хотел быть уверенным в надежности кораблей, одному из которых он должен поручить свою дочь.

Возвращался он уже под вечер. Узнав у странноприимного дома, что Милдрэд со служанкой вышли погулять в город, Эдгар отправился в комтурсию, намереваясь сообщить о своих соображениях насчет срока отплытия. Но едва он вошел, как барону доложили, что его уже несколько раз спрашивал принц Юстас.

Сына короля Эдгар застал примеривающим закрытый бочкообразный шлем. Кажется, это нововведение пришлось по душе его высочеству, ибо, облачившись в доспехи, принц ловко упражнялся с мечом в паре с одним из тамплиеров. Эдгар отметил, что Юстас неплохой воин, хотя и пропустил удар, когда заметил стоявшего в стороне барона, и противник довольно ощутимо задел его за бедро. Юстас даже оступился, помедлил какое-то время, превозмогая боль, но потом направился к Эдгару.

– Мне необходимо переговорить с вами, милорд, – из-под закрытого шлема голос звучал глухо.

Да, к подобному облачению еще надо привыкнуть. И пока они стояли рядом, Эдгар ощущал некое неудовольствие от того, что Юстас столь пристально глядит на него сквозь прорезь шлема, а он даже не может видеть его лица. Но то, о чем принц завел речь, настолько заинтересовало Эдгара, что он весь обратился в слух.

– Норманны все больше сливаются с английской знатью, – говорил принц. – Местные женщины рожают им сыновей, но воспитывают их уже в английских традициях. Можно сколько угодно говорить о благородной нормандской крови, но не считаться с англичанами невозможно. Норманны стараются не причислять их к благородному рыцарскому сословию, оставляя им удел сквайров, но тем не менее все это хорошая саксонская кровь, благородные старые роды, небедные и имеющие свои понятия о чести. Я заметил, сколько саксов в этой комтурсии. Орден и Церковь – вот где больше следят за личными достоинствами, здесь можно сделать карьеру любому вне зависимости от родовитости. И я подумал: так ли разумно нам, нормандской знати, отрешиваться от прирожденных англичан?

Саксу Эдгару стоило немалого труда отстоять свое место среди первой знати королевства, и он не ожидал услышать такие речи от сына короля нормандской династии.

– Да, в ордене немало саксов, – осторожно заметил барон. – Но данная комтурия расположена в Денло, где потомки саксонских и датских танов сильны, как нигде в Англии.

Юстас лишь чуть пожал плечами, а сквозь прорези шлема невозможно было рассмотреть выражение его глаз.

– Я видел, сколь прекрасных воинов сделали из саксов в комтурсии Колчестера. Наши представления о саксах как о племени, способном только разводить свиней в своих поместьях, гораздо дальше от действительности, чем полагают в баронских замках. И мало кто обращает внимание на то, что сильные саксонские парни не стремятся служить под знаменами нормандских лордов. А ведь это немалая сила, остающаяся в стороне от нашей войны. Им плевать, кому достанется трон – удержит ли его Стефан или добьется власти императрица. Война, столько лет терзающая Англию, чужда им. Но ведь и они тоже англичане. И если привлечь их на свою сторону... Послушайте, лорд Эдгар, если я кину клич, что возьму саксов в свое войско, если стану отстаивать и защищать их права, разве это не расположит их к нам, ко мне и моему отцу? И тогда я смогу пополнить свои ряды множеством смелых и решительных воинов. Подумайте, в этой войне погибло немало людей, и теперь мы все больше платим золотом, чтобы добыть наемников на континенте. А что такое наемники? Они верны, только пока им платят и все идет хорошо. Однако если денег недостает или их

командир проигрывает, то все они превращаются в банды неуправляемых разбойников. Если же в мои войска вольются настоящие англичане – саксы, сыновья землевладельцев, соль земли, – это будет отменное войско, способное сражаться за свою страну, не разорять ее и грабить, а защищать и стремиться восстановить в ней мир и покой.

Юстас рассуждал не по летам мудро, и его слова находили живейший отклик в душе Эдгара. Англия устала от произвола. Торговцы и ремесленники в городах, свободные арендаторы и подневольные вилланы в деревнях были бы рады окончанию смуты. И их действительно не интересовало, кто займет трон. Но если Юстасу удастся приобщить к этой войне большинство саксонского населения, то люди скорее пойдут за ним, он сможет влить свежую силу в обескровленные за годы смут войска. Вместе с короной Стефан когда-то получал власть над Англией и Нормандией, но за годы войны нормандские земли перешли под руку Матильды и ее мужа. Однако здесь, в Англии, жителям не было дела до Нормандии, Матильда и ее супруг Анжу оставались здесь такими же захватчиками-иноземцами, как и некогда вторгшиеся сюда сподвижники Вильгельма Завоевателя. Саксы не станут сражаться за них. Другое дело, если наследник Стефана приблизит их к себе и станет для них своим – тогда и они будут биться за него.

– Вы мыслите благородно, милорд, – склонил голову Эдгар. – Я говорю это не только потому, что сам из саксов, но и потому, что это расположит многих англичан к вашему отцу.

«Он не сказал *к вам, принц*», – жестко отметил про себя Юстас и отвернулся. Неужели этот сакс, как и многие другие, считает, что он недостойн стать королем? Юстас несколько раз глубоко вздохнул, подавляя гнев, но не сумел избавиться от ощущения кома в горле. Когда он вновь заговорил, голос его звучал хрипло:

– Теперь, когда Матильда отбыла на континент и мы получили передышку для пополнения сил, нам следует набрать новое войско. Таково мое желание. Я уже принял в свои ряды несколько уважаемых саксонских танов, и они привели мне немало людей. Это выгодно, и я даю им надежду. У саксов имя вождя всегда служит знаменем, это ваша старая традиция. А готовы ли вы поддержать меня?

Эдгар был заинтригован, но перво-наперво спросил:

– Вы можете назвать тех, кто уже встал под ваши знамена?

– Пока нет. Но, надеюсь, вскоре эти имена и так станут известны. Но вы не ответили мне: вы со мной или нет? Вы столько сделали для короля Стефана, но поддержите ли его сына в подобном начинании?

Эдгар поглядел через плечо Юстаса, туда, где во дворе комтурии продолжились учения. Юстас тут же отметил это.

– Я не тороплю вас. Мне известно ваше прозвище – Миротворец, и то, что у вас имеются свои дела, – он тоже поглядел во двор, где у конюшен водили на длинном поводу несколько прекрасных лошадей. – Однако потом, когда вы будете свободны, вы поддержите меня?

Эдгар чуть прищурился. С возрастом его глаза несколько запали, их окружала легкая сетка морщин, зато в каштановых волосах и бороде почти не виднелось седины. Да, из него мог бы получиться хороший вождь. Но Юстасу было нужно не это, а доверие этого хитрого сакса. И он ничем не выдал своего ликования, когда тот сказал:

– Вы затеяли благородное дело. И я... Со временем, – уточнил он, – да, я готов поддержать вас.

Своей дочери Эдгар поведал об этом разговоре через неделю, когда вывез ее к морю. Пока барон был занят делами, они почти не виделись, но сейчас он рассказал ей, что из этого странного принца вполне может выйти толк.

– У него государственный ум. Он, бесспорно, не самый приятный человек, но за его наружностью кроется тот, кто в самом деле может привести Англию к миру.

Милдрэд сызмальства была приучена слушать разговоры о политике. Принц Юстас казался ей фигурой загадочной и пробуждающей любопытство, однако не настолько сильное, чтобы отвлекать от всего происходящего вокруг.

Отец и дочь стояли у широкой бухты Хариджа, в которую впадали реки Оруэлл и Стур. На берегу были разведены костры, над которыми висели котлы со смолой; клубился черный дым, смешиваясь с низкими тяжелыми тучами, плывущими от самого горизонта. Над длинными деревянными пристанями, над рядами низеньких домишек с криком кружили чайки.

Корабль, на котором ей предстояло плыть, – шириной не менее десяти футов и длиной не менее сорока, с высокими укрепленными бортами, – покоился в мелкой заводи, уже готовый принять заготовленную для него мачту. Команда опытных моряков возилась на палубе, проверяя такелаж и заливая щели горячей смолой.

Девушка повернулась к отцу:

– Вы считаете, что Юстас принесет великое благо королевству, уравнив права саксонцев с норманнами? Разве это возможно? Ведь ранее о таком и речи не было.

Эдгар ответил, что это будет не просто: дело нужно провести тонко, чтобы не отпугнуть заносчивую нормандскую знать. Однако каждый из королей, правивший до сих пор, так или иначе делал послабления в пользу саксов. А если Стефану после отбытия Матильды удастся опять сплотить вокруг себя нормандскую знать, то весьма неплохо, если саксы начнут объединяться вокруг его наследника. Рано или поздно Юстас станет королем, и тогда права его сторонников-саксов будут уже неоспоримы.

– По крайней мере, Юстас умный человек и умеет мыслить непредвзято, а значит, из него выйдет очень неплохой правитель для разнородных английских подданных.

Милдрэд улыбнулась, видя воодушевление отца, и пустила устричную раковину «блинчиком» по воде отмени. Засмеялась, когда та целых пять раз успела отскочить от поднявшейся почти вровень с причалом приливной воды.

Невдалеке от них Утред держал под уздцы хозяйских лошадей и с улыбкой наблюдал, как барон и юная леди, стоя на длинной бревенчатой пристани, лакомились устрицами, собранными для них окрестными жителями. Парнишка доставал их по одной из стоявшей рядом большой корзины, ловко вскрывал длинным ножом, присаливал слизкий комочек и по очереди преподносил то отцу, то дочери. Причем, подавая девушке, начинал глуповато улыбаться, хотя знатная красавица не обращала на него никакого внимания. Осторожно держа раковину самыми кончиками пальцев, она проглатывала устрицу, даже прикрывала глаза от удовольствия. Парнишку это забавляло. Эта горделивая леди в мехах и расшитом серебром наряде с таким наслаждением ела устрицы, которые в этих местах считались пищей самых последних бедняков. А Утред, наблюдавший со стороны, возмущался про себя: что же госпожа не ответит ухмыляющемуся бахвалу резкой отповедью! Но в этом и проявляется благородная кровь – ее обладатели выше простых смертных. Да и Милдрэд – хорошая девочка, зря никого не обидит.

Неожиданно Утред заметил вдалеке всадника, скачущего сюда по берегу – через заливные ланды, мимо пасущихся вокруг луж с соленой водой овец. Утред узнал его и хотел было подойти сообщить, что явился принц Юстас. Но тут к барону приблизился местный капитан, они стали что-то обсуждать и отошли к лежавшему на боку большому кораблю.

Милдрэд осталась на пристани, кутаясь от ветра в свою рысью пелерину; она стояла, глядя на море, ветер трепал ее длинные волосы, почти сливавшиеся с мехом. Такой ее и увидел издали Юстас и невольно натянул поводья, сдерживая коня. Светлый силуэт девушки на фоне свинцового моря и серого неба, кое-где расцвеченного узкой полоской розовых облаков, выглядел легким, словно видение. Кажется, дунь ветер посильнее – и эта дивная

фея исчезнет, как наваждение. Наваждение... именно так он называл то состояние, в котором пребывал все это время. Он непрестанно думал о саксонке – и когда отстаивал мессу в часовне ордена, и когда вечером выходил за стены комтурии и смотрел на отблеск света в ее окне, и когда лекарь Годвин врачевал его кожу. И врачевал успешно, надо отдать ему должное. Сегодня Годвин, протерев лицо принца легким отваром, подал ему зеркало – и Юстас, уже привыкший видеть себя позеленевшим от впитавшейся мази, на этот раз остался доволен. Нельзя сказать, что он полностью излечился, но его состояние несомненно улучшилось: ранки подсохли и затянулись, лиловые рубцы посветлели, кожа стала розоватой, и уже нечего было стыдиться показать кому-то лицо. В благодарность Юстас велел передать комтурии Колчестера годовой доход с двух расположенных неподалеку королевских маноров с мельницами на реке Стур, что вызвало удовлетворенную улыбку на лице местного комтура. Правда, вслед за этим принц несколько удивил его пожеланием, чтобы тамплиеры доставили его к Саутгемптону на одном из своих судов: ведь большую часть эскорта Юстас отослал в Лондон.

– Я слышал, ваши суда готовы к отплытию, а они, как известно, одни из самых надежных.

Комтур задумчиво потер переносицу.

– Мой принц, наше плавание будет медленным и осторожным. И один из кораблей пройдет как раз против Саутгемптона...

– Я знаю. Эдгар Гронвудский отправляет дочь по Проливу⁴² до Бристоля. И уж если такой человек, как барон, осмеливается доверить единственное дитя на волю волн, думаю, нечего опасаться и наследнику престола.

И вот теперь Юстас приехал в порт Хариджа – якобы посмотреть на корабль, а на деле потому, что Милдрэд поехала туда с отцом и он узнал об этом. Принц отправился в одиночестве – чего ему было опасаться в охраняемых орденом землях? К тому же он не хотел, чтобы кто-то мог отметить его внимание к дочери сакса.

Но Утрэд уже давно отследил, как принц неоднократно прохаживался под окном малышки Милдрэд. Сейчас солдат наблюдал, как Юстас остановился поодаль и стал пристально смотреть в сторону юной леди.

– Вон, опять принц пялится на вас, как сова, – сказал он, приближаясь к девушке.

Однако Милдрэд, будучи еще под впечатлением благожелательных отзывов отца о принце, безо всякого страха поглядела на всадника у кромки моря. Отвешивать наследнику престола поклон на таком расстоянии было как-то глупо, и она попросту помахала ему рукой.

– Ох, миледи... – проворчал Утрэд. – Вам бы только покрасоваться.

– Хватит, Утрэд! Матушка и так навязала мне в провожатые старую Эату, чтобы та ворчала на меня по всякому поводу. Не начинай и ты.

Юстас неспешно приблизился. Сердце его билось в такт шлепанию конских копыт по залитому волнами песку. А Милдрэд без страха смотрела на него прямым и доверчивым взглядом, какой бывает у дикого звереныша, еще не встречавшегося с охотниками. Это волновало Юстаса: непуганая дичь... доверчивая... сама идущая в руки...

Но тут рядом с ней оказался ее охранник, потом подошел барон Эдгар. И Юстас, не замечая первого, учтиво ответил на поклон второго.

– Я разыскивал вас, сэр.

И он сообщил, что они отплывут вместе и его корабль примкнет к каравану судов ордена.

– Но... – замялся было Эдгар. – Большинство судов отправятся только до мыса Фореленд, а потом...

⁴² Т. н. Дуврский пролив при впадении в Ла-Манш.

– Неважно, – махнул рукой принц. – Мой дальнейший путь лежит по Английскому каналу до Саутгемптона.

– Что ж, неплохо. Моя дочь также поплывет вдоль Ла-Манша, и я буду польщен, если ее будут охранять и ваши люди.

Утред в стороне даже сплюнул по ветру. Как же, охранять. Доверить волку овцу. Вон как этот рябой смотрит на девочку. Принц. Наследник престола. Норманн. Ну ладно, пока он, Утред, рядом с малышкой, он сумеет уберечь ее хоть от самого Сатаны.

Так думал старый солдат, не понимая, о чем так увлеченно могут болтать его лорд и юная леди с этим мрачным принцем. Правда, сейчас Юстас даже улыбался. Вон, ему тоже дали попробовать устриц. И что? Лопает себе моллюсков, будто босяк из фэнов⁴³, какому только дай брюхо набить. Плохо кормят его в комтурии, что ли?

Юстас разговаривал с Эдгаром о погоде, о сроках возможного выхода в море, а с Милдрэд о том, приходилось ли ей уже плавать, не опасается ли она волн. Девушка казалась ему такой решительной и притом легкомысленной. И он смеялся ее шуткам, ел устрицы и вместе с ней пускал раковины «блинчиками» по воде. Даже Эдгар подивился тому, в каком хорошем настроении пребывал принц – его обычно пустые бесцветные глаза сегодня лучились особым светом. Правда, это становилось заметно, когда Юстас смотрел на Милдрэд, но барон уже привык, что его девочка озаряет души людей, словно маленькое солнышко. И он верил, что сын таких благородных людей, как Стефан и Мод, будет надежным охранником для дочери человека, который способен обеспечить ему столь нужную поддержку среди саксов.

⁴³ Фэны – низинные болотистые земли на востоке Англии – фэнленд.

Глава 7

Корабли тамплиеров отплывали в глубоком тумане. Белесая густая дымка покрывала все вокруг, море было гладким, как спокойное озеро, не ощущалось ни единого дуновения ветра.

– Как мы будем определять направление в тумане? – спросил Юстас у стоявшего рядом тамплиера.

Тот пояснил, что они будут использовать компас, особое устройство, известное ордену, и тут же принялся пояснять, что это такое. Юстас слушал, но одновременно поглядывал туда, где за белой пеленой должен был плыть «Святой Иаков» – корабль, на который поднялась со своими сопровождающими саксонка. Из Хариджа выходило не менее девяти хорошо осмоленных, крупных судов, несущих на себе множество грузов, лошадей и вооруженных воинов, но сейчас в тумане ничего не было видно, и Юстасу порой казалось, что они остались в полном одиночестве. Замершее море, крупные капли росы на снастях, фыркание китов где-то поблизости. Но вот впереди из тумана долетел долгий и тягучий звук рога, потом еще один позади – это перекликались суда, указывая, что караван идет правильным курсом и никто не потерялся.

К Юстасу подошел Геривей Бритто.

– Просто оторопь берет, как подумаю, что вы полностью во власти храмовников. Слышанное ли дело – с нами всего десять наших копейщиков, а остальные... – и он выразительно кивнул туда, где у кормы сгруппировались тамплиеры в своих длинных белых плащах с алыми крестами.

– Это они в моей власти, – сухо отозвался Юстас.

Во время штиля гребли все, вплоть до надменных тамплиеров. Правда, ни люди принца, ни рыцари Храма не были умелыми гребцами и с непривычки слишком глубоко погружали лопасти весел в воду. Все вздохнуло с облегчением, когда ближе к полудню поднялся ветер, туман стал расползаться, и матросы, затянув незамысловатую песню, принялись поднимать паруса.

Это было неповторимое зрелище – слои тумана золотились в лучах солнца, расплываясь пластами и открывая взгляду блестящую водную ширь. Море взыграло, легко неся на волнах большие корабли со вздувшимися белыми парусами. Все пришло в движение – волны, небо, люди, все загомонили, зашумели, слышались команды, скрип уключин. И впереди «Наяды», на которой плыл Юстас, легко взмыл на волну крутобокий «Святой Иаков», у штевня⁴⁴ которого принц увидел Милдрэд. Наваждение... Он опять ощущал это, не в силах отвести от девушки взгляд. Развевался ее плащ, полоскались на ветру длинные волосы. Казалось, морская качка не доставляет ей никаких неудобств. Это нравилось Юстасу: он тоже никогда не страдал морской болезнью, а вот Геривей вскоре замутило, как и тамплиеров. Порой они кидались к бортам, их просто выворачивало наизнанку. Зато легкая светлая фигурка на громоздком корабле стояла невозмутимо, как дух моря.

– А этот все пялится на вас, – заметил на «Святом Иакове» Утред своей юной госпоже.

Милдрэд лишь мельком оглянулась на идущую следом «Наяду». Ранее воодушевлявшая ее победа над мрачным сыном короля Стефана уже не казалась интересной. Теперь девушка в основном глядела на корабль, на котором плыл ее отец. Они уже попрощались с ним при погрузке судов, ибо едва они минуют мыс Фореленд, корабли тамплиеров продолжат путь дальше, через море, а ее судно и идущая следом «Наяда» свернут в воды Пролива.

⁴⁴ Штевень – приподнятая оконечность носа или кормы корабля.

День давно перевалил за середину, а они все плыли вдоль берега, волны мерно вздымались, перекликались чайки, поскрипывали корабельные снасти. Юстас, как и Милдрэд на «Святом Иакове», не отходил от высокого штевня, а когда девушка все же удалилась в постройку между кормой и мачтой, Юстасу стало грустно. Смелый и решительный в битве, настойчивый и изворотливый в спорах, в области простых человеческих отношений он был неуверен в себе и мнителен, ему казалось, что над ним смеются, что его презирают. Вот и эта девушка то смотрит на него таким лучистым и ясным взором, то вдруг отворачивается, и любая мелочь интересует ее куда больше, чем внимание наследника короны. Ну ничего, она еще поймет, какой он, когда он подчинит ее. Но это потом... потом... когда осуществится его план. Юстас обдумывал свой замысел, и собственная душа казалась ему подобной этому морю – череде высоких гребней и глубоких провалов. Настолько глубоких, что он сам боялся заглядывать в эту бездну. Одно он знал – ему нужна эта светлая девушка, и Юстас почти враждебно посмотрел на храмовников, мешавших его планам.

Милдрэд на «Святом Иакове» пыталась как-то облегчить страдания своих женщин. Пожилая Эата тихо стонала, распростершись на досках палубы, а Берта вроде как притихла и дремала. Но когда при ударе волны корабль накренился, служанка вскрикнула и приподняла осунувшееся подурневшее личико. Увидев Милдрэд, которая смачивала Эате виски, Берта спросила:

– Мы скоро приплывем?

Увы, они только миновали устье Темзы. Милдрэд чувствовала себя едва ли не виноватой: они так страдают, а она весела и оживлена, и качка не донимает ее. Правда, под натянутым тентом в каюте ей тоже стало как будто не по себе. Зато вернувшись на палубу, заняв свое место у высокого штевня, ощутив на лице брызги и ветер, она вновь наполнилась воодушевлением, будто птица, вырвавшаяся на широкий простор.

Моряки орудовали снастями, у большого рулевого весла стоял шкипер, направляя судно с невозмутимостью мастера своего дела. На серой поверхности моря кипела беловатая пена, и в этом огромном просторе корабли казались совсем крошечными, будто мелкие букашки, ползущие по чешуйчатой коже какого-то исполинского чудовища.

На следующий день у мыса Фореленд караван разделился. Милдрэд вглядывалась в удалявшиеся суда и неожиданно ощутила что-то похожее на испуг. Впервые она оставалась без родительской опеки, предоставленной самой себе. Ей даже захотелось плакать, но это желание вскоре прошло. Ибо теперь она могла показать, чего стоит. Да и что ей может грозить под защитой ордена? Ведь и ее люди с ней. Девушка приникла щекой к плечу Утреда.

– Хорошо, что ты со мной.

– Угу, – только и отозвался старый вояка и при этом опять поглядел назад, где при входе в Ла-Манш к ним особенно приблизилась «Наяда». У штевня маячила темная фигура принца. Небольшое расстояние даже позволяло рассмотреть его лицо, и Утред готов был поклясться, что тот не сводит глаз с миледи.

Это же заметила и Берта, которой к третьему дню пути стало легче. Она сказала о своем наблюдении госпоже, и они немного посмеялись. Что касается старой Эаты, то ее Милдрэд, дабы не мучилась, напоила маковым отваром: леди Гита снабдила дочь в дорогу этим настоем на всякий случай. Мало ли – голова разболится, зуб заносит – маковый настой успокоит и усыпит, а во сне всякие хворобы проходят. Пока же настой помогал несчастной старой саксонке пережить тяготы качки.

Море и впрямь бурлило, и все же моряки были довольны: течение, ветер, ясное солнце создавали благоприятные условия для плавания. Они миновали побережье графства Кент с его меловыми скалами и возводимой в Дувре высокой крепостью, поплыли дальше вдоль побережья Сасекса, оставив позади те места, где некогда высадилась флотилия Вильгельма Завоевателя, дабы покончить с правлением саксов. Обо всем этом тамплиеры рассказывали

любопытной Милдрэд. Суровые воины, давшие обет безбрачия, тоже находили удовольствие в общении с красивой девушкой. Юстас, наблюдая за тем, как рыцари Храма то и дело подходят к саксонке, испытывал недобрые чувства. В отличие от корабельщиков, его не радовало столь спокойное плавание.

И вот, когда в день Вербного Воскресения тамплиеры прямо на корабле отслужили молебен, Юстас заметил, что небо на востоке стало темнеть, и внутренне возликовал: он жаждал непогоды и шторма.

Более легкая и быстроходная «Наяда» теперь обошла «Святой Иаков». Черные дельфины неслись рядом с кораблем, выгибая спины, почти выскакивая из воды или мелькая тенью у самой поверхности. Тут даже невозмутимых тамплиеров разобрало, кто-то из них притащил гарпун в надежде добыть одного, но вот рядом сверкнула стайка макрели, и дельфины, оставив корабли, понеслись за ней.

Шкипера обитатели моря не волновали, он, невзирая на пост, грыз свой кусок соломины, налегая на рулевое весло, а при этом нередко оглядывался на подступавшую с востока тучу.

Юстас спросил:

– Кажется, нас настигает шторм? Тогда к ночи станет совсем туго.

– Вы разбираетесь в этих делах, – шкипер взглянул на принца с уважением и добавил немного спустя: – Нам придется пристать, если грянет буря.

Конечно, корабельщики должны учитывать, что отвечают за жизнь наследника престола. Воды Ла-Манша уже забрали одного принца⁴⁵, нельзя допустить, чтобы подобное повторилось. Но если один из кораблей пристанет к берегу, последует ли за ним второй? И Юстас стал расспрашивать тамплиеров, каковы у них указания на такой случай. Выяснилось, что им предписано действовать по обстоятельствам, но корабли могут подавать друг другу сигналы при помощи рога, и Юстас успокоился – его это устраивало.

Буря разразилась ближе к вечеру. Казалось, еще недавно путники видели освещенные закатом скалы английского берега, но теперь все затянуло мраком, ветер ревел, мачта раскачивалась, и суденышко с превеликим трудом переваливалось на очередную волну, облитое брызгами пены, стонущее и скрипящее всеми снастями.

– Мы ждем ваших указаний, милорд, – к Юстасу приблизился один из тамплиеров.

– Сможем высадиться на острове Уайт? – обратился принц к шкиперу, указав на маячивший впереди остров.

Тот согласно кивнул: если они войдут в пролив Солент, качка будет не такой сильной и позволит пристать. И Юстас отдал приказ связаться со «Святым Иаковом». Ответный рев трубы показался ему благословением.

Корабли подходили к побережью почти в полной тьме. Остров частично защищал их от ветра, и все же корабли изрядно качало. Волны грохотали и плевались холодной пеной. Паруса успели снять, только кормчий еще орудовал рулевым веслом. «Святой Иаков» несколько замешкался, и Юстас почти со страхом смотрел, как корабль неуклюже разворачивается, стремясь войти в воды Солента вслед за более маневренной «Наядой». Однажды корабли чуть не столкнулись, но обошлось. Юстас вздохнул с облегчением, мельком заметил огни на побережье, даже смог рассмотреть мачты лежащих на отмели суденышек. Корабли старались пристать там, где берег был пониже и не так ревел прибой: чтобы достигнуть суши, им придется перескочить через пенную полосу.

Среди рева и грохота корабль взмыл в воздух – и тут же днище заскользило по песку, запоздалая волна ударила в корму, перекатилась по палубе и обрушила на людей шквал холодной воды. Но никого это не напугало – напротив, вместо страха все испытали торже-

⁴⁵ Речь идет о погибшем в море единственном сыне Генриха I принце Вильгельме.

ство и стали хохотать. Юстаса обдало мириадами брызг; он оглянулся и замер. Громоздкий «Святой Иаков» уже на берегу перевернулся – там закричали люди, послышался треск ломающихся досок.

Не помня себя, Юстас спрыгнул на землю, хотел бежать, но после долгой качки ноги не повиновались, и он упал на колени на влажный песок. Тут же рядом оказался Геривей.

– Беги туда! – принц взмахнул рукой. – Узнай, что с ней.

К счастью, оказалось, что на «Святом Иакове» никто всерьез не пострадал – лишь один из моряков при падении вывихнул плечо, а перепуганная Берта расквасила носик. Да еще сломалась мачта. И пока кто-то из храмовников распекал кормчего, дескать, новую мачту они поставят за его счет, благополучно спустившаяся на берег Милдрэд утешала ревущую служанку, из носа которой текла кровь. Вдруг она почувствовала рядом чье-то присутствие и оглянулась – это оказался Юстас, в тот самый миг накинувший плащ ей на плечи. Она рассмеялась.

В отличие от своих спутниц, Милдрэд не была напугана. Девушка не умела бояться, и потрясение небывалого приключения будило в ней скорее оживление, чем страх. К тому же вокруг было столько сильных мужчин, что ее не беспокоил даже вид приближавшихся всадников.

Это были люди из замка Карисбрук. Они узнали королевского сына и жаждали услужить ему, поэтому вскоре все путешественники уже въезжали на обширный двор мощного замка, некогда построенного мятежным графом Девоном. Тот сейчас пребывал в Нормандии, а замок принадлежал королю Стефану.

Сенешаль перво-наперво кинулся к Юстасу, но тот, грея у большого очага руки, кивнул в сторону Милдрэд.

– Позаботьтесь прежде о леди.

Девушка ощутила прилив благодарности: все-таки этот некрасивый угрюмый принц весьма любезен.

– Я признательна вам за заботу, милорд.

Юстас стоял к ней боком, но потом повернулся и взял ее руку в свои. Он молчал, но девушка вдруг ощутила себя как будто в плену. Принц почти не сжимал ее руку, но все же от него веяло такой силой, что он сковывал ее одним своим присутствием. В тревоге Милдрэд ждала, не зная, как освободиться.

Наконец Юстас сказал, что больше не смеет ее задерживать.

– О вас позаботятся, а завтра мы решим, как поступить.

– Нет, все же он хороший человек, – говорила позже Милдрэд, когда высушила волосы у очага и жена сенешаля замка напоила ее горячим молоком.

Молоко досталось и ее спутницам, они согрелись и теперь вслушивались в шум ветра за толстыми стенами: как же им повезло, что они нашли здесь приют, вместо того чтобы оказаться среди бурного моря.

Проснувшись, Милдрэд не сразу поняла, где находится, но потом вспомнила все происшедшее и распахнула деревянные ставни. На нее повеяло солнечным ветром. Надо же, вчера все казалось таким мрачным, а сегодня ее взору открылись зеленые склоны, бродившие по холмам овцы, колокольня церкви невдалеке.

Спускаясь в зал, юная леди еще издали различила громкие голоса тамплиеров. Она прислушалась.

– Мы не можем оставаться на острове, сколько нам заблагорассудится, – говорил один из храмовников. – Море сегодня гораздо спокойнее, нам следует отправляться, дабы успеть прибыть в бристольскую прецепторию к Пасхе.

– Бог в помощь – я вас не удерживаю, – раздался в ответ спокойный голос принца. – Но не требуйте, чтобы я позволил вам увезти дочь лорда Эдгара, пока погода окончательно не наладится. К тому же «Святой Иаков» получил сильные повреждения, и пока его не починят, не может быть и речи об отплытии.

– Об этом мы тоже хотели переговорить, – отозвались тамплиеры. – Наш человек побывал у корабля и уверяет, что еще вчера повреждения судна были не столь существенны, как сегодня. Похоже, кто-то намеренно разбил днище корабля.

– Однако у вас еще осталась «Наяда» – прекрасное быстроходное судно. Если хотите, можете воспользоваться им. Мне оно больше не нужно, ибо скоро за мной прибудет королевский корабль из Саутгемптона.

– Но мы не можем отправиться без дочери лорда Эдгара. Вы не посмеете воспрепятствовать нам.

– Это не обсуждается. Я сказал, что не позволю рисковать жизнью сей юной леди.

За этой фразой последовал гул возмущенных голосов. Милдрэд понимала, что тамплиеры обязались сопровождать ее в Бристоль, но после вчерашней бури не рассчитывала так скоро тронуться в путь. Да и что плохого в том, если она проведет тут несколько дней, пока ветер не утихнет? Однако храмовники настаивали: им необходимо прибыть в Бристоль к Пасхе, этого требуют дела ордена, а леди Милдрэд просто их попутчица. Поэтому будет ли на море штормить или нет, они сейчас же велят юной леди собираться.

«А не хотят ли они меня саму спросить?» – даже рассердилась Милдрэд и стремительно вошла в зал.

При ее появлении все встали; почти с вызовом глянув на столпившихся напротив принца храмовников, она заявила, что остается.

– Мои спутники утомлены, мой багаж в жалком состоянии, я сама натерпелась во время бури. Не вижу причин, почему бы не передохнуть и набраться сил на острове.

Один из храмовников выступил вперед.

– Миледи, мы понимаем вас, однако у нас есть свои дела и задержка нам крайне нежелательна. Море и впрямь беспокойно, но все же не настолько, чтобы было опасно отправляться в путь.

Милдрэд вскинула голову.

– Мой отец не для того вверил вам мою жизнь, чтобы вы ей рисковали.

– Риск не так велик, у нас хороший корабль и отменный кормчий. И мы намерены уже сегодня после полудня поднять парус.

– Вы намерены, но не я.

Тамплиеры посуровели и переглянулись. Один из них сказал:

– Барон Эдгар не упредил нас, что его дочь столь своенравна и строптива. Это большой недостаток для женщины.

Милдрэд негодуя сжала кулачки и уже готова была ответить гневной тирадой, как вдруг между ней и тамплиерами возник темный силуэт Юстаса. Он откинул свой капюшон, и стало заметно, что он улыбается.

– Зачем все эти ссоры? Я предлагаю вот что: рыцари ордена могут ехать, дабы успеть к сроку, а миледи переждет под моей защитой на острове Уайт. Орденские братья оставят людей для ее охраны, если таков был уговор с лордом Эдгаром. Я же в свою очередь обязуюсь предоставить один из английских кораблей, чтобы девушка отплыла с острова, когда море станет спокойным. Лорд Эдгар – верный наш сторонник, и для короны не составит труда оказать подобную услугу его дочери.

Похоже, этот план устраивал всех. Тамплиеры принялись обсуждать с принцем детали, а Милдрэд отправилась к себе. И в полутьме винтовой лестницы неожиданно столкнулась с Утредом.

– Вы поступаете опрометчиво, миледи, – произнес солдат. – Пусть храмовники и суровы, но они благородны, и отец доверил вас им. А про принца всякое поговаривают. К тому же мне не нравится, как он смотрит на вас. Вспомните, что он норманн, а вы саксонка.

– О, как стара эта история! – засмеялась Милдрэд. – Грозные норманны и несчастные саксонские леди. Те времена уже прошли. Но скажу тебе, Утред, чтобы ты не волновался: Юстас намеревается набирать войска из саксов, и для этого ему нужна поддержка моего отца. Так что, желая услужить мне, принц просто пытается расположить к себе влиятельного Эдгара Гронвудского.

– Все это слишком сложно для такого простого человека, как я, – заметил Утред. – Но повторюсь: вы сделали ошибку, отказавшись от опеки тамплиеров.

Зато так не считали ни Берта, ни Эата. Пожилая саксонка даже заплакала от облегчения, узнав, что им дано несколько дней передышки. И ее не огорчало, что на Страстную неделю они оказались бог весть где. Вон недалеко аббатство, где они могут молиться, раз уж пришлось задержаться.

Именно туда и отправилась Милдрэд на полуденную службу. Позже, вернувшись в замок, она устроилась в нише окна, велела принести письменные принадлежности и стала писать матери. Сообщила, как проходило путешествие, что из-за бури они вынуждены сделать остановку на острове Уайт, и...

На бумагу упала чья-то тень, и Милдрэд оглянулась.

– У вас очень красивый почерк, миледи, – заметил стоявший рядом Юстас.

Все же он выглядел ужасно. И даже не столько эти рубцы в нижней части лица делали его неприятным, сколько пустые глаза, как будто у бездушной статуи.

Милдрэд невольно повела плечом.

– Я пишу матери. Надеюсь, послание смогут передать, едва представится такая возможность?

– Обязательно. Однако смею ли я вас попросить кое о чем?

– Попросить?

Она даже привстала, но Юстас удержал ее. Пусть леди оканчивает начатое, но потом он хочет предложить ей проехаться по острову верхом.

Милдрэд просияла. Снаружи дул сильный ветер, но как же славно будет осмотреть здешние места! Поэтому, быстро окончив письмо, не забыв упомянуть о том, как обходителен сын короля, Милдрэд спешно побежала собираться на прогулку.

Местные коротконогие лошадки не шли ни в какое сравнение с теми, на которых привыкла ездить дочь гронвудского барона, но это не портило удовольствия от скачки в такой ясный денек. Ветер свистел в ушах, но было не холодно, тучи набегали и уходили прочь, и с неба вновь сияло солнце.

Легкой рысью принц и его спутница двинулись вдоль разделяющей остров речки Медины и вскоре оказались в порту. Отсюда за проливом Солент можно было разглядеть Англию. Далекий берег был полностью затянут сизой дымкой, и Юстас пояснил, что даже когда вся Англия покрыта тучами, здесь, на острове Уайт, солнечно.

Милдрэд со стороны наблюдала за храмовниками, которые сновали возле качавшейся на волнах «Наяды», а Юстас подъехал почти к самым причалам. Старший из орденских братьев опять заговорил о том, что «Святой Иаков» поврежден куда сильнее, чем было во время их прибытия на остров.

– Возможно, это работа местных жителей, – принц пожал плечами. – Они долго жили под покровительством графа Девона, новые власти не сильно жалуют, вот и могли напако-стить. Вас устроит, если я для острастки повешу парочку из них?

Тамплиеры отказались, хотя и спросили, не опасно ли будет им оставлять леди Милдрэд поблизости от сторонников мятежного графа?

Юстас рассердился.

– Вы забываетесь! До отплытия миледи будет находиться под моим покровительством, и ей ничего не угрожает. К тому же и вы ведь оставите несколько охранников для дочери барона.

Он бы предпочел, чтобы и таковых не нашлось. И ощутил облегчение, лишь когда «Наяда», борясь с бурной волной, стала отходить от причала. Уже развернув коня, он заметил стоявшего неподалеку Геривея.

– Твои люди несколько переусердствовали с кораблем.

– Главное, что дело сделано.

Сделано только полдела, подумал Юстас, наблюдая, как Милдрэд о чем-то беседует с женами местных рыбаков.

– Они так чудно разговаривают, – девушка повернула к принцу сияющее личико.

– Местный говор, – только и ответил принц.

Потом стал рассказывать о проливе Солент: что он шириной около двадцати миль, в нем множество отмелей, а также весьма сложные течения, которые могут относить корабль то в сторону Англии, то снова назад. И хотя воды там куда спокойнее, чем в Ла-Манше, все же сегодня он не решится отправить человека на тот берег.

Потом они поскакали осматривать окрестности. По зеленым склонам холмов проносился ветер, колебля травы и белые маргаритки. Порой все заливалось солнечным светом, а потом темная тень от облака плыла по небу, по морю, по земле, чтобы вскоре снова уступить место золотым лучам. Пришпоривая коротконогих мохнатых лошадок, всадники мчались по холмам, поднимаясь на крутые меловые возвышенности, спускаясь в долины, где было уютно и тихо, где сновали между кустами дрока множество юрких кроликов, а на деревьях мелькали огненно-рыжие белки. Дальше их путь снова лежал по возвышенности, откуда виднелись крутые обрывы и бухты внизу, где песок переливался от белого до розоватого оттенка – это было так красиво!

– Как же тут чудесно! – восхищалась Милдрэд.

На некотором расстоянии за ними следовали несколько охранников, один из которых был в белом плаще тамплиера. Юстас про себя уже похоронил его. Главное, чтобы все прошло, как задумано: нужно, чтобы Милдрэд полностью доверилась ему, а там он сделает так, что ни у кого не возникнет подозрений.

Несмотря на ветер, было тепло, и девушка скинула свою меховую пелерину. Юстас старался не задерживать взгляд на ее обтянутой тканью груди, на расставленных в седле длинных бедрах. Но у него кровь начинала стучать в висках, когда он косился на ее колени, на мягкие, растрепанные ветром волосы. Растрепанной она казалась ему даже привлекательнее – в ней появлялось что-то непокорное и легкомысленное. Но говорила она отнюдь не о пустяках: расспрашивала, как удалось отвоевать у графа Девона остров, как король Стефан расположил тут свой гарнизон. Юстас невозмутимо отвечал: поведал о графе Девоне, самом непримиримом противнике Стефана из старой знати, который всегда поддерживал только Матильду и из-за этой преданности ныне оказался изгнан из Англии. Если он посмеет вернуться, то его схватят и казнят, поэтому-то старый граф и отсиживается во владениях графини Анжуйской.

– Наверное, вы никогда не называете Матильду императрицей, – заметила Милдрэд.

– Никогда. После смерти первого мужа она стала графиней Анжу, а все ее права на трон...

– Но ведь не только граф Девон, но и иные поддерживают ее.

– И это приносит королевству много вреда. Иначе мой отец правил бы в мирной стране и никто не оспаривал бы мои права на трон.

– Однако в прошлом году Матильда покинула Англию. Говорят, что ее дело проиграно и она уже не посмеет...

– Эта женщина на все способна! – резко выкрикнул Юстас, и его обычно бесцветные глаза остро сверкнули. – У нее есть сын Генрих, и она твердит, что добьется для него короны. Одно время он жил с матерью в Бристоле и получил там неплохое образование, но все равно это глупец. Вам известно, как однажды отличился Генрих, когда вдруг вознамерился завоевать Англию?

– Нет, – Милдрэд повернулась и легким медленным жестом отвела со щеки светлую волнистую прядь.

В этом ее движении было столько чувственной грации, что Юстас поспешил отвести глаза. Она еще говорила, будто оправдываясь, что до них в Норфолкшире вести доходят редко, но он перебил ее, стремясь отвлечься от тех мутящих разум чувств, какие она в нем вызывала.

– Это случилось два года назад, – резко и прерывисто заговорил принц. – Генриху тогда было четырнадцать. И этот юнец вдруг возжаждал захватить Англию. Пользуясь отсутствием родителей, он нанял всякий сброд, зафрахтовал суда и, переплыв море, высадился недалеко от Уорхема. Со своим разношерстным войском он двинулся вглубь Англии, но так как никто из его людей не знал дороги, они заблудились. Приключение оказалось не таким уж забавным, как представлял этот самонадеянный мальчишка. Его люди стали грабить окрестности, но вскоре им дали отпор, и банда Генриха, обескураженная неудачей, потребовала, чтобы он заплатил им. А вот денег у него-то и не было. Что с него взять, если он избалован и глуп! И тогда его люди сделали самого Генриха заложником. Он обещал, что его мать Матильда пришлет деньги, но эта... – Юстас сдержал рвущуюся с языка вульгарную ругань, судорожно сглотнул и продолжил: – Эта дама отказала сыну. Сказала, что он повел себя глупо, вот пусть теперь и выкручивается сам.

– О? Она так рисковала сыном?

– Она считала, что это будет ему уроком.

Юстас на миг умолк, глядя на море, по которому плыла тень от большого облака. Он хорошо помнил то время, когда надеялся, что мальчишку Генриха разорвут его же люди. Но получилось...

– Получилось так, что юнец, совсем отчаявшись, решил просить помощи у своего дядюшки, короля Стефана, и прислал гонца с просьбой одолжить денег. Объяснил, что с ним плохо обращаются и он опасается за свою жизнь. И король был тронут этим письмом. Представьте, вопреки советам королевы Мод и моим, он выслал деньги и спас своего врага!

Милдрэд ответила после некоторого раздумья.

– Это был великодушный жест. Король Стефан показал себя в наилучшем свете. Да, ваш августейший отец более рыцарь, чем правитель. Вот только, – она с сожалением взглянула на Юстаса, – не знаю, насколько это хорошо для коронованной особы.

Юстас повернул к ней побледневшее лицо; лучи солнца осветили его рябую кожу и бесцветные глаза под черным капюшоном.

– Вы умны, раз поняли это. Да, тогда король имел возможность раз и навсегда избавиться от соперника, ради которого так старается Матильда. И вот теперь Генрих жив и здоров, со временем люди стали считать его поступок уже не безрассудным, а смелым, и твердить, что он достойный потомок Вильгельма Завоевателя.

В его голосе звучала неприкрытая злость. Милдрэд отвела взгляд – порой Юстас пугал ее. И чтобы как-то утешить его, сказала:

– Но ведь и вы потомок короля Вильгельма.

Юстас скривил губы в полуулыбке.

– Это так, видит Бог! Однажды я стану королем. И это так же верно, как то, что сейчас мы поедем к западной части острова, и я вам покажу белые известняковые скалы, которые называют Нидлз⁴⁶. Клянусь верой, они достойны этого названия!

Однако задуманное не удалось. Пронесившиеся по небу тучи вдруг сомкнулись и разразились настоящим ливнем. Путникам пришлось возвращаться в Карисбрук мокрыми и продрогшими. Но Милдрэд тем не менее было весело. Нагуляв во время верховой прогулки аппетит, она с удовольствием выпила подогретого с пряностями вина, съела пироги с рыбой и паштет из трески. А когда узнала, что принц приглашает ее на партию в шахматы, сразу спустилась в зал.

Играла она неплохо, поэтому Юстас получил удовольствие от игры. И вновь ему приходилось бороться с собой и скрывать обуревавшее его желание, когда перед глазами маленькая ручка передвигала тяжелую фигурку из белого мрамора, когда девушка, раздумывая над ходом, закусывала свою хорошенькую губку, откидывалась на покрытую овчиной спинку деревянного кресла и вздыхала... так тепло и нежно, что у него мелькала надежда: может, это его присутствие побуждает ее расслабиться? Юстасу хотелось сесть рядом, взять ее руку, переложить с ее колена на свое и накрыть ладонью. Но он не решался, понимая, что самое легкое движение может разорвать эту связь, разрушить невидимое облако, внутри которого оказались заключены они вдвоем. Но однажды... Он представил, как может произойти это «однажды», и у него пересохло в горле.

Милдрэд вдруг подняла на него свои аквамариново-голубые прозрачные глаза, и Юстас поспешно отвел взгляд.

– Кажется, дождь прошел, – произнес он. – Слышите, как стало тихо? А это значит, что я могу отбыть в Англию уже с утренним приливом. Потом я пришлю за вами корабль. Но знаете, миледи, мне несколько грустно расставаться с вами.

Она взглянула на него с лукавством, как игривый котенок.

– И это несмотря на то, что я дважды сделала вам мат?

– Я поплыву в Саутгемптон, – заговорил Юстас негромко, придав лицу замкнутое, невозмутимое выражение. – Хотите послушать об этом городе? Он окружен мощной стеной, в нем множество жителей, а устрицы по вкусу не уступают тем, какие мы с вами пробовали в Харидже.

Милдрэд слабо улыбнулась, но глаза ее погрустнели. Юстас продолжил: он уже понял, как она жадна до новых впечатлений, как ее манит все неизвестное. И стал рассказывать, что из Саутгемптона он поскачет в Винчестер – эту старую саксонскую столицу Англии, которая и поныне считается вторым городом королевства. Бывала ли там леди Милдрэд? Что ж, прискорбно. Ведь Винчестер поистине великолепен! Его строили еще римляне, а они как никто умели выбирать удобные места. Винчестер расположен в живописнейшей местности над судоходной рекой Итчинг. Причем он не похож на другие города, большинство из которых задыхаются в кольце тесных каменных стен, – он обширен, там и поныне сохранена римская планировка, улицы пересекаются под прямым углом, нет путаницы, а каждый квартал обслуживает своя собственная церковь. Что может лучше украсить город, как не храмы? А Винчестер к тому же имеет самый длинный в мире собор! По легенде, его заложил еще король бриттов Люций. Кто знает, правда ли это, однако верно, что при саксах это была самая значимая церковь в Англии. Там и поныне покоится прах многих саксонских монархов. Там же удостоился чести быть похороненным двоюродный дед самого Юстаса, король Вильгельм Рыжий. Правда, он был далеко не святым, и когда башня, под которой он покоится, рухнула, многие сочли это знаком небес. Но ничего, башню возвели заново, и собор стал еще красивее. Сейчас там всем заправляет брат Стефана, дядюшка Юстаса

⁴⁶ Иглы (англ.).

– епископ Генри. Знакома ли с ним леди? Нет? Даже удивительно, если учесть, что Генри Винчестерский всегда считался покровителем семьи Армстронгов из Гронвуда. А вот его преподобие был бы несказанно рад встретить дочь своего старого друга. Ведь Генри Винчестерский незаурядный человек – политик, церковник, покровитель искусства, коллекционер античных скульптур, владелец удивительного зверинца, где есть столь редкие животные, как берберийские львы и необыкновенно огромные птицы страусы.

Принц сделал небольшую паузу, заметив, как поникла Милдрэд. Этого-то он и добивался, тонко выплетая свою интригу, увлекая столь жадную до впечатлений девушку и показывая то, чего она будет лишена, если останется под покровительством строгих и непреклонных храмовников. Поэтому, поведав о Винчестере, Юстас стал рассказывать о других местах, куда ему надлежит заехать. К примеру, в Солсбери. Слышала ли Милдрэд о новом чудесном соборе, что ныне возводится в городе? Его будут строить специально приглашенные из Парижа мастера. Ах, как жаль, что Милдрэд его не увидит! И не побывает в столь волшебном и необычном месте, как Стоунхендж – это огромное каменное кольцо в центре солсберийской равнины, его возвели древние жрецы друиды, и там, как говорят, и поныне творятся чудеса.

– Ах, молчите, умоляю вас! – девушка резко поднялась, и Юстас увидел, каким возбуждением блестят ее глаза.

– Что такое, миледи?

– Что такое, спрашиваете? Я прожила всю жизнь в уединенном замке, я столько слышала о местах, о которых вы говорите, но мне, видимо, никогда не удастся там побывать.

У нее сделался грустный вид. Тогда Юстас чуть подался вперед и негромко произнес:

– Почему же не удастся? Если вы пожелаете, я готов сопровождать вас в пути. До самого Бристоля, если захотите. И поверьте, это будет куда менее опасно, чем плыть по морю под охраной храмовников.

– Но ведь отец обговорил с рыцарями Храма мой путь до Бристоля, – неуверенно сказала девушка.

Юстас сделал паузу.

– Когда ваш родитель договаривался с храмовниками, он не предполагал, что может подвернуться шанс отправить вас под охраной королевского сына. Но со мной вы будете в гораздо большей безопасности, нежели с храмовниками. Вы согласны? Или же... – он вдруг откинул капюшон, – или вас пугает общество такого непривлекательного спутника?

Милдрэд смутилась. Сейчас, при свете очага, Юстас выглядел не таким уж безобразным: тени сгладили изъяны кожи, зато было видно, как аккуратно чистые гладкие волосы обрамляют лицо, черты которого сами по себе были довольно приятны. К тому же она за прошедшее время несколько свыклась с его видом. Да и что за дело ей до его внешности, ведь они просто попутчики! А бедный Юстас думает, что она не желает принять его любезное предложение только потому, что его вид ей неприятен. Милдрэд опять стало его жалко. И чтобы как-то разрядить обстановку, она решила отшутиться. Демонстративно всплеснув руками, Милдрэд ахнула:

– Ой, ой, ой! И как же я ранее не заметила, какой вы! Ну теперь-то вы меня окончательно напугали.

Юстас какой-то миг смотрел на нее, потом губы его сжались, а щеки задрожали. Он фыркнул, мелко затрясся, пока не разразился смехом. Сначала это было похоже на сухой кашель – так он боролся с приступом веселья, но уже через миг откинулся назад и громко расхохотался. Сенешаль замка переглянулся с тамплиерами: ему не единожды доводилось принимать в Карисбруке сына короля, но он и представить не мог, что тот умеет так смеяться.

Милдрэд, видя веселье принца, тоже засмеялась. Сколько-то времени они беспечно хохотали, и по лицам присутствующих тоже стали пробегать улыбки, даже угрюмый Гери-

вей Бритто хмыкнул в усы. Только Утред мрачно смотрел из своего угла у колонны и укоризненно качал головой.

Юстасу вдруг стало по-настоящему хорошо. И подумалось: а не бросить ли эту затею? Пусть он и далее остается для этой милой веселой девушки просто приятным попутчиком и благородным покровителем, с которым ей интересно общаться. Но сомнения завладели им лишь на краткий миг. Юстас успокоился, поймал ее руку и, поднявшись, отвел девушку от освещенного столика с шахматами к нише окна, где никто не мог их слышать.

– Я ведь серьезно хочу предложить вам стать моей спутницей. Конечно, объяви я об этом, ваши строгие стражи в белых плащах тут же поднимут крик. Но вы-то сами, леди Милдрэд, согласны довериться мне?

Она с сомнением теребила посеребренные накладки на концах своего пояса. И Юстас стал убеждать:

– Подумайте, вы будете ехать под моей охраной, посетите множество заслуживающих внимания мест. Мой дядюшка епископ будет рад принять вас, а потом мы продолжим путь, причем со всевозможными удобствами. Не скрою, мне будет приятно ваше общество, но я вовсе не собираюсь подходить к вам ближе, чем это допускают честь и добродетель.

– Они не позволят, – тихо прошептала Милдрэд и покосилась туда, где сидели тамплиеры, а потом бросила взгляд на настороженно наблюдавшего за ней и принцем Утреда.

– В конце концов, разве не в вашей власти приказать им? – негромко настаивал Юстас. – Хотите, я изъявлю свою волю – мне никто не посмеет возразить. Однако... Мы в вами можем попросту сбежать!

– Сбежать? – удивилась Милдрэд. Но тут же на ее устах появилась лукавая улыбка. – Вот было бы забавно!

– Конечно, забавно! Вы только представьте: еще затемно вас разбудит сенешаль, вы одна покинете свои покои, тихо выскользнете к воротам замка, где я буду ожидать вас. Мы поедем в порт и с утренним отливом отбудем с острова. Здесь, бесспорно, поднимется переполох, но к этому сроку мы будем далеко. А потом я велю прислать корабль для ваших спутников, который и доставит их в Бристоль. Им останется только дожидаться вас в надлежащем месте. Все равно рано или поздно вы окажетесь в монастыре, но до того, как укрыться в обители, совершите увлекательное путешествие, переживете приключение, да к тому же увидите много интересных мест и встретите достойных людей, из которых один будет ни много ни мало, как мой дядя епископ. Вот уж мы удивим его, когда вместе прибудем в Винчестер!

Юстас словно превратился для нее в шаловливого товарища по играм: он улыбался, даже прищелкнул пальцами, дабы передать всю забавность и исключительность предстоящего приключения, и Милдрэд улыбалась в ответ. Такого в ее размеренной, полной запретов жизни еще не случалось. Да и чего ей бояться, если она будет под покровительством принца Юстаса, о котором ее отец отзывался исключительно с похвалой?

Еще какое-то время они обсуждали детали своего замысла. Принц пообещал, что оставит на острове Геривея Бритто, дабы тот успокоил всех, когда о побеге станет известно. А на сенешаля замка можно положиться: тот предан Блуаскому дому и выполнит все как нужно. Милдрэд тоже внесла свою лепту, предложив подлить своим слугам настойку мака, чтобы те спали крепче и ничего не заметили. Особенно надо опасаться Утреда, – и девушка покосилась в сторону старого вояки.

Они шептались и пересмеивались, потом Милдрэд покинула зал, кликнув своих женщин. У порога она оглянулась и поманила Утреда. И только она исчезла, улыбка принца растаяла. Накинув до глаз капюшон, он стремительно вышел, сделав знак Геривею следовать за собой.

Еще не развиднелось, когда ворота в замке отворили и несколько всадников выехали наружу. Юстас чуть замешкался, склоняясь к остававшемуся под глубокой аркой Геривею, и Милдрэд расслышала, как он негромко сказал:

– ...и чтобы никто, слышишь – никто!

– Я сделаю, – кратко отозвался тот.

Рядом с ним переминался с ноги на ногу всклокоченный сенешаль.

– Я опасаюсь... – начал было он, но Геривей, смотривший вслед всадникам, только отмахнулся:

– Твое дело быть в стороне и держать язык за зубами.

Милдрэд ехала подле принца, кутаясь в свою рысью пелерину, и все же ее била мелкая дрожь от утреннего холода и возбуждения. Надо же, как ловко удалось ей всех напоить маковым отваром! Даже донимавший ее расспросами Утрэд ничего не заподозрил.

Отчасти она стыдилась того, что обманула преданных людей. И перед тамплиерами как-то неловко. Но ничего. Власть Юстаса оградит ее от их гнева.

По пути принц не сказал ей ни слова. Она правила лошадью, в чересседельной суме которой находились ее спешно собранные пожитки, в том числе и ее алое блио. Милдрэд надеялась поразить этим нарядом епископа Генри, о котором слышала, что, несмотря на духовное звание, он очень светский человек и в его винчестерском дворце собирается самое изысканное общество. Уж на Пасху там, безусловно, будет великолепно. Эта мысль придавала Милдрэд бодрости, и она больше не оглядывалась.

В этот предрассветный час тишина стояла мертвая, даже угнетающая. Кругом царил мрак, и только от моря исходил слабый мерцающий свет. Наступал час отлива. У причалов было довольно мелко, а у берега под копытами коней захлюпала грязная жижа, по которой полуодетые матросы толкали к воде длинную ладью. Но грязь у берега скоро сменилась водой, нос ладьи закачался на волнах. По знаку шкипера с ладьи на причал перекинули сходни.

Юстас шагнул на них первым и протянул руку Милдрэд.

– Что такое? – довольно резко спросил он, когда девушка неожиданно замешкалась и оглянулась.

– Мне показалось, кто-то закричал.

– Это чайка, – ответил принц и, не выпуская ее руки, увлек на палубу судна.

Глава 8

Окно в покоях епископа Винчестерского было огромным: тройное, разделенное изящными колоннами, а сверху обрамленное округлой аркой с каменным архивольтом⁴⁷. Но главное, что в него были вставлены тонкие пластины стекла, пропускавшего достаточно света, чтобы епископ, не зажигая свечей, мог прочесть содержимое королевского послания.

– Что-то существенное? – спросил епископа граф Арундел.

Граф стоял у окна, наблюдая, как на зеленом газоне в саду играли его дочери – Оливия и Агата. Их силуэты в белых одеждах сквозь мутноватое стекло казались несколько расплывчатыми. Арундел щелкнул ногтем по ромбовидной пластине в переплете оконной решетки.

– Это ведь привезено не из Палестины или Венеции? Неужели богатейший и могущественный епископ Винчестера велит использовать стекло, производимое в нашем Гилфорде?

– Надо же поддерживать отечественных умельцев, – приблизившись, с улыбкой отозвался прелат.

Они встали рядом – благородный граф Арундел, Уильям из рода д’Обиньи, и один из первых церковников Англии Генри Винчестерский, родной брат короля Стефана, а по матери внук самого Вильгельма Завоевателя. Граф Арундел – высокий, статный, с роскошной шевелюрой белых от седины кудрей – смотрелся как истинный воин, хотя лицо его выражало не столько суровость, сколько мягкое благородство. Казалось удивительным, что кроткий взгляд этих голубых глаз принадлежит известному победителю турниров, получившему громкое прозвище Уильям Сильная Рука.

А вот Генри Винчестерский являл тот тип священнослужителя, перед которым так и тянет преклонить колени, поспешить под благословение, облобызать епископский перстень. Будучи достаточно рослым и тучным, он выглядел величественно: пронизательные темные глаза, крупные черты лица, оплывший подбородок покоился на вороте роскошной сутаны из лилового бархата. Голову епископ обривал на манер монаха; подчеркивая, что дав однажды монашеский обет, намерен придерживаться его всю жизнь – что, впрочем, не слишком вязалось с его роскошным облачением, золотой вышивкой лиловой пелерины, сверкающими на холеных руках богатыми перстнями.

Личность епископа Генри восхищала современников. Он был одновременно и монахом, и воином, и политиком. Одни считали его перебежчиком из лагеря в лагерь, другие – единственным мудрым миротворцем, какому удавалось добиться от воюющих монархов соблюдения хоть каких-то законов. В любом случае он был непревзойденным мастером интриги и входил в число наиболее влиятельных вельмож в королевстве.

Сейчас, прочитав и отложив послание, епископ держался так, словно наблюдать за дочерьми Арундела для него важнее, чем обдумывать содержание королевского письма.

– Как славно, милорд, что вы вместе с юными леди приехали к Пасхе в Винчестер. Девушкам следует чаще бывать на людях. Сколько им лет?

– Они обе в возрасте невест, – улыбнулся Уильям д’Обиньи. – Оливии исполнилось пятнадцать, Агате скоро будет четырнадцать. Взять их сюда подсказала моя супруга – да хранит ее Господь. Сама же леди Аделиза не смогла приехать – она вновь на сносях, – добавил он в некотором смущении.

Епископ отнесся к сказанному благодушно: когда даме за сорок, а она продолжает рожать – это признак благоволения небес. А так же, – добавил он лукаво, – проявление великой любви ее мужа.

⁴⁷ Архивольт – каменный резной бордюр, украшающий арку окна или двери.

Супруга графа Арундела, в первом браке будучи женой короля Генриха I, ранее считалась бесплодной. Король Генрих, потерявший в проливе Ла-Манша своего единственного законного сына, женился на молоденькой Аделизе Лувенской исключительно из желания дать роду новых сыновей, но за одиннадцать лет брака этот союз не был благословлен ни единым ребенком. Причем в этом винули именно Аделизу, поскольку старый король имел детей как от своей первой жены, так и от многочисленных любовниц. Но стоило ему умереть, а ей вступить во вторичный брак со своим давним поклонником Уильямом д'Обиньи, как Аделиза принялась рожать одного ребенка за другим. Сейчас у них росло семеро детей, и бывшая королева вновь готовилась увеличить это число.

Епископ говорил об этом с одобрением. И когда Арундел расцвел от похвал, Генри, как бы между делом, неожиданно заметил:

– Кстати, король пишет, что Генрих Анжу недавно прибыл в Шотландию к своему дяде королю Давиду.

Арундел замер и внимательно посмотрел на епископа. Потом перевел взгляд туда, где на столе среди бумаг лежал свиток с алой восковой печатью Стефана.

– Так вот в чем дело, – его брови сошлись к переносице. – Похоже, Англия опять будет вовлечена в пучину войн.

Епископ Генри смолчал. Поведение графа не выглядело подозрительным, и все же, если учесть, что его супруга по-прежнему ведет переписку со своей падчерицей императрицей, он мог знать о предстоящем визите Генриха в Шотландию.

– Кто знает, отчего юный принц отправился к своему родичу Давиду Шотландскому, – заговорил епископ, поглаживая золотую вышивку на манжетах сутаны. – Для всех его приезд преподносится как желание быть посвященным в рыцари от руки короля шотландского.

– Но есть ли с ним войска? – заволновался Арундел. – Ведь это сын непримиримой Матильды, и некогда вы сами поговаривали, что после Стефана он может получить трон Англии.

– Да, некогда я это сказал, – согласился епископ. – Что было делать, если сам Папа противится помазанию Юстаса, а второй сын Стефана совершенно равнодушен к власти. Однако Юстас никогда не откажется от своих прав. К тому же в последнее время он ведет себя вполне достойно, чем может расположить к себе английскую знать и даже саму Церковь. Известно ли вам, милорд, что именно Юстаса отправили в Норфолкшир, дабы провести переговоры с архиепископом Теобальдом? И, представьте, переговоры прошли успешно. Теперь архиепископ Теобальд сам ратует за снятие интердикта.

Граф Арундел внимательно посмотрел на епископа.

– Никогда бы не подумал, что вы будете так поддерживать своего племянника Юстаса.

– Отчего же? Или некогда высказанные мною соображения насчет Генриха Анжу так уж неоспоримы, чтобы я не мог однажды передумать и высказаться за коронацию родного племянника?

– Думаю, что когда к противникам Юстаса примкнет и французский король Людовик, – а он примкнет, когда узнает, как принц повел себя с его сестрой Констанцией, – надежды на помазание принца не будут стоять и ломаного пенса.

– О Иисусе! – быстро повернулся епископ. – Что вам известно о Констанции Французской?

Арундел пожал плечами.

– Всем ведомо, что в наказание за излишне вольное поведение с Мандевилем Юстас держит ее в заточении. Как поговаривают, принцесса там почти сошла с ума от одиночества.

Епископ больше не слушал. Он пошел вглубь покоя; толстый восточный ковер скрывал звук шагов, но Арунделу показалось, будто он уловил нечто похожее на вздох облегчения.

Генри Винчестерский и впрямь перевел дух. Обращение Юстаса с Констанцией действительно могло рассорить их с Людовиком Французским.

– Все это лишь досужие рассуждения, друг мой, – повернулся он к графу. – Но вскоре тут появится Юстас, и мне надлежит оповестить его о появлении сына Матильды.

– Так принца ожидают в Винчестере?

И Арундел с волнением глянул на светлые силуэты своих дочерей в саду.

«Ну вот, скоро Юстасом будут пугать детей и юных дев», – подумал Генри Винчестерский.

Но тут внимание обоих привлек шум со двора, громогласные звуки труб, сообщавшие о прибытии значительной особы.

– Как говорится, помяни дьявола, – нахмурился Арундел, распахнув окно и выглядывая во двор.

Епископу было неприятно, что этот образец рыцарственности так отзывается о его племяннике. Впрочем, среди нормандской знати Юстас и впрямь пользовался далеко не лучшей репутацией, особенно с тех пор, как стал набирать в свои войска саксов. Одного из таких новоявленных командиров они и увидели, когда наблюдали, как во двор въезжают всадники в полном воинском облачении. На коттах⁴⁸ их красовалась эмблема принца – распахнувший крылья ястреб, – а возглавлял их высокомерный лысый воин в меховой накидке, с притороченной у седла внушительной саксонской секирой.

– Спрашивается, что делает в отряде его высочества этот бунтовщик Хорса? – подивился Арундел.

Епископ не ответил: вполне очевидно, что если саксы стали служить Юстасу, то и возглавлять их должен кто-то из влиятельных представителей этого народа. А Хорса был очень известен и уважаем в их среде. С ним в отряды Юстаса пришло немало воинов. Но сейчас епископ смотрел не столько на Хорсу, сколько на появившегося в воротах Юстаса – и, более того, на его спутницу. Вот уж чего не мог ожидать Генри от своего мрачного уродливого родственника, так это появления в обществе такой красавицы, да еще столь оживленной и ведущей с принцем любезную беседу.

– Интересно, кто эта хорошенькая девица?

Арундел резко повернулся.

– Это леди Милдрэд Гронвудская. Она дочь моего друга барона Эдгара, и если принц задумал дурное...

– Успокойтесь, друг мой, – благодушно усмехнулся Генри Винчестерский, наблюдая, как принц спешился и помогает сойти с коня упомянутой леди. – Когда даме грозят неприятности, она не будет так непринужденно красоваться на всеобщем обозрении.

Но на лице Арундела читалось беспокойство:

– Леди Милдрэд еще слишком молода, чтобы отдавать отчет в своих действиях. И, клянусь ранами Христовыми, ей не следует находиться в обществе принца без надлежащей свиты. Одно скажу: барон Эдгар – мой давнишний друг, он крестный моего второго сына, и, памятуя о нашей дружбе, я сейчас же пойду и выясню...

Последние слова граф произносил, уже покидая покой. Епископ тоже вышел. Но когда он, важно шествуя, спустился по широкой лестнице в холл своего дворца Уолвеси, то застал Арундела скорее сконфуженным, а девушку подле него – вовсе не несчастной. Еще епископ с удовольствием отметил, как восхищенно она оглядывает холл его резиденции – стройные пучки поддерживавших своды колонн, полукруглые арки наверху, глянцевого лака мраморных лестниц, скульптуры крылатых ангелов в стенных нишах.

⁴⁸ Котта – удлиненная верхняя одежда, часто без рукавов (здесь надеваемая поверх кольчуги) и с разрезами, дабы не стеснять движений.

К его преподобию приблизился Юстас и приник к руке.

– Храни вас Бог, дядюшка, – произнес он скорее весело, чем почтительно. И куда подевалась обычно присущая Юстасу бесстрастность? Он почти с насмешкой повернулся и посмотрел туда, где граф Арундел беседовал с Милдрэд Гронвудской и подошедшими дочерьми графа. – Похоже, наш Уильям Сильная Рука примчался едва ли не вызвать меня на поединок за похищение прекрасной дамы, и вот теперь смущен и растерян, обнаружив, что леди прибыла по доброй воле и находится под моей опекой.

Епископ предпочел промолчать. Он не любил высказывать свои чувства, поэтому спокойно согласился принять на постой племянника и его спутницу, поскольку королевский замок в Винчестере еще не приведен в порядок после штурма его войсками императрицы и там, по сути, пригодны для жилья только казармы. Вот пусть туда и отправляется мятежный Хорса со своими людьми, – его преосвященство бросил недружелюбный взгляд в сторону сакса. Обычно дерзкий Юстас с неожиданной покорностью согласился. Похоже, и леди Милдрэд ощутила облегчение, когда надменный Хорса покинул Уолвеси. Юстас же пояснил епископу, что взял юную леди под покровительство после того, как сопровождавшие ее тамплиеры хотели вынудить девушку отправиться в путь по морю в штурм.

– Они вели себя грубо, не считаясь с ее собственными желаниями и страхом перед стихией. Я же предложил леди ехать в моей свите. К тому же она так желала отдаться под ваше покровительство, что даже храмовникам не удалось ее переубедить.

Епископ дивился про себя, видя племянника столь оживленным и веселым.

– Юстас, разумно ли вам было вступать в пререкания с тамплиерами из-за девицы? – спросил он. И поспешил добавить, заметив, как стекленеют светлые глаза принца, как его лицо замыкается и становится суровым: – Но если вам удалось разрешить спор, то не вижу причины отказать в гостеприимстве дочери одного из наших верных сторонников. Ну а теперь представь мне саму юную леди.

Она и впрямь была прелестна: красиво очерченные губы, гладкая белая кожа, пышные волосы, мерцающие золотом и серебром, хрупкая и вместе с тем полная женской прелести фигура, которую не скрывали складки расшитого сюрко. А взгляд ее чем-то напомнил епископу котенка, который еще не ведает, что такое страх. Да, подобная красавица могла поразить его мрачного, вечно замкнутого в себе племянника. Недаром он так смотрит на преподобного дядюшку, всем своим видом выказывая – это мое, попробуй только вмешаться!

– Позволю себе полюбопытствовать: где сопровождающие вас женщины? – обратился епископ к юной леди. – Разве барон Эдгар отправил в путь единственную дочь без приличествующих ее положению спутниц?

Она как будто смутилась, и это навело Генри на мысль, что Юстас открыл ему далеко не всю правду. Да и Арундел, похоже, что-то заподозрил.

– Милорд Юстас, извольте пояснить...

– Одну минуту, – вмешался епископ, стремясь уладить назревающую ссору. – Прежде я хотел бы пригласить леди Милдрэд стать гостьей в Уолвеси. Надеюсь, ей будет тут удобно и она с удовольствием проведет время в обществе старинных друзей ее отца и ваших прелестных дочерей, сэр Уильям. Вас же, Юстас, после того как вы отдохнете и смените дорожное платье, я жду у себя. Прибыло письмо от его величества, причем с такими вестями, какие вам необходимо узнать!

Последние слова епископ произнес столь многозначительно, что смог отвлечь племянника от саксонки. И когда позже Юстас явился в покои дядюшки, тот сразу поставил его в известность о прибытии Генриха Анжуйского, или Плантагенета, как тот сам себя величал.

Юстас помрачнел.

– Итак, явился этот вертопрах, которого некогда вы же и предложили в наследники английской короны.

– Это было давно, – поспешил заверить епископ. – Теперь же нам следует подумать, что сулит его приезд.

Юстас какое-то время бурно дышал, но в его светлых глазах горел недобрый огонек, а тонкие губы кривились, отчего шрамы на подбородке словно отъехали в сторону и стали еще заметнее.

– Он не посмеет предъявить свои права! – произнес принц, по привычке натягивая до ушей черное бархатное оплечье.

– Так ли? Думаю, этот анжуйский коротышка не просто из родственных чувств явился на остров к дяде, который всегда поддерживал Матильду.

И епископ протянул Юстасу послание короля, который писал, что Плантагенет прибыл в Англию именно тогда, когда еще не улажены отношения с многими могущественными лордами и никто не ведает, чью сторону они примут.

Прочитав послание короля, Юстас резким движением смел со стола епископа бумаги и разложил большую карту Англии.

– Лестер, – Юстас обвел пальцем очертания владений Лестерского графа, – этот предпочтет не вмешиваться. Граф Честер – о, этот только добился перемирия с королем и не захочет рисковать покоем и положением, да и вражда с валлийцами удержит его от вмешательства. А вот от Херефорда действительно можно ожидать неприятностей, за ним нужно приглядеть. Так, графы Нортгемптон, Варвик и Дерби – они верны Стефану. Оксфорд – этот будет отсиживаться у себя и не посмеет никуда лезть. Иные... Нет, дядюшка, у этого щенка Матильды ничего не получится.

– Это не повод для тебя сидеть сложа руки и затевать куртуазные игры с прекрасной саксонкой, – сухо заметил Генри Винчестерский.

Юстас медленно повернулся к нему – он широко улыбался, но оскал его белых зубов выглядел недобрый, и глаза оставались холодными.

– А это вас не касается, дядюшка. Леди сама выбрала меня, и вам не следует вмешиваться.

Епископ смолчал, но в душе ощутил неприятный холодок и едва нашел в себе силы кивнуть в ответ на прощальный поклон принца.

«Только бы не случилось беды», – думал он, поворачивая колбу больших песочных часов – не столько для того, чтобы отмерить время, сколько в попытке успокоиться.

Увы, Юстас с самого рождения приносил семье одни неприятности. Еще ребенком он был маленьким чудовищем, злобным и нелюдимым, кусал няnek, ни с кем не общался, ни к кому не испытывал привязанности, жил, словно замкнувшись в собственном крошечном мирке. Почти до шести лет он не разговаривал, и родители сокрушались, что с ребенком не все в порядке, хотя и уверяли: мальчик все понимает и просто не желает говорить. Похоже, так и было, ибо в шесть лет Юстас вдруг заговорил, причем сразу так правильно и связно, что все только диву давались. Но его озлобленный нрав остался при нем. Его боялись собственные слуги, а няньки постоянно менялись, не желая ходить за столь злым и непослушным ребенком. Когда же принц подрос и пришло время отдать его на попечение мужчин, Стефану и Мод стоило немалого труда найти ему подходящих учителей. Однако Юстас оказался неожиданно способным учеником и с охотой погрузился в изучение всех рыцарских искусств – военное дело, верховую езду, шахматы, чтение и письмо. Другое дело, что он не выносил наставлений и не желал терпеть наказаний. Когда же один из наставников обошелся с мальчиком грубо, то десятилетний Юстас совершил свое первое убийство. Добыв где-то кинжал, он пробрался ночью в опочивальню обучавшего его воина, подкрался к спящему и заколол ударом в глазницу, столь сильным, что вогнал оружие прямо в мозг. После чего с недетской хитростью вложил окровавленный кинжал в руки другому воину. Если бы не его

запачкавшаяся кровью одежда и оставленные следы, соседа погибшего предали бы казни. И хоть происшествие наделало шуму, все же королю с королевой удалось его замять.

С тех пор Юстас сам стал выбирать себе учителей и решать, у кого чему учиться. Но все же люди из окружения принца опасались его, он подчинял их, подавлял каким-то особым магнетизмом, вселял страх. В итоге о нем поползли самые нелецеприятные слухи. Ничего конкретного – его родители следили, чтобы разговоры о принце смолкали, едва возникнув. И все же многие поговаривали, что если Юстас получит власть, то превратится в настоящего тирана.

А потом произошла эта история с Констанцией. Слух об этом все-таки расползлся: не случайно и Арундел осмелился что-то намекать. Но даже он не знал всей правды. А вот епископу было известно, что его племянник, получив обратно неверную жену, заперся с ней в отдельном покое, и многие слышали крики принцессы. После этого ее срочно увезли и заперли в неприступной башне Оксфордского замка. Было сообщено, что принцесса больна. Но Генри Винчестерский знал, что сделал Юстас с изменницей: привязав неверную супругу на ложе, распяв ее, он раскалил на огне оловянную ложку и засунул ей в промежность. После этого Констанция помешалась. Она ни с кем не разговаривает, все время молчит и шарахается от каждого шороха. Правда, в последнее время ее состояние несколько улучшилось, но принцессу держат все время взаперти, дабы изуверство Юстаса не получило огласки.

Да, Юстас привык действовать по-своему, то есть противозаконно, жестоко и тайно. Эта таинственность внушала людям страх, но и некое почтение. Уважают того, кого боятся, – а Юстаса боялись многие. Даже сам всемогущий епископ Генри опасался племянника: ценил его ум, но помнил о том бесчеловечном чудовище, что таилось в душе принца. И такому человеку однажды достанется корона Англии? С одной стороны, Генри, как родич принца, желал его возвышения и всячески этому способствовал. С другой же... Недаром он первый выдвинул предложение, чтобы трон после Стефана, в обход прав Юстаса, достался юному Генриху Плантагенету. И хотя Генрих, если верить молве, истинный сын своей непреклонной матери, однако он не так изощренно жесток и не подстраивает людям коварные ловушки.

А ведь именно в такую ловушку попала эта простодушная дурочка Милдрэд. Доверились принцу, оставила собственный эскорт и охрану, оказалась полностью в его власти. И теперь, если ее не оградит от домогательств граф Арундел, мало надежд, что Юстас отпустит понравившуюся ему девицу.

Последние песчинки в часах упали, и епископ перевернул колбу. Приближалось время службы в соборе. Однако прежде чем начать облачаться в полагающиеся литургические одежды, епископ послал за одним из рыцарей своего окружения и приказал тому срочно отправиться на остров Уайт. Генри Винчестерский хотел разобраться, как вышло, что непреклонные тамплиеры отпустили с принцем леди, которую обязались охранять.

На следующий день, в четверг, умолкли до воскресенья все колокола. Но сам город гудел, будто пчелиный улей. Постоялые дворы были переполнены, на улицах шла бойкая торговля и одновременно большая уборка, как и положено в предпасхальные дни. Белились фасады домов, вывозились кучи мусора, хозяйки натирали воском деревянные ставни, разгоняли бродивших по улицам свиней. И конечно, отовсюду доносились запахи стряпни: женщины ставили тесто и закаливали пряности для пасхальных пирогов, чтобы жжение во рту напоминало о страданиях Христа. Также в особых формочках изготавливали печенье в виде кролика, любимое детьми и взрослыми: этот пушной зверек с давних времен олицетворял изобилие и плодovitость. Детям рассказывали, что именно кролики прячут на Пасху крашенные яйца, которые молодежь и дети будут искать и дарить друг другу.

В этот четверг Милдрэд вместе с дочерьми графа Арундела отправилась в город. Пасхальный четверг считался днем милосердия, и девушки взяли с собой по кошельку для раздачи

милостыни. Во время их отсутствия к Юстасу прибыл его капитан Геривей Бритто, с которым они надолго заперлись в покоях. После разговора с ним принц сначала был задумчив, потом собрался и отправился в собор, где в это время находились граф Арундел с дочерьми и сопровождавшая их Милдрэд.

Принц повел себя весьма любезно, даже смог увлечь Милдрэд от ее спутников, когда показывал ей гробницы саксонских королей. Их статуи составляли как бы еще один ряд колонн в боковом нефе, и девушка вместе с принцем рассматривала увенчанные каменными коронами изваяния королей Кенгильса, Кеневульфа, Эгберта. Там они неожиданно застали за молитвой Хорсу. Правда, при их приближении саксонский бунтарь тут же поднялся и ушел.

Едва он удалился, Милдрэд негромко сказала принцу:

– До сих пор не могу опомниться, что вы взяли на службу этого человека. Он возненавидел меня после того, как я отказалась выйти замуж за привезенного им невесту откуда потомка саксонских королей. Хвала Всевышнему, что Хорса отказался от своих планов ради службы вашему высочеству.

– Да, за Хорсой следует приглядывать, – согласился Юстас. – А как я могу держать этого смутьяна под наблюдением, если не назначив его главой моих саксонских отрядов?

– Так просто? – вскинула брови девушка, глядя вслед своему неприятелю, удаляющемуся среди мощных каменных столбов собора. И добавила на латыни: – *Parturiunt mores, nascetur ridiculus mus*⁴⁹.

– Что вы этим хотели сказать? – не понял Юстас.

– О, не обращайтесь внимания, милорд, – засмеялась Милдрэд. Ей не нравился Хорса, но она не желала ему зла, потому и словом не обмолвилась о том, что еще не так давно тот собирался, ни много ни мало, начать собственную войну против всех норманнов сразу.

Негромко переговариваясь, они двигались по огромному пространству длинного нефа собора, и Милдрэд не могла не восхищаться его мощью и красотой. Неф уходил далеко вперед, его стены покрывала старинная роспись, а чередование полукруглых высоких арок было так торжественно и величаво, что перехватывало дыхание. Юстас проводил девушку к уникальной крипте, нарочно построенной с таким расчетом, чтобы ее затопляло водой. Возможно, пояснил Юстас, затопление происходит само собой, вследствие того, что вода подмывает фундамент, но все же отражение огня в темной глубине смотрелось очень красиво. Поведал он и про библиотеку храма, где хранится труд саксонского ученого монаха Беды Достопочтенного, описавшего историю саксов в столь древние времена, что и представить трудно.

– И вы читали ее? – оживилась Милдрэд.

Она дивилась, как хорошо образован принц, ей было с ним интересно.

– Вы довольны, что поехали со мной? – вкрадчиво спросил Юстас.

Девушка одарила его улыбкой. И принц забыл, что безобразен, забыл, что он чудовище, увлекшее красавицу. Даже то, как она оперлась о его руку при выходе из собора, где их ожидали граф Арундел с дочерьми, обнаруживало ее доверие.

Прогуливаясь, они двинулись по пересекавшей весь Винчестер Хай-стрит, столь широкой, что на ней могли разминуться две телеги. Здесь сохранились выложенные еще римлянами плиты, что делало ее чистой и красивой. Они рассматривали нарядное здание ратуши и большой каменный крест на площади перед ней. Пройдя весь город, они подошли к старому королевскому дворцу, ныне почти не обитаемому, но где по-прежнему чеканили королевскую монету, и, среди грохота и шума, смотрели сквозь решетку, как для Англии куют пенни, а из-под ударяющих по матрицам молотов вылетают огненные искры.

⁴⁹ Разрешаются от бремени горы, а рождается смешная мышь (лат.). Т. е. ничтожный результат больших усилий.

Здесь Милдрэд опять увидела Хорсу. Он наблюдал за ними издали, но девушке не понравилась презрительная улыбка, с какой он на нее смотрел. Поэтому ей стало легче, когда они двинулись вдоль городской стены к недавно построенной епископом Генри лечебнице Святого Креста – длинному зданию из светлого камня, где находили приют больные и нуждающиеся, а также останавливались крестоносцы перед отправкой в Святую землю. Свернув в боковую улочку, они оказались в квартале кожевников, и девушки зажимали носики от вони, когда по шатким мосткам пришлось переходить через специально отведенные сюда каналы с мутной водой. А когда они вышли к кварталу мясников, юной Агате д'Обиньи вообще сделалось дурно при виде освежеванных туш и потоков крови. Было решено возвращаться в Уолвеси, к тому же ясное небо стало затягивать тучами. Пошел дождь – вначале мелкий, он стал быстро усиливаться, так что ко дворцу епископа они почти бежали под потоками воды.

В Уолвеси Арундела ожидал гонец. Переговорив с ним, граф изменился в лице и сообщил, что ему придется уехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.